

Цветочек
аленький

Тиха июньская ночь. И лишь предание гласит, что в ночь сию под вековыми деревьями леса дремучего, в темной земле болот осушенных, алым цветом распустится папоротник. И покуда цвести он будет, всяк люд — и стар и млад, сможет желание заветное загадать, да не бояться, что не исполнится. И любое, хоть худое, хоть важное все сбудется под алым светом папоротника.

Цветочек аленький

Предисловие

Предисловие.

Данная книга, хоть и имеет под собой фундамент реальных фактов, является художественным вымыслом автора, а не историческим пособием, оттого не стоит искать нестыковки с первоисточниками, сразу скажу — они будут.

История, вообще, дело темное, пишут ее победители, предварительно сжигая неудобные летописи, заменяя старые сказки новыми, для себя более выгодными, посему, кто его знает, что там было, а чего не было? Книга, хоть и посвящена большей своей частью неординарной личности — княгине Ольге, все же несет в себе немного иной смысл, чем передать ее биографию, в которой, к слову сказать, до сих пор остаются пробелы.

На этих страницах оживают боги, ходившие по русской земле столетия назад. Проводят обряды, казалось бы, канувшие в лету, и чтут заветы предков, которые уже никто не помнит. Так много тайн хранит в себе славянская родина, а что может сильнее недосказанности и таинственности, будоражить и возбуждать пытливый ум, заставляя представлять дела давно минувших дней в новом, доселе не виданном свете? Ну что ж, на ваш суд, моя версия событий такого далекого близкого прошлого....

Тиха июньская ночь. И лишь предание гласит, что в ночь сию под вековыми деревьями леса дремучего, в темной земле болот осушенных, алым цветом распустится папоротник. И покуда цвести он будет, всяк люд — и стар и млад, сможет желанье заветное загадать, да не бояться, что не исполнится. И любое, хоть худое, хоть важное все сбудется под алым светом папоротника.

Тиха июньская ночь, и среди дремучей темноты леса начинает распускаться цветок кровавый. Да некому сорвать, некому загадать, лишь черный ворон ввысь взметнулся и, криком своим ночь оглашая, прочь улетел, чтоб мгновенье спустя опуститься на лавку за околицей дома старого с крышей перекошенной. Где стоит у порога девица, красива да пригожа, вот только взгляд не добрый, да старческий. Кивнул ей ворон и исчез, а та, косу черную за плечо закинув, свистнула залиvisto по молодецки. И на зов девичий метла прилетела, заплясала да затанцевала, рук ее ласковым древком касаясь. Как кошка, к ногам хозяйским ластясь, прикосновений выпрашивала. Схватила ведьма подругу свою верную, ввысь стрелой улетая. Летит к поляне в лесу дремучем, меж песчаных берегов реки Великой, над землею черною, в небе синем. И блики на лицо кидает светило полнолунное, в глазах девичьих отражаясь. Тысячу лет ведьма проклята, тысяча лет за желанье расплата, и нет ей смерти, что избавлением видится, покуда не сорван руками нежными цветочек аленький.

Тиха ночь июньская, и ничего-то не происходит, пока не расцвел папоротник.

Хороша девица Ольга. Сарафан ярок, глаза зелены, да ноги босы. И рыжие кудри, Ярилом при рождении целованные, блестят искрами золотыми, как языки пламени. А костер все выше разгорается, и народ беснуется, заходясь в танцах безумных, да хороводах веселых. И звезды яркие, с луною полною споря, во Великой реке отражаются. Эй вы духи древние, да боги нынешние, благословите детей Велеса в ночь дивную на Ивана Купала. Пусть плывут венки сплетенные, по руслу реки быстрой, и танцует люд пред луною круглой, с искрой пламени в душе русской. Посреди веселья народного изумрудом меж камней серых выделяется девица Олюшка красотой своей и задором. Громче всех чистым голосом девичьим песни небу поет она синему. Мед хмельной, слаще всех выпивая, в первозданном танце заходится. Кто-то сзади подходит тихонечко, что бы к стану ее нежному прикоснуться ладонью мокрою, за собой уводя в чащобу. Не понравилось Ольге это, засмеялась, да в лес она бросилась. Лишь босые пятки сверкали над землею черной в чаще дремучей. Долго бегая по корням, об коряги цепляясь, на поляне она оказалась. Где среди бурелома в осоке, распустился цветочек аленький. И как будто в тумане черном заморожено тянется Ольга к цветку алому, а откуда-то окрик слышится грозный:

— Отойди! Не смей! Не твой он! Разметаю по свету белому, коль сейчас подойдешь ты к папоротнику!

Повернула голову Ольга и увидела пред собой женщину. Хороша и лицом, и фигурой, лишь глаза, как у ведьмы, желтые.

— Отойди, это мой цвет папоротника, я ждала его, видит Сварог*, больше тысячи лет! Заслужила я ныне цветок этот, боле чем кто бы то ни был! — То ли просит, то ли угрозы бросает, желтоглазая женщина странная.

(Сварог — одна из ипостасей бога Солнца у древних славян. Всего в пантеоне четыре бога Солнца по каждому времени года (Хорс, Ярило, Дажьбог и Сварог (Световит). Сварогу поклонялись между осенним равноденствием и зимним солнцестоянием. — прим. авт.)

Но как будто окутана волею не своей, а чужой, навязанной, тянет руки к цветку Оленька и срывает бутон проклятый. Отражение свое в глазах ведьмы видит девушка и трясется. Смерти лик мерещиться девушке, в глазах женщины не знакомой. Но предатели губы, словно сами, не слушаясь девушки, шепчут папоротнику свое желание:

— Хочу жизнь прожить долгую, да хмельную! И любовь познать невозможную!

И заходиться ведьма хохотом, но не злым, а каким-то отчаянным. Столько лет ожидания попусту из-за такого смешного желания. Она тоже когда-то, дурочка, жить хотела дольше и праздничней, лишь не знала тогда, как по своему исполняет желанья цветочек аленький. Было в жизни ее веселье только пару годков и напрасно, а потом потянулось затмение, унося всё возможное счастье. Век за веком она отсчитывала, провожая друзей и подружек. Безвозвратно уносила земля ее близких, призвав и мужа однажды. А потом всех детей своих схоронила, как издевкой судьбы, оставаясь молодой, да прекрасной. У проклятья смерти просила, только все это было напрасно. Все желанья исполнил папоротник, и отцвел, оставляя загадку. Толи был, толь приснился, однажды, этот алый цветок прекрасный.

— Что ж, сама виновата ты, девица, — усмехается ведьма проклятая, — свою жизнь ты сейчас схоронила, загадав желание папоротнику.

— В чем же ужас, жить долго и счастливо? — Улыбается Ольга, ехидно так. Не поверила женщине девушка, ну и зря, а ведьме уж все равно. Так измаявшись ожиданием, потерять, что почти в руках было. Даже злости в душе не осталось, ясно дело — судьба так решила. Лишь на девочку, что цветок из под носа скрала, с сожалением ведьма взглянула, на прощанье сказав:

— Как устанешь от жизни, найдешь меня. И испросишь совета, как быть дальше, может, я соизволю с ответом, может, дом мой твоим когда-нибудь станет. — Желтым глазом сверкнув на прощание, ввысь взлетела, метлой погоняя, миг прошел и уже на поляне, лишь одна стоит девица Олюшка.

Страшно стало девушке, от слов ведьмы, да только молодо-зелено, побоялась, да забыв, вновь к берегу Великой танцевать у костра побежала. А на небе уж рассвет занимался, Лада* всех отдыхать приглашала, и семейные пары ее почитая, во леса рука об руку удалялись. Старики, выходя за околицы, да сурово поляну оглядывая, молодых по домам погоняли, все следя, что б никто в ночь веселую, под хмельным туманом в грехи не ударился.

(Лада — богиня любви, красоты и весны у славян. Ночь на Ивана-Купала — ее вотчина, ее вспоминают и почитают. Вопреки расхожим слухам об оргиях в эту ночь, Лада не позволяла не замужним и не женатым удаляться в леса, тогда как семейные пары могли заниматься, чем пожелают. — прим. авт.)

Вот и Олюшкин батюшка вышел, рукой издали машет, дочь домой зазывая. Не желая сердить отца, Ольга, сарафана подол подобрав, бегом к избе припустила, пятками босыми на камни острые не ступать стараясь. Но уснуть не могла очень долго, уж петух прокричал, а она все крутилась, не давали ей думы покоя, вдруг привиделся попросту папоротник? Вдруг не сбудется желанье заветное?

Тиха ночь июньская, да не для всех покойна.

Глава 1. Знакомство

Час минут не успевает, как Сон девицу в княжество свое погулять пригласил, а во дворе уж гомон стоит, перестук копыт, крики, да мат богатырский. Ольга как была лохматой, так в сени и выскакивает, поглядеть, что случилось. Через щелочку в ставнях запертых, хорошо видать, как во дворе двое всадников, у отца ее что-то требуют, перекивая друг-друга, как купцы на торжище.

— Княжич скоро прибудет, а переправа закрыта! Пошли кого, кто с лодкой управится, пусть по реке перевезут. — Один из конных приказывает, бровь сурово к носу сводя, что б жестом тем молодость лет, да не опытность в делах командных сокрыть. Не боится батюшка Олюшкин, ратника юного, что щеками кругл, не как воин brave, но теленок близ матери росший. Головой устало качая, с тоской в голосе крестьянин всадников прибывших спрашивает:

— Кого же я тебе, милый человек, в подручные дам, коли вся земля Псковская ночь сию гуляла? Дань Купале отдавая, костры жгли, да милости выпрашивая, хороводы водили, в реке купались, мед хмельной распивая? Никто до лодки той и не дойдет, не то, что править ее!

А Ольгу любопытство живьем поедает, на сына княжеского поглядеть, страсть, как хочется. Так ли пригож Рюрикович, как в народе сказывают? Али привирают, что б болтовней пустой умы девичьи смущать? А коли охота, чего бы не взглянуть? И решение скорое приняв, выбегает девица из сеней, тараторкой вокруг батюшки крутясь, краем глаза на воинов смотрит:

— Пусти, я сплаволюсь! Я ж лодку с пяти лет правлю, помогу княжичу, пока люд по домам отдыхает!

Отец, хоть не рад раскладу такому, а при всадниках, что посему видать оживились, слова Ольги услышав, отказать не может:

— Иди, горе мое, ток гриву свою причеши, а то не ладная совсем! — Рукой не довольно махнув, отпускает мужчина дочь не покорную мужчинам в провожатые.

Убегает Ольга, пятками босыми сверкая, что б через минуту пред очами всадников в чистом сарафане и косой заплетенной предстать. Вспомнив, что гостей не приветствовала, в пояс кланяется, да только не покорно, как должно деве деревенской, а залихватски, что приличиями не пристало. Лишь вздыхает отец, грезя, что исправится, повзрослеет, да поумнеет дитя его когда-нибудь. Ведь невестой уж ходит, а все как мальчишка по двору носится. Плюнув под ноги себе досадливо, в сени мужчина уходит, чтоб рожей своей не довольной, всадников не смущать.

Ольга же, время за зря не тратя, к реке Великой припускает, за конями булатными не поспевая. От бега быстрого сарафан задирается, колени девичьи, да голени тонкие открывая. Один из всадников от отряда отстав, Ольгой любит, но опомнившись, что дитя перед ним еще, а не женщина, вновь коня прищипывает, о чем-то себе улыбаясь.

Хороша девица Олюшка.

На другом берегу Великой стоит княжич Игорь, ногой нервно притопывая. Не желая терпеть ожидания долгого, все суровей становится юноша. Увидав, что лодка причаливает, злобу свою, в слова обличая, на прибывшего вымещает:

— Что не мог поскорее управиться? Аль плетей захотел, деревенщина?

Не пугают слова злые Ольгу, с любопытством княжича разглядывая, улыбается ему искренне, да локон длинный на палец накручивает. Хоть и выглядит свиристелкой мелкой, а мысли вовсе не девичьи, в голове у бесовки крутятся: "Как хорош, да пригож сын княжеский, до рукава его, что ли дотронуться?"

Тут и княжич уже замечает, что девица перед ним, а не сельский мальчонка, как поначалу привиделось. А приглядевшись, улыбается довольно, отмечая, что ладная девка, можно будет в пути развлечься. Лишь от берега в лодке отчаливают, княжич к Ольге все ближе двигаясь, по-хозяйски руками горячими колени девичьи поглаживает, да слова не приличные на ухо шепчет. Грозно брови к переносице сводит девушка, да веслом на мужчину замахивается, в гнев своем, весь страх да робость пред княжичем растеряв. Но, опомнившись, кому отпор дать пытается весло в воду назад опускает, от Игоря подальше двигаясь, с жаром речь свою начинает:

— Зачем смущаешь меня, княже? Может, я молода и не знатна, но уж лучше я в реку кинусь, чем стерплю над собой поругание!

Отпору такому изумляясь, ведь доселе баб не согласных не видывал, Игорь руки убирает, да иначе на девушку смотрит. Хороша и с задором девица, такая любому мужу честь сделает. И пред смелостью девушки преклоняясь, с уважением большим, чем до разговора этого было, к ней обращается:

— Ты откуда явилось, чудо?

— Да вон, рядом в Выбутах, живем мы. — Нехотя отвечает Ольга. Нет желанья беседовать с юношей, что как к вещи к бабам относится.

— Как зовут тебя, красна девица? — Улыбается Игорь, щек надутых девицы не замечая. Та ж, какмышь, что, в подпол забравшись, да кота встретив, понимает — бежать вроде некуда, но спрятаться больно хочется.

— Ольга я, княже. — Отпускает гнев девушку, на смену смятение принося, как бы и впрямь топиться не пришлось, что б на дом свой беды не накликать. Молва народная судачит, что суров да злопамятен Игорь, неужто спустит ей то, что веслом ударить пыталась?

— Ты варяжских кровей что ль будешь? Не серчай на меня, красавица. Молод я, да и горяч бываю, не подумал, что не по нраву придусь. Не держи сердца, Ольюшка, а то от обиды уж щеки раздулись как у хомяка по осени. — Улыбаясь устами безусыми, Игорь Ольге глазом подмигивает. Успокаивается девушка, настроение княжича поймав, понимает, что не будет тот из-за мелочи такой месть кровавую вершить. С облегчением вздохнув, рассмеялась, думая, как детям будущим рассказывать станет, что самому сыну Рюрика, коленки свои трогать не дозволила. Но на случай всякий, решает не болтать больше должного, от того побыстрей в сторону берега лодку направляет. И лишь весла осушив, сразу прочь кидается, не желая рядом с Игорем оставаться, так как никому, и себе в частности, признаться не хочет, что по нраву ей княжич пришелся. С лицом от смущения багряным, да весельем каким-то нервным, к дому девушка прибегает, издали видя, как мать коров с утреной дойки гонит. На оклик родительский не отозвавшись, Ольга в избу мышкой заскакивает, что б в сенях, за печкой старой посидеть о своем подумать. Эх, была бы подруга верная, что б все выслушав, ни кому б не трепалась, но не стоит о княжиче сплетничать, коли жить спокойно хочется. А мечтать, да по грезить на сон грядущий уж никто ей не помешает. Ни заметив как мысли плавно в крепкий сон перетекают, на волнах забвения в

царство Дремы уплывает, где мечтами к Игорю возвращается.

В то же время, на пригорке близ реки Великой, сидит князь Олег с воспитанником своим Игорем, да разговоры ведут не простые.

— Пора тебе, княжич, жениться. Уж четверть века минула, а ты все бирюком ходишь. Не долг мой век, скоро тебе княжество принимать, да державу поднимать, а коли один без жены будешь, тяжело придется. Любому семени земляца нужна, что бы росток пустить и сильнее стать. А куда одинок, любой ветер вдаль унесет, памяти о тебе не оставляя.

— Думал я об этом, только где ж ее найти, что бы сердцу любя, да глазу отрадна? — Вздыхает княжич, головой качая. Правильно Олег говорит, да что толку, коли не трогают сердца мужское дочери боярские, что подле него хвостами крутят.

— Не об том, Игорь, ты думаешь. Жене опорой стать надобно, оттого в бабе ум, да силу разглядывай, а уж любя — не любя дело десятое. Сыновей народите и прирастете друг другу через них.

— А ведь встретил я такую девушку сегодня, Олеже! Востроносая, да зеленоглазая. Забавная, словно зверек иноземный, но не это главное. Думал я повеселиться с девушкой деревенской, а что? Мила, да пригожа, да и я бабам люб, только отворот поворот получил. — Смеется Игорь, вспоминая, как воинственно очи горели девчонки, когда, честь свою сберегая, веслом на сына княжеского замахивалась. Никогда еще ранее, не пытались девицы от него средствами подручными обороняться. Чаше он от них прятался. — Я еще тогда подумал, что баба такая опорой любому мужу станет. С ней и в войне и в мире покойно будет. Горда, смела и неприступна.

— Вот и решено, поищем завтра рыбку твою, да поглядим, чего она стоит. А сейчас пошли, пока все вепри от наших речей не разбежались.

Перекинув через плечо луки, отправляются мужчины тропкой звериной дичь выискивать.

Ночь полнолунная на землю опускается, по болотам туманами стелется, меж лесных осин пологом темным дороги скрадывая. На опушке дом стоит старый, перекошенный, в доме ведьма сидит, в воду смотрит. На плече ведуньи ворон глазом черным моргает, лапой по воде круги пуская.

— Что скажешь, друг мой пернатый, глупа девица, да судьба уж колесо запустила? Лада-заступница поможет ей, а мы подождем, глядишь, и скрасит она нам века ожидания. — Гладит ведьма клюв друга своего безмолвного, да бочку крышкой прикрывая, спать отправляется. Где во снах своих серых вновь и вновь к ней являются призраки тех, кто когда-то опорой был, ныне же, за долгие годы прахом стали.

Рассвет занимаясь, красками яркими небо окрашивает, да воду реки Великой разноцветными всполохами обряжает. Солнышко теплое, в окно заглянув, девицу Олюшку по голове вихрастой нежно гладит, да в щечку лучиком поцеловав, за облачком курчавым скрывается. Нет желания просыпаться, сладкий сон Ольге снится, но петух треклятый во дворе заливается, в поля люд рабочий зазывая, тем побудку девушке обеспечивая. Потянувшись, вздыхает печально Ольга, не хотя платок серенький на голову повязывая, во скотник бежит, на утренний выпас животину вывести. А трава росистая, запахом полыни и первоцвета голову дурманит, так и хочется упасть, лицом в зелени зарываясь, да не думать о

делах ежедневных, коими каждый дом на Руси полнится. Сидя на пригорке, да веточку березовую пожевывая, думает Ольга о сыне княжеском, как бесстыжий мужчина коленки ей трогал, да предложения не пристойные нашептывал. Фыркнув от мыслей тех, девица хворостину подхватывает, да с улюлюканьем скотину к дому погоняет, чтоб к обедню успеть воротиться. Еще на подходе к улице знакомой, версты за пол, гомон слышится, да такой, что сразу видать, не ладное случилось. Пол деревни, дела утренние побросав, у избы Ольгиной топчутся, то галдя, то поклоны земные отбивая. В нехорошем предчувствие сердце девичье заходится, неужто аукнутся дела ее вчерашние, неужели накликала беду в пенаты родные? Припускает по тропке девушка, сарафан до бедра подобрав, чтоб ноги не стреножил. На подходе к околице видит всадников конных, да глазам своим поверить не в силах: княжич сам ко двору прибыл, да не один, а с мужчиной каким-то, да еще и дружина при них. К кафтану приезжего Ольга приглядывается, стать да гордыню мужскую примечая, понять старается, кто ж он таков. Пред княжичем не преклоняется, и дружина к нему с почтением обращается. Хлестким ударом догадка приходит, сам князь Олег в дом их скромный пожаловал. Эх, а она распустёхой в платье старом да платке еще бабкой ношенном пред ними пристанет? Коль за дело вчерашнее мстить явились, в сарафане землей пачканом, погибать девушке не хочется. Углядев во дворе соседнем, сына тетки Любомилы — Мишку, Ольга свистом его подзывает, в нетерпение ногой притопывая. Паренек, через забор перепрыгивая, не спеша да вразвалочку к Ольге вышагивает, торопливости девушки не разделяя:

— Чего тебе? Не видишь, князь с княжичем приехали, дай поглядеть спокойно. — И нечесанные волосы, пятерней грязной приглаживая, на лавку садиться, к частоколу спиной прижимаясь.

— А чего прибыли то? Не знаешь? — Любопытный вострый нос из-за дерева, где прячется, высовывая, Ольга спрашивает. А сама все глазом косит, не заметили бы раньше времени.

— Да поймешь тут чего разве? Бабы разгалделись, что сороки по весне, не услышишь, как вороги нападут. Тьфу! — Гнев праведный испытывая, на землю парень сплевывает.

— Загони скотину мою, а я огородами. — На бегу Ольга выкрикивает, хворостину Мишке вручая, меж деревьями растворяется. Парень голову вновь чешет, с удивлением на коров и на прут-погонялку глядя, как случилось, что миг назад отдыхал в огороде, ворон считая, а теперь вдруг за буренками приглядывает?

Через окно в избу забравшись, Ольга на чердак залезает, сарафан чистый, да платок праздничный искать. Гребень, как назло, запропал куда-то, приходится пальцами гриву рыжую разбирать, да в аккуратную косу складывать. Взглянув в водицу на отражение свое, решает Ольга, что хорошей стала, чем с пол часа назад была, потому, одежду на себе оправив, гостей незваных, но больно знатных встречать выбегает, по пути не упасть, стараясь, а то будет потеха, коль в подоле заплутав, Ольга к князю с избушки кубарем выкатиться.

Князь Олег уж и не рад, что на всю деревню гонцы кричали, о прибытии их с Игорем возвещая. Весь простой люд из изб по высыпав, челом поклоны отбивает, лоб расшибить не боясь, что-то громко выпрашивает. У кого корова не телится, у кого петуха кошка соседская съела, кто-то жертву Дажьбогу принести просит, чтоб посевы колосились, каждый крестьянин долгом своим считает, озадачить хоть чем-нибудь князя, коли тот к дому их

прибыл. И во всем этом многоголосье хозяева избы, в которую они невесту сватать явились, как-то теряются.

— Владимир! — Грозный окрик Олега в никуда улетает, но мальчонка, которого кликал, слышит все и без слов понимает. На забор взобравшись, зычным голосом зазывалы опытного кричит:

— Молчать! — Люд деревенский, вздрогнув, умолкает, прекращая на миг челом землю мутузить. — Князь по делу прибыл! А вы, воронами на него накинудились. У вас дел своих нету, кроме того, что б в пыли у ног князя валяются? Аль плетей захотелось? Вы почто друг на друга жалуетесь? Наказать, кого, может, требуется? Так за тем дело не встанет, токмо спины подставлять успевайте. Онемели либо? Рече, ждет князь!

— Что ты, что ты! Мы лишь здравствовать князю пожелать явились. — Стихает толпа пристыженная, властителя со свитой в одиночестве оставляя, народ по избам разбегается, под гнев Олегов попадать не желая. И в затишье том, громом с молнией по среди неба тихого, на пороге Ольга является. Хороша лицом, да фигурой ладная, молода совсем, но к женитьбе годная.

— Вот и доченька наша — Олюшка. — Извещает Олега хозяйюшка. Засмотрелся Олег что ж скрывать тут? Дивная княжна с девки получится, коль умна она хоть в четвертину от того как с лица прекрасна. Не любя разговоров долгих, да окольных путей к полю боя, извещает князь всем, кто собрался, что невестой девушка княжичу станет. Причитают родители Ольги, мать скупую слезу роняя, да платком холщовым по лицу грязь размазывая, к коню княжескому кидается, за сапог червонный Олега ухватиться пытаясь. Слезами да всхлипами речь перемежая, просит женщина дочку их не забирать. Говорит, что мала та еще, нет ума в ней да мудрости, что жене мужичке пристала. Не годна пока к жизни супружеской девочка, может, в будущем годе заедут? Там, глядишь, повзрослеет, окрепнет, и опорой мужу стать сможет.

— Что ты сырость разводишь тут, женщина? — Грозный окрик батюшки слышится, — Неужто смелость нашла с князем спорить? Аль не любя судьба княжны дочери будет? Успокойся, да на стол накрой, потолкуем с гостями важными. — Отступив от порога, да в пояс поклонившись, в дом мужчина всех приглашает, где от князя со свитой немереной, тесно, будто в сарае, становиться. Смотрит Ольга на то, как солдаты brave, на их старых лавчонках мостятся, как сам князь в дорогом кафтане хлеб ест, их мисок щербатых не брезгуя. И поверить не может девушка, что из дома отчего, что сердцу был дорог, скоро в терем княжеский переберется, где сама в парче да шелке, будет есть за столом резным, из посуды, слугами поданной. Помечтав, да опомнившись, Ольга матери кинулась в помощь, только руки трясутся в волнении, оттого и крынку с водицей колодезной вдребезги расколачивает. Не ругает за это матушка, даже грозного слова не говорит, хотя ранее за проступок такой, как пить дать, холщовой тряпкой бы отходила. Только плачет, родная, тихонечко, почти шепотом приговаривая:

— Ах, почто же они, окаянные, забрать дитячко у матери жаждут? Ведь все знают, как княжич наш до баб охоч, как деревенские мужики дочерей да жен своих от него прячут. Как же будешь ты в Киеве, Олюшка, без совета и тепла материнского? Племенной кобылой запрут в тереме, да там и оставят. — И уже не таясь слезами горькими заливаается, пухлыми пальцами нос утирая. Не стерпеть Ольге слез человека самого близкого. На колени, пред женщиной, что в муках ее рожала, падает, быстрым шепотом успокаивая:

— Что ты, что ты, не плачь, матушка, где же видано, чтоб княжну прятали? А что

княжич погулять любит, да что с того? Рожу сына себе на радость, ему на гордость, да при кровинке своей головой стану. Я хоть молода да не опытна, но со всем управлюсь. Ведь всегда говаривал батюшка, что я диво какая умная! — Очи матери Ольга целует, соленые слезы губами стирая. Прижавшись к груди женщины ее породившей покрепче, с силами собирается, да молоко к столу гостевому выносит. Голову кверху поднимая, стан осиновый плавно несет, с гордостью и решимостью, что ей раньше были не свойственны. Ради матушки, ради батюшки, не позволит она себе слабости. Все снесет, да все стерпит, лишь бы слез не видеть родительских.

Глава 2. Дорога в Киев град

Миновал сентябрь, ко двору уж октябрь стучится, значит, жатва заканчивается, время праздникам да веселью уступая. Сварог под купол собирает всех молодых, кто, жизнь свою связать желая, на поклон к нему поспешает. Девицы венки плетут, да платья нарядными узорами расшивают, о женихах, что в скором времени к домам их явиться, в пол голоса сплетничая. Парубки знатные да не очень, рубахи белые достают, матерям своим давая на них узоры ладные вышить, что б по богатству вышивки, да качеству ткани, молодки прознать могли, который жених завидней. Всему своя пора. Природа увядает, люд простой, да богатый, все к зиме долгой готовятся, кто знает, какой она в сем году будет, толи теплой, да короткой, то ли морозной, да затяжной. А пока, гуляют дети Велеса, свадебные хороводы водят, да костры высокие жгут, о холодах скорых не думая.

В избу к Ольге гонец стучится, ткани византийские от Игоря принеся. А с ними и послание, а котором велит княжич невесте платье свадебное пошить до седьмого дня месяца второго от начала осени, да сватов ожидать. Созывает девушка подруг своих в помощь, но те, знай, вздыхают да охают, красоте материи завидуя. Да в тайне недоброго Ольге желают, ведь надо ж так было, князь в жены позвал? Разве может случиться такое, что к девке из деревни глухой сваты знатные в дом постучались? Как есть привороженный! То, что ведьма Ольга вся деревня поговаривает. Каждый сам сочинил историю, да соседу пересказывая, всякий раз все подробности новые в свою ложь вплетает. Вот и вышел из молвы людской слух, что ворожила Ольга на Игоря, чуть ли не кровью младенцев невинных князя к себе привязывая.

— На воду пошептала что-то, вот и к ней прибежал наш княжич. — Бабка Вася кричит с околицы. — Потому и коровы не телятся, что дочь Ванькина Олька, все колдует чего-то! — Ей вторит соседка Авдотья. Бабы все языками треплются, в своей злобе от зависти заходясь. И мужи их, от жен своих отставать не желая, кости соседские моют, лишь с отличием одним — не Ольге, а Игорю завидуя. Только Ольга не слушает сплетни, не желая болтовню пустую оспаривать. Как себя обелить перед теми, кто мешок саж для тебя приготовил? Только матушку жалко девушке, не дадут ей соседки покойной старости. Будут мучить своим судачеством, да в бедах всех женщину бедную винить, что из чрева своего ведьму паскудную извергнуть посмела.

Вот минула седмица, другая, прибывают сваты к избе Ольгиной. С бубенцами, в шелках, да с подарками, всей деревне сластей привозят. Не скупится на выкуп княжич, мед хмельной разливает желающим, да на трапезу всех созывает, что на улице деревенской состоится. Во главе столов деревянных, князь Олег восседает, чарку за здоровье молодых поднимая, на шутки скабрзные не скупиться. Только Ольги не видно в гуляние, где же прячется княжна молодая? Игорь, встав, от стола отходит, по сеням невесту разыскивая. И находит ее за поленницей, рукавами слезы по щекам нарумяненным размазывающую.

— Востроносая, что рыдаешь то? Аль не люб тебе так я пришелся? — Смотрит княжич на Ольгу растерянно, не привычный к истерикам девичьим.

— От родителей забираешь, через реки, леса не добраться к ним будет. Как одна я чужой в твоём тереме стану жить да чему-то радоваться?

— Что ж ты, девка, такая глупая? Русью править со мною будешь, неужели княгине следующей, слезы лить за сараем дозволено? — В руки свои, от меча шершавые, берет Игорь

лицо заплаканное и, к себе притянув женушку, соль слезы губами снимает, слова ласковые нашептывая:

— Посмотри на себя, Востроносая, так красу свою изувечила. Нос как репа в год урожайный уж скоро станет от воды, из глаз пролитой. — Засмеялась Ольга звонко, сравнением потешным забавляясь, да, на коленки к княжичу запрыгнув, лбом к плечу богатырскому прижимается, песню свадебную затягивая. Песнь та печальная, но и по своему радостная, мягко льется из уст девичьих, всем желающим ведая, о судьбе тяжелой женской. Игорь, в смысл слов не вникая, гладит пальцами волосы Ольги, о своем думая, да радуясь, что свезло ему повстречать эту девушку дивную.

Всю неделю деревня гуляла, провожая с земли псковской в прошлом девушку славную Олюшку, ныне княжну Ольгу, жену княжича Игоря. И теперь, ни словечка злого, не услышит она от подружек. Побоятся сказать, лишь подумают, но, проводив ее в дорогу дальнюю, все равно от души посплетничают.

По лесам и по стешкам длинным, скачут княжич с молодою невестою. На полпути в Киев гонца вперед засылают, что б от имени четы правящей дал указ глашатаям градским. Пусть кричат на четыре стороны, что женат ныне сын Рюрика, и рукою своей, хлеб дающей, в день приезда кормить всех будет. Пусть на улицах града стольного выставляют столы и к ним лавочки, разливая желающим хмеля без меры, к чарке меда мяса вяленого подавая. Всей Руси гулять ныне велено, союз княжеский с радостью славя.

И гуляет русское княжество две седмицы не останавливаясь, и летит весть вперед по землям, из уст в уста передавая придание, что женился Игорь на деревенщине. Ольга слыша, как о ней за глаза отзываются, в бессильной злобе заходится, по ночам втихомолку рыдает, подушку пуховую слезами орошая. Но, однажды, в ночь полнолунную прилетает к окну ее ворон старый, по древку резных ставень когтями шкрябая, за собой зазывает. В след за птицей Ольга во двор выходит, а там ведьма ее дожидается, та же самая, что когда-то забрать цветочек аленький у нее пыталась.

— Чего надобно тебе, горемычная? — Вопросает невеста княжича.

— Это кто же из нас в горе мается? Разве я, а не деревенщина Игоря? — В ответ ведьме ей ухмыляется, на приветствие грубое не обижаясь. — Ты сама загадала у папоротника, вот теперь получай на здоровье. У любого желанья обрата есть: все исполнится, да не так как просится. Что теперь слезы лить понапрасну? Неси мед, посидим, потолкуем, глядишь, вместе с тобой поплачу, судьбу девичью сломанную, хороня.

В погреб Ольга за медом уходит, что б вернуться с кувшином полным, да плетеным лукошком, из которого оленина сушенная вкусно пахнет, желудок пустой ароматом дразня. Разливая по чаркам напиток, за поленницей прячутся девушки, что бы в тайне от глаз посторонних, разговоры вести секретные, да песни петь, душу рвущие.

— Так давно я была молодой, да в леса гулять уходила. — Развалившись на кучи с соломой, ведьма хмельная, глаза прикрывает, в воспоминания проваливаясь. — В той глуши и нашла цветочек, что всю жизнь мою в прах превратил. Одиночеством за желание, я сполна расплатилась, схоронив всех, кто дорог, да сердцу близок был. А сегодня, узнав, что рыдаешь, решила проведать, выпить с тобой, да тайну открыть, как не любит судьба тех, кто без дела воду роняет. Боле всех не прощает злодейка, слабость тем, кто, наверх взобравшись, проклинать свою жизнь начинает, печали к себе примеряя. Коли мир в кулаке держишь, да лишь словом одним закон пишешь, не имеешь права на горесть, иначе беду накличешь. Будь достойна тех благостей, Ольга, что судьба тебе щедро сыпет. Люби мужа, роди ему сына.

Укрепляй свое положение. Все мужчины уходят рано, их съедает война и болезни, вдруг, случится, что опорой стать мужу надо, а ты на то не годишься? Коль рыдать вновь решишься, прежде подумай, кто пойдет за владыку слабого? Кто поклонится в землю немощному? Принесет дары в дань дрожащему? Ежели голову не удержишь, выше тех, кто тебя окружает, потеряешь ее вместе с шеей, ошибок князьям не прощают. Я наказ свой сказала, ты об этом подумай, коли внемлешь, быть может, счастливей меня будешь. — И с последним советом, ведьма ввысь улетает, оставляя Ольгу в раздумьях тяжких. Песни небу ночному посвящая, сидит девушка, хмель в одиночестве распивая.

Уж рассвет занимается, трели птиц разнося по окрестностям града Киева. Кашеварка во двор за поленьями выходит, что бы печь растопить да князю с княжичем каши горячей к трапезе приготовить, а за поленницей, калачом свернувшись да прикрывшись куском меха облезлого, спит сном покойным жена Игоря, от меда сомлевшая. Испугавшись, стряпуха со всех ног к девушке кидается, что есть мочи за плечо хрупкое тряся.

— Ой-ой, что же будет. Авось князь не прознает, да почто ж ты девонька, под гнев напрашиваешься. — Ольга в ответ лишь мычит коровою. Кашеварка, тем временем за водицей студеной сбегавшая, о последствиях не думая, на княгиню свою будущую ее выливает. Ольга, кошкою кверху подпрыгивает, шипит, водою отплевываясь, а поняв, что случилось, в ужасе в лужу от воды натекающую садится. Как ей в терем идти такой? Распустёхой, мокрой, да со сна помятой? Хотела уж помощи кашеварки просить, но припомнив наставления ведьмы, решается требовать.

— Ты с ума сошла, женщина? Как ты смеешь княжну водицею? Аль плетей захотела, негодная? Ну ка живо пошла за одежей мне! — Говорит, высоко вскинув голову, а самой на душе не ладно. Так обидеть старую женщину! Как бы матушке такое не понравилось! Но кухарка, терзаний Ольгиных не разумеющая, уже стрелою, с тетивы напряженной выпущенной, убегает княжне за одеждою, гневных отповедей не дождавшись. Вновь на землю Ольга садиться, боль головную сдерживая, виски руками зажимает, да под нос себе слова заветные нашептывает:

— Я смогу, я со всем этим справлюсь. Рожу сына, нашему княжичу, буду им и щитом и знаменем, стану крепкой, как дуб столетний. Все забудут, откуда я родом, станут в пояс мне кланяться, да в глаза смотреть заискивающе, милости ища. Я сильна, да поможет мне Велес, будет так все, как я решила!

Поменяв одежды мокрые, заплетает Ольга косу рыжую и отправляется в терем к княжичу, на трапезу утреннюю успеть торопясь.

На скамье деревянной, вдоль печки восседают Игорь с Олегом, задушевной беседою, разбавляя стук ложек о миски.

— Вот и женушка моя появилась. Что с утра, дорогая, не весела? — княжич кашу в рот ложкой отправляя, на Ольгу с хитрецей поглядывает.

— Солнца яркого, добрые молодцы. Вы позволите сесть рядом с вами? Не спалось мне сегодня, княжич, что-то с вечера нездоровится.

— Сядь, позавтракай с нами, Ольга. — Князь Олег, на лавку указывая, поворачивается снова к Игорю, разговор прерванный продолжая:

— Не видать с Византией мира нам, верят в Бога они Единого, под сомнение само мироздание ставя, к нам своих ползунов пускают. Соберу я народы славные под знамена свои. И пойдем на Грека с древлянами, да с варягами, да с полянами. Чуди с нами поднимутся, и вятичи, там, глядишь, и радимичи в стороне не останутся. Ты же, Игорь, в

Киеве будешь княжить, за порядком приглядывая. Только вот, не дает мне покоя, что от берега до стен Царьграда на судах не подъедешь военных, кабы, их под ворота поставить, не продержится грек больше должного....

Тишину, что для мыслей престала, нарушает голос женский:

— Расскажу Вам историю, княже, как с отцом мы лодку латали. До избы от реки дотянули на подпоре с колесами. Может можно ладьи боевые, так же к стенам Царьграда доставить? — Робко шепчет Оленька, глаз от миски кашей полной не отрывая.

Застывает время в тереме, замолкают мужчины, задумавшись. На девицу поглядывают с недоверием, как такие мыли дельные в бабью голову приходят? От удивленья оправившись, первым князь тишину разрывает:

— Ну, девица! Ну, удивила! Я спокоен за Киев ныне, коли в стенах славного города, будет править княгиня мудрая. Так ведь просто решение было, как же сам я о нем не подумал. — И о чем-то своем размышляя, уходит Олег раздавать указания.

За столом только Игорь и Ольга молча смотрят в глаза друг-другу. Понимая без слов, поднимаются и в покои свои уходят.

С той поры пять весен минуло. Князь Олег воротился с победою. Щит, к воротам Царьграда прибыв, дань грекам назначил.

По дороге домой под Киевом, остановку князь сделать решается, напоить лошадей и воякам отдохнуть дать. Набирая водицы в ручье студеном, о делах Олег призадумывается, не заметив, как от дерева высокого, темная тень отделяется. Старый ворон, с ветки сорвавшись, криком громким лес оглашает, и уже вместо птицы странной, перед князем красавица девушка появляется. Оступается воин бравый, столько битв прошел не пред чем не дрогнувший, а узрев желтоглазую женщину, понимает, что не все в этой жизни он видывал.

— Аль напиться решил, добрый молодец. — Ведьма князя по кругу обходит, то бедром, то ладонью нежною, невзначай его тела касаясь. — А не хочешь ли ты вояка, красной девице радость доставить? Коль пойдешь вслед за мною в избушку, тайну страшную пред тобой приоткрою.

Смотрит князь, как прекрасна та женщина, от присутствия которой дух перехватывает. Он без тайны за ней на край света, удалиться готов, лишь поманит пусть. И она его за руку сильную прочь от лагеря в чашу уводит, между делом на землю мшистую сарафан с себя на ходу скидывает. Зачаровано смотрит мужчина, как в лучах заходящего солнца, кожа женская золотом блещет. Как прекрасен изгиб бедра полного, тонок стан, да бела грудь упругая. Не осталось у воина в памяти ни земли, на которой родился, ни знамени, как зовут его, уж не упомнит кто он есть и какой дорогой движется. Лишь тоска от потери времени, что на смерть и войну истрачено. Где любовь в круговерти утеряна? Разве есть, что важнее этого?

Поутру золотыми искрами сквозь ставни солнца лучики настойчиво стучатся. Князь Олег на подстилке соломенной рядом с женщиной просыпается. И лежит, не шевелится княже, чуткий сон рядом спящей красавицы потревожить боясь. Пряди черные с лица ее убирая, на прекрасную девушку любит. Вот и ведьма, от взгляда проснувшись, сквозь ресницы Олега разглядывает, как бы век пролежать так рядышком? Но судьба колесо не останавливает.

— Утра доброго, князь великий! Обещала тайну рассказывать. Вижу больше порой, чем мне хочется. Не во власти судьбу мне править. — И на миг замолкает женщина, то ли грустью, то ли печалью охваченная, но решив до конца рассказывать, речь свою скорбную

продолжает: — Смерть твою я узрела в колодце. От коня своего ее встретишь.

Помрачнел Олег тучей черною, в глаза ведьмы с недоверием заглядывая. Не поверив словам женщины, молча уходит с душой расстроенной.

Хоть и нет словам бабьим веры, все ж, прибыв назад в лагерь воинства, заколоть коня своего князь приказывает, да в лесу его и оставить. Саму смерть обхитрить мужчина желает, хоть и знает, что впусте это. Каждый ведает, как крепко костлявая держит добычу свою рукой мертвой ни на миг не пуская, оттого и потуги людские обмануть ее, Сумерлу бессмертную только лишь потешают.

Через год в тот лес возвращается князь, разыскать свою ведьму пытаясь. А на месте, где конь упокоен был, белы косточки только остались. И кричит Олег, тишь лесную гласом зычным тревожа:

— Выходи, посмотри, ведьма, жив я! — И, ногою на череп коня наступая, еще громче в чашу выкрикивает: — Да кого мне бояться, его ли? Вот он мертв, а я стою здесь! Не права твоя вода оказалась! Может быть, еще раз в нее посмотришь? — Хруст костей, сапогом раздробленных, тишину разрезает. Из обломков черепа змея выползая, смертельным укусом в голень Олегу впивается.

Так бесславен конец бывает, у того кто героем мниться, не в бою меч острый сложив, не на плахе врага голову потеряв, а от яда змеиного, от коня любимого, смерть встречает князь Вещий Олег.

Глава 3. Княжение Игоря

Уж семь лет, как Ольга жена мужняя, уж год как она княгиня полноправная при Игоре. А детей Род все не дает. Поговаривают в тереме княжеском, что пуста княгиня и к зачатию не способна. Не видать ей ни сына, ни дочери, так как проклята деревенщина Игоря богами. А еще языки злые сплетничают, что о другой жене князь подумывает. И все реже заходит в покои к Ольге муж когда-то любимый. И все злее и жёстче к ней его отношение становится, оттого что бессильна княгиня как женщина, и не может дитя в чреве выносить. И порой избивает Игорь рукою своей ту, кому в вечной преданности клялся.

Но не льет Ольга слез, не теряет надежды, помнит девушка слова ведьмы. Кто поклонится в землю слабому? Кто пойдет за правителем немощным?

Кликнув девку-помощницу, у окна садится, косу рыжую на пряди разбирая, смотрит Ольга, как Игорь с молодухой какой-то на коне уезжает.

— Чего слышно в народе, Переслава? — Вопросает княгиня, а самой боязно, что услышит от девушки, то чего и знать ей не хочется.

— Так тихо все, как грека поклониться заставили, так и славно в народе. Хлеб колоситься, бабы рожают, лепота!

— Не о том я, глупая! Что о муже моем сплетничают?

Замялась Переслава, слова злые, что в округе летают, от княгини утаивая. Не глупа Ольга, по молчанью девки все без слов понимает.

— Говори уж как есть, полюбовница у Игоря? — И тоска страшная наваливается, грузом мертвым на сердце повиснув. Прикрывает глаза Олюшка, не желая слез своих показывать.

— Говорят, с Царьграда девушку пригнали, глазами ясная, щеками румяная, губы как вишенки, лоб высокий, да брови смоляные. Кожа белая, как снег первый. На кухне бабы сплетничают, что с ней князь ночи проводит, потому и к тебе в покои глаза не кажет.

— Выйди вон, Переслава! — И предательски злые слезы, комом к горлу подкатывают. Кулаки сжимает Ольга в ожидании, когда одна в покоях останется. Как могла она быстро так потерять над мужем влияние? Как он смог от нее отвернувшись, у другой искать утешения? Переслава девка глупая, на пороге все мешкает что-то. Не уходит, напротив, вернувшись, в ноги к Ольге кидается. Прижимаясь лицом к коленям княгини, тараторкой заговаривает:

— Ты прости меня за весть дурную, Ольга! Не хотела я сплетни бабы рассказывать, только рано ли, поздно ли, все равно все узналось бы.

Смеется Ольга залиvisto, волосами рыжими слезы смахивая, изливает в веселье неистовое, всю печаль свою не растраченную. И в истерике это этой приходит ей в голову, мысль простая, да оттого не менее верная, коли сможет родить полюбовница, отошлют из терема Ольгу, в лучшем случае родителям возвращая.

— Ты поможешь мне, Переслава? Не по службе, а дружбы ради? Никому о том не рассказывай, что просить тебя сейчас буду. — Перейдя на чуть слышный шепот, Ольга просит, узнать о девице, что прислали подлые греки для услады мужа ее Игоря. Где содержится, и как кличут, чем в светлице своей занимается. Получает дары ли от князя и ночей сколько вместе проводят. Отпустив Переславу, задумывает, как избавиться от соперницы. И все искренней улыбается, мыслям черным своим радуясь. Не хочет княгиня тьму в сердце пускать, но как видно придется, так как выбора ей не оставили.

Позвав одного из дружинников, говорит ему:

— В лес по ягоды сходить я желаю, снарядите в охрану мужчину, кто со мной прогуляться изволит.

И идут они чаще дремучей, впереди мелким шагом Ольга, вслед за ней служивый суровый, что в охрану княгине поставлен. Но не смотрит на ягоды женщина, по сторонам все больше поглядывая. Ищет Ольга ворона старого, что бы восточку с ним отправить. И находит, за холмом на пригорке, сидит птица знакомая, клювом перья свои вычищая. Поманив пташку, к кусту с ягодой можжевелевой направляется, тихим шепотом приговаривая:

— Ты лети быстрее, пернатый, весть для ведьмы передай, пусть придет ко мне до утра, потолкуем, есть о чем.

И, взметнувшись к кронам деревьев, в небо синее ворон взлетает, оглашая глушь окрестную криком каркающим.

Ольга ягоды не спеша собирает, о своей судьбе размышляя. Как из девушки веселой, что плясать у костра любила, баба поганая случилась, что, на совесть наплевав, неугодную женщину извести решилась. Но нельзя над судьбой своей печалиться, что за зря о деяниях грустить, коли нет другого решения. Если хочет власть над мужем в руках своих удержать, негоже сомненьем терзаться. Поделившись мыслями грязными с Берегиней-рожаницей,* заранее прощение у нее вымаливает. Помощи не просит женщина, зная, что не помощник богиня в делах темных, лишь бы зла не держала и то ладно будет, осерчает ежели — не видать детей Ольге во век. Просидев на пенечке до вечера, недовольство охранника, домой спешащего, не замечая, собирается женщина в терем возвращаться. По дорожке идя, с ведьмой свидеться надеется, а, увидев подругу закадычную, вздыхает радостно. У околицы, на метлу опершись, стоит женщина желтоглазая. Не поняв, где слова взялись, Ольга ведьму спрашивает:

— Как звать тебя, зрящая?

— Не ужель не догадываешься? Поумней ты мне виделась. — И прищутив очи желтые, над невежеством Ольги посмеивается.

— А должна ли?

— Да могла бы. Так и быть назовусь тебе именем. Я Морена*, баба ты глупая.

— Ты Морена? — Бледнеет Ольга. Дурно стало, неужели та самая? Злей которой не сыщется в мире, та, которой деток малых страшат.

— Испугалась? Не стоит, милая, — смеется ведьма залиvisto. — Не желаю дурного тебе я.

— Ты звала меня имя выяснить? Али дело какое есть ко мне? — Продолжает Морена насмешливо, испугом девушки упиваясь.

— Есть, да просить теперь боязно. — Ольга шепчет губами от страха белеными. Как могла она с богиней страшной, словно с девкой дворовой общаться?

— Не обижу, проси, ты по нраву мне. От соперницы хочешь избавиться?

— Как узнала ты?... Хотя верно все, ты же видишь всяк больше, чем я думаю. Попросить хочу приготовить настой, что бы разум человеческий мутился. Что бы волю свою навязать под зельем тем можно было, а на утро, кто выпьет его, ничего упомнить не мог. — Все ж на просьбу Ольга решается. Глупо как-то смущаться опосля того, как цветок аленький из под носа Морены скрала.

— Ты действительно этого хочешь? Не боишься, что может последовать? Не простит

Берегиня такого, на десятки лет бесплодием накажет.

И смолкает Ольга, задумавшись, стоит ли ревность такого проклятия? Только ведьма сомненья развеивает речью дальнейшей:

— Вижу, если останется девка греческая рядом с Игорем, то родится сын у них, он и будет Русью править.

— Делай зелье! — Княгиня решается, высоко вскинув голову кверху, у неба помощи вымаливает.

— Не сказала я, что коли избавишься от полюбовницы мужа, твой сын князем следующим будет. Может быть, не случится тебе матерью стать и терзания души напраслиной станут. — Ждет ответа Морена, последний шанс княгине давая, отказаться от затей скверной. Но ответ твердый слышит:

— Делай. Должно так. — Не позволит Ольга других наследников Игорю, кроме тех, что сама родить сможет. И на все пойдет женщина, в отчаянье своем в угол загнанная.

Получив согласие, Морена вмиг исчезает, с обещанием к утру воротиться. Высоко на метле в небо взмывает, даже духа своего близ Ольги не оставляя.

Занимается рассвет красный, птичьим гомоном землю будя. Слышен бай дружины голосистой, что о чем-то спорят близ терема. Ведьма, как и обещала, с лучом первым, землю оближавшим, появляется. Водрузив на стол Ольге чашу, до краев красным соком наполненную, шепчет слова заветные, что бы миг спустя, княгиню в одиночестве оставить, на зелье заговоренное глядеть, да совестью маяться.

Позвав Переславу, Олюшка выпытывает, что за день прислуга выведала. И ответ получает, что разлучницу кличут — Марей, и ночи она в покоях княжеских проводит, а как день наступает, по терему шляется, мехами, которыми ее Игорь одаривает, пред чернушками хвастаясь, да над супругой законной любовника своего за глаза посмеиваясь. Говорит, что вскоре сама княгиней станет, место Ольги в сердцах народа заняв. Злостью черной душа жены Игоревой наливается, вытесняя совесть не спокойную яростью. По столу кулаком хлопнув, приказывает женщина отнести чашу Маре, да хоть силком, хоть уговорами до дна осушить вынудить. А потом привести распутницу в светелку Ольгину, да в ноги княгини кинуть.

Ожиданию недолго длиться, даже дня не проходит, как в покои супруги законной, вводят девку-полюбовницу под руки белые, да с порога на колени пред княгиней ставят. Та безвольно лбом в пол дощатый утыкается, видно зельем вдосталь опоенная.

— Ты почто, мерзость греческая, на мужа моего заришься? Власть мою поколебать решила? Не получится, ой, не получится. Ты сегодня в покоях Игоря, задушить его попытаешься, скажешь всем, что тебя из Царьграда смерти княжеской добиться послали, а на утро не вспомнишь о том, что с тобою мы нынче виделись. И покуда вспомнить пытаешься, твою голову уж и отрубят.

Слово в слово приказ Маря исполняет, под властью зелья дурманного, не соображая. От того по утру с головой и прощается, не поняв, что случилось. У окна Ольга день простаивает, место ставшее плахой для женщины, что перины Игорю грела, оглядывая. Муки совести сердце сжимают, в правоте дел своих усомниться вынуждая.

Красива осень на Руси. Листвой багряная, ручьями звонкая, да ягодой красная. Ветра порывистые деревья обнажают, к зиме ветви гибкие готовя. Крестьяне всходы последние с

полей убирают, которые снег заметет скоро. Костры свадебные в серое небо взмывают, от песней грустных да хороводов веселых колеблясь. Плынут по рекам венки, девками не мужними сплетённые, да молодцы добрые их ловят, на головы одевая, избранниц ищут, что руками своими цветы в воду пускали. А найдя, из хоровода под руки выводят да в дома свои ведут, что б женой сделать. И связь ту, которая клятвой у костра ввысь улетает, никто не порушит. Дана она небу, Ладе, да Велесу, и нет ничего крепче для люда русского, чем слова богам сказанные.

Красива осень на Руси. Грибами богата, да рыбой в реке полна. Дождями плача, земле силу дает, что б в году грядущем хлеб лучше родился. И те, кто свободного ветра ощутить желают в поля бегут, на вязанках травы сухой полежать, песни звездам ярким распевая.

Красива осень на Руси. Как красна девица, грустна и прекрасна, красками яркими очаровывая, ветрами северными отрезвляет. Капризна природа к зиме готовясь, то теплым солнцем балует, то дождем ледяным окатывает. Но тем и прекрасно время это, что не постоянством славится.

Грустит сей осенью Ольга, к кострам свадебным выходя, хороводы с молодыми девушками водит, свадьбу свою вспоминая. Как хмель разум туманил, как счастье границ не знало, и муж верный рядом за руку держал, к губам алым прикоснуться не уставая. Куда ушло все? Как в воду кануло, в летах потерялась, вся страсть томления сердец молодых.

Вдруг, чувствует, руки крепкие в тиски стан ее сжимают, выпускать не собираясь. Хмуриться Ольга, отповедь гневную негоднику готовя, но углядев, что Игорь ее обнимает, расслабляется, улыбкой на улыбку отвечая. И радостно так становится, и вновь весна в душе цветами распускается. Хохочет княгиня молодая, кудри рыжие ветру подставляя, да с задором князя спрашивает:

— Неужто, в терем свой поведешь меня, княже?

— Так весен восемь уж как увел, но каждый год к костру с тобой выходить рад буду. Ты жизнь моя, искра яркая, пойдешь ли в терем мой этой осенью?

И словно дети малые, жизни радуясь, бегут, смеясь да толкаясь, князь Игорь с княгиней Ольгою.

И все меж ними налаживается на годы долгие, да только грусть снедает, что не дарует Род деток маленьких. И люд интересуется, кто княжить после Игоря будет, коль нет ни сыновей, ни дочерей у четы правящей. А тут еще и год голодный выдается, народ волнуется, да возмущается. Пришлось в поход вновь снаряжаться, в войне огонь восстаний тушить. К непокорным древлянам Игорь следует, что б с них дань собирать, да покой землям ближним обеспечить. Князь Мал, что землями теми владеет, хоть хитер, как лис в пору весеннюю, но духом слаб. Покоряется Игорю, не выдержав натиска. И, как водиться, со времен давних, на землях отобранных дружина победоносная гулять начинает, от страха смерти избавившись, девиц насильничают, да кровь невинную льют, за павших собратьев мстя. Тяжко Малу на бесчинства те смотреть, но поделать ничего не может. Поклоны ниже гнет, за пазухой нож держит, на чудо надеясь. Не случилось чудо ныне, уходит Игорь с земель древлян, дочь Мала — Малашу с собой прихватив. Хороша девка, да хитра, и умом не в отца вышла, а в прашуров дальних, что земли эти отвоевывали. Окрутив по дороге до Киева князя, в стольный град не рабыней, но женой второй приезжает. И хватает везения девушки, от гнева Ольги уберечься, на острие меча мести ее не попав. А на третий год от поры той, сына Игорю Малаша дает, сама в горячке родовой стора, видно чем-то судьбу обидела, коли не дала ей она дитя свое в

руках потешить. Княжича Улебом нарекают, да нянькам передают, наказав беречь пуще глаза, опору государства киевского. О женщине несчастной, что, жизнь ребенку давая, сгинула, тризну справив, забывают, будто не было Малаши на землях этих. Но на всех постах вести радостные глашатаи выкрикивают, Игоря славя, да будущее великое Улебу предрекая. Странно, как быстро теряется Смерть подле дара Рода.

Ольга в отчаянье по терему мечется, детей своих не имея, на радость мужа, что наследника в руках тешит, с ненавистью смотрит. Не печалит грусть Ольгина, Игоря, отцом ставшего, не волнует князя смерть жены второй, некогда любимой, ни порушить невзгодам да зависти счастье того, кто ребенка в колыбели качает.

Преданная как пес княгине Переслава, не боясь гнева Игоря, предлагает Ольге удушить младенца. Но не может женщина на чадое невинное руки поднять ни своей, ни людей ей верных. От горестей тех, да печалей, валит Ольгу недуг на седмицу, тошнота то и дело подкатывает, да еда впрок идти не желает. Лишь с постели встает, голова идет кругом, назад лечь заставляя.

Поползли по терему слухи, змеями в каждую горницу пробираясь, что брюхата княгиня Ольга, вскоре Киев обрадуют новым наследником. А пяток седмиц спустя, становится ясно, что слухи те — истина! Видно сжалилась Берегиня над Ольгою, раз дитя в час тяжелый подарить решает. От счастья такого женщина тяжелая, всем хлеба даруя, в городе столы накрывает, чтоб люд простой за трапезой за нее, да за будущего наследника хвалы вознес. Ведь известно всем издавна, что на сытый желудок, крестьянин искренней радуется.

В положении своем прекрасна Ольга, нет краше бабы в мире этом. Косу тугую заплетая, через плечо на грудь полную, молоком налитую, перекидывает. Платье просторное, что уж не в силах живот большой прикрыть, надевает, да к мужу в покои отправляется. Смотрит на нее Игорь, наново влюбляясь в губы алые, да глаза с поволокою. А злые языки уже мелят, что ведьма княгиня русская. Ведь сколько лет уж мужниной женой ходит, а все молода, как в день свадьбы. И все примечают, что кожа у Ольги нежная, да гладкая, такая лишь девушкам юным пристала, и волосы седины не знают, хоть и минуло уж двадцать весен, с поры той, что Игорь в Киев замухрышку деревенскую вывез. Но не слушают сплетен княгиня с князем, своему счастью нарадоваться не в силах.

Девять месяцев минуло не заметно, и темнеет сердце Олюшки, что вторым ее сын родится, будет младшим при брате Улебе. То, что дочь появиться может, по приказу княгини молчать велено, что б языками своими погаными к ней несчастье не притягивали.

В день весенний и теплый по летнему сын у Ольги рождается. Светлоглазый и темноволосый, как две капли воды на отца похожий. Тяжки муки матери были, долго в схватках княгиня металась. Ни кому не дает Берегиня поблажки, ни князьям ни люду простому. Все в крови, да поту на свет являются, вне зависимости от сословия. Нарекают дитя Святославом, что был светел и славен путь его. И весь Киев гулять созывают, за чету княжескую порадоваться.

Славен Игорь! Славна Ольга! Славен сын их Святослав! Гуляй земля русская, меж набегом вражеским да земельным бесплодием, время для праздника завсегда найдется.

Познав вкус материнства, дитя к груди приложив, вспоминает Ольга про Улеба несчастного, что ласки материнской с рождения лишен. Приказав забрать у кормилицы, молока своего дает пасынку, на ребенка чужого глядя, прилив нежности испытывает. С той поры братья вместе воспитываются, не догадываясь, что матери у них разные. Любит княгиня сына мужниного, так как только мать любить детёныша своего может. Правду

молвят в народе, что сердце женское, с появлением младенца больше становится.

Год минул, за ним второй, уж третий Святославу Игоревичу годок идет, не нарадуются мать с отцом на дитя свое, не ведают, какие горести впереди их ждут. А та, что ведает, в избе своей сидит, да помалкивает, не желая в людские жизни вмешиваться.

Радуетя Ольга жизни своей, как во хмелю живет счастьем полная, да вот только после пьянки любой похмелье не задерживается.

В год тяжелый отправляется Игорь к древлянам за данью. В путь дорогу собираясь, снаряжает князь дружину, жену целует, да сыновей по головам лохматым треплет, разлукой с детьми печалась.

Князь Мал, хоть обиду на Игоря затаил, да дружины его боится. Дань собрав, к стенам города выставляет. Но не хочет гордец Игорь у ворот свой оброк забирать, желая в городе погулять, дружине своей волю давая, отдохнуть, по буянить, да девок потрепать. Терпят древляне, дочерей, да жен пряча. Скрипят зубами мужчины, что женщин своих уберечь не смогли, да поделать ничего не в силах. День, другой, и пора возвращаться обратно в Киев захватчикам. Снарядив богатырей своих, отправляется князь киевский восвояси. Да вот только версты не проехав, девушку ладную встречает. Глаза голубые в кайме ресниц черненых, губы алеют, как маки по весне, волосы русые в тугую косу затянуты. Смотрит Игорь не налюбуется, а девушка сарафана подол подхватывает, да к стене городской стрекача задает. Скачет князь за нею следом, азартом охотничьим охваченный, не замечая, что дружина его по отстала, коня подгоняет, девице в след улюлюкая. А древляне уж и ворота открывают беглянку впуская. Вслед за нею Игорь заезжает, да не чает, что его за теми стенами ожидает. Вот ворота закрывают, князя вяжут, да к Малу на суд ведут. А дружина за стенами в растерянности, что поделать не зная, кричат да грозит древлянам, только тем, кто за камнем прячется, не страшны те кто за воротами остался. Без головы не плыть рыбе, без князя да воеводы в бой воину не идти.

Усмехается Мал, глупости Игоря радуясь. Все грехи ему вспоминает. То как дочь любимую из дома отчего выкрал, дань безмерную, каждый год выплачиваемую, девок деревенских обесчещенных, да мужчин в бою положенных. Суд короткий вердикт выносит, к четырем деревьям за кроны Игоря привязать, да порвать на четыре части. Что останется за стену выкинуть, пусть дружина в Киев везет, а там найдется, кому оплакивать.

(*Берегиня-рожаница — славянская богиня семейного очага, помогает детям, матерям. У нее просят здоровья, семейного счастья и крепкого потомства.

***Морена — богиня смерти, холода у славян. От ее имени взяли начало такие слова, как мороз, морок, мор, уморить и т. д. — прим. автора).**

Глава 4. Ольгу на царство

— Едут! Едут! — Летит клич по Киеву, народ ликует, князя из похода встречая. На крыльцо терема Ольга выходит, Улеба со Святославом за руки держа. Княжичи неугомонные, вырваться пытаются, что бы отца первыми встретить. Княгиня на них шепотом ругается, объяснить стараясь, что не пристойно так детям княжеским вести себя. Но что слышится вместо криков радостных, вздохи, ахи, да рыдания горькие. Детей Переславе вручая, Ольга бегом сквозь толпу бросается. Видит да глазам своим не верит, на щите мужа любимого по частям домой возвращают.

Да разве кто знает, каким горе бывает? Когда сердце в крови купается, когда глаза света белого видеть не хотят. Да разве поймет кто, как раненой птицей ввысь улететь хочется, что б с разгона о камни броситься и забыться в муках телесных. Да разве услышит кто крик души умирающей, когда дотла костер боли ее выжигает. Да разве увидят руки трясущиеся, как волосы на себе рвут они. Поймут ли, пожалеют? Нужна ли кому жалость в час такой, когда сердце мести требует? Не будет покоя, покуда живут и радуются те, кто в смерти любимого виноват.

Падает Ольга на колени, пред телом мужа своего. Руками трясущимися, глаз его неподвижных касаясь, веки закрывает. И сквозь пелену горя безрассудного стучится в голову мысль мудрая, что двое детей у Игоря остается. Годков им мало, чтоб народом править, да за смерть отца по справедливости отвечать. Что бойня в Киеве за власть начнется и вслед за мужем ее с сыновьями на плаху отправят.

В чем сила духа русского? Как знать, быть может в мощи принятых решений? Покуда все спокойно, люд живет, но в трудный миг, он начинает действовать. Да разве может мать горю придаваться, когда опасность коршуном над детьми ее кружит? Да разве будет покойным сердце женское, покуда сыновья ее по лезвию меча богатырского ходят?

Спину сгорбленную выпрямляет Ольга, в глаза дружине жестко глядя.

— Вы в смерти мужа моего виновны, детей его теперь вы сберегите. — Обвинения воинам бросая, рукой командира манит. — Есть разговор, скажи, пускай костры пока готовят, да столы накрывают, поможем Игорю в пути его новом. — И в терем заходит, назад не оглядываясь, пока слез ее никто не видит, лишь о детях своих несчастных в сей миг думая. Воевода следом идет, гадая, чего княгине надобно. Но лишь с глаз посторонних скрываются, Ольга интригу заканчивая, разговор трудный начинает:

— Скажи, Свенельд, как много дней Киев удержать смогу я, прежде чем смута начнется?

— Да, что ты говоришь такое?

— Оплакать мужа хочу, да боязно мне, что покуда горевать я буду, дружина князя нового в Киев приведет. Не спорь, я знаю, где сила собрана там и власть начало свое берет. Кто воинов сдержит в оковах рукавиц стальных, тот и править будет. Детей моих не пощадят. Успею ли я такого как Олег найти?*

Не успевает Свенельд Ольге возмущенно ответить, как гонец от Мала к терему прибывает, от князя своего известие принося.

Подслушано из разговора князя Мала с советником своим:

— Ну что, ты скажешь Алек, как быть мне с русами? Поговаривают у Игоря два сына осталось. Один из них, вроде моей крови будет. Дочерью умершей рожден.

— Так говорят у Игоря и жена красавица, позови ее в жены, и войны избежишь, и кровь твоя при тебе останется.

— А коли не согласится?

— Да куда ж ей деваться? — Смеется советник, словам князя дивясь. — Ей либо вслед за мужем, либо к тебе в услужение. Детей спасая, на все она согласится. А откажет, войне быть, дружина власть возьмет, да сыновей казнят, если новому князю сие угодно будет.

Задумался князь Мал, да махнув рукой, гонца звать велел.

— Чего надо древлянам от княжества нашего? — Вопросает гонца Ольга.

— Великий князь Мал, передать велел, что замуж завет княгиню вдовствующую, обещая мужем быть ласковым.

— Муж один у меня был и будет, что еще передать мне велено?

— Наш князь добр, а Игорь жесток был, да не выгодно тебе Ольга отказывать. Либо власть разделишь с мужем новым, либо вслед за старым отправишься.

— Угрожать мне будешь, холоп безродный? — Ольга злиться, признавать не желая, что прав гонец своей правдой страшной, только Мал не знает, сколь коварен ум женщины обиженной. Гнев свой смирив, княгиня уже спокойно отвечает: — Хорошо. Передай князю, пусть послов, да сватов присылает. Потолкуем, глядишь, и решим чего.

Созывает Ольга дружину, от себя детей по праву руку поставив, да голосом громким призывать начинает:

— Эй вы, воины славные, да неужто смерть князя своего без наказания оставите? Неужели древлянам вероломным головы свои носить да радоваться? Я жена Князя Великого! Супруга его законная, пред Сварогом в сарафане белом голову склонявшая, детей ему в муках рожавшая! Преклонитесь, воины доблестные, да идите путем моим, принимая веру мою как свою. Отомстим древлянам! На колени поставим, да по землям их огнем пройдемся! От мечей, да от стрел наших мужья их погибнут! Не оставим смерть Игоря безнаказанной.

Но не смотрит дружина в глаза Ольгины, не слышат они речи пламенной. Каждый знает, что не сможет женщина Русью править, так как ум у бабы короток. Злиться княгиня сильнее, но виду не кажет:

— Князь Мал старейшин своих шлет, свататься желает. Надо встретить, как полагается. — Взяв детей своих за руки, в терем Ольга уходит. А дружина негодует: только что про месть речь держала, а теперь послов вражеских встречать велит. Кто-то крикнул зло в след княгине уходящей:

— Может, мы их еще и с воды в ладье к ногам твоим принесем?*

Ничего не ответив, улыбается Ольга, мысли дельной, что в голову стучится, радуясь. Эх, не знает воин спесивый, что словами своими дерзкими, только что княгине идею подал.

Поутру вдова яму рыть во дворе приказывает, да послов дожидается, что к вечерней трапезе как раз поспевают. По велению Ольгиному, их встречают радушно, да в ладье прямо с реки к терему несут меж домов и землянок крестьянских, сквозь ропот народа возмущенного. Негодуют дружинники, но дело делают, не время пока с княгиней спорить. А послы еще хорохорятся, славой князя своего кичась, почесть незаслуженную, как должное принимая. Только вносят ладью во двор терема княжеского, Ольга в яму их с судном вместе

бросить приказывает, а пока те кричат, да выбраться пытаются, над головами их, склонившись, спрашивает:

— Как вам честь? Хороша ли? Горше Игоревой будет ли?

И живьем закопать повелев, за работой рабов наблюдает. Упиваясь столами вражескими, крики дружины слышит не сразу, а расслышав, не смеяться старается, за надменной маской ликование скрывая.

А кричат мужчины довольные тем поступком, что Ольга сделала. Наказав древлян проклятых, за смерть князя любимого отомстила. Этим делом всем доказала, что достойна она быть княгиней.

— Ольга! Ольга! Да славится княгиня наша! — И головы буйны склоняют. И весь Киев к ногам женским падает. На колени воевода становится, меч свой в землю у ног Ольги вбивая, свою верность и преданность кажет, что к женщине мудрой питает.

Ольга, взглядом строгим оглядывая, вопрошает у войска:

— Все, что вам прикажу сделаете? Али спорить снова думаете?

И в ответ тишина ей только лишь, воле женской вся Русь покоряется!

— Каким следующий шаг будет, Оленька? На войну ли к древлянам двинемся? — вопрошает воевода старенький. — Нам Перун* не помощник ныне, в рядах воинских разлад со смертью княжеской.

— Лучше ты мне скажи, Свенельд, как мне быть, что б воины слушались? Ты же с ними с миски одной кушаешь, одной чаркой еду запивая. Должен знать, как добиться преданности, ведь вся сила моя в нашей дружине. Не подумай, что о себе и о детях забочусь лишь, только стало в княжестве тихо, все в порядке, голод не морит нас, да чума стороной обходит, для чего сейчас смута в Киеве?

— Не силен я в делах хитростных, лишь мечом махать и обучен. Потому и хожу я дружинником, не простым хоть, но и не князем правящим.

Смотрит Ольга на воеводу и думает, что уж очень стар теперь Свенельд, по моложе б был, мог бы мужем ей стать, и все дело б на этом решилось.

— Хорошо, ступай, позови Переславу. — Ольга устало на лавку садится, девки-услужницы дожидаясь. Только вместо нее Морена является, как всегда не разлучная с вороном верным.

— Что ж ты, Ольга, расселась тетехой? Разве время сейчас в уныние впадать? Ты ж хотела жизнь хмельную прожить, да про похмелье видно не слышала. — Рассмеявшись, богиня была такова, сизой дымкой развеявшись по ветру. Вслед за ней и Переслава заходит, волос княгине вычесывать, да слухи последние сказывать. Говорит, что поступком суровым, уважение снискала Ольга, ныне все, кто князю был верен, на поклон к ней ходить станут. Понимает Ольга, что ношу на плечи непосильную взваливает, да разве есть путь у нее другой, кроме того, что в гору крутую по камням ведет? Да разве может она босыми ногами в можжевельный куст не сунуться, коли от этого жизнь народа ее зависит? Думы темные, в голове гуляют, просит Ольга Ярило путь ее не легкий осветить, и само солнце лучами ей щеку лаская, поддержку и силы дать пытается.

Тяжко порою решение принимать, а когда нет права оступиться вдвойне тяжелее, но жизнь такова, что тот, кто ответственность взять на себя сумеет, тот миром править и будет. А коли труслив, то и сиди себе за печкой, нос за околицу не кажи.

— Ну ка, Переслава, гонца зови. Ответ князю Малу передам.

Гонец Данила, приказа ожидая, в сениях томится. Травинку пожеывая, думает, что тяжка жизнь холопская, коль хозяин не в духе, то и рабу не сладко будет. То что Ольга не в настроение ныне, он еще на подходе к терему понял, по метанию слуг, что не делом заняты, а в прятки с княгиней играют, каждый раз ее на горизонте видя, схорониться стараясь. Намедни сообщили ему, что на земли древлян Ольга его отправить собирается с поручением важным. Вот и гадают мужчина с войной или миром идти к ворогу придется. Ведь всем известно, что коль вести дурные гонец принесет, то назад лишь головушка буйная вернуться может. И все ж любопытство снедает Данилу, какое решение княгиня примет, ведь с той поры как Игорь помер уж, почитай, месяц минул, а вдова его в тереме затворницей восседает, нос за околицу показать боясь. Хотя и дала всем силу свою почувствовать, послов древлянских живьем закопав, но все одно нет надежи в плече бабьем. Правда злить Ольгу после того бояре поостерегутся, уважение и страх их на время какое-то она получила. А среди люда простого все больше любопытство подогрела, ныне лишь ленивый не судачит о том, что ж еще княгиня удумает. Теперь во всех сторонах града стольного, во всех дворах и закоулках киевских споры горячие ведутся, что дальше Ольга предпримет. Вот кузнец Корней кричит, что войной княгиня к древлянам выдвинется, да правду свою конем подкрепляет, что соседу отдать обещается, коль в догадках своих не прав окажется. А мельник Клим, иначе думая, кадушку браги разлить грозит, коль ошибку допустит в суждениях своих, что замуж за боярина знатного Ольга выйдет, за спиной мужской от бед всех прячась.

Данила добро свое не закладывал, да предположений не строил. К чему ему это, коли, долгом тяжбы своей, первым о планах Ольги прознает. Вот тогда-то и торговаться с умельцами местечковыми можно будет, в отличии от них не гадая, а наверняка правду зная.

Услыхав зов слуг, гонца разыскивающих, Данила на ноги поднимается, травинку сплюнув и рубаху от соломы отряхнув, в покои к княгини отправляется.

То, что Ольга не покойна, мужчина сразу видит по тому, как ходит она кругами, да нервно руки заламывает. Вдохнув воздух вечерний, ароматом трав наполненный, вдова княжеская говорить начинает:

— Скажи к древлянам, скажи их князю, что оскорбил он меня не подумавши. Прислал послов, почетом не отмеченных. Коль хочет свататься, пусть старейшин в сваты шлет, не то не пойду за него замуж.

— Неужто пойдешь, коли сватов знатных пришлет, матушка? Не губи народ киевский, отыграется ведь князь Мал, за все бесчинства дружины Игоревой. Прольет кровь мужей наших! — От слов таких, теряет Данила настроение благодушное, как может баба эта, Русь под удар ставить, уж лучше бы сразу ворота града ворогу отворила, с караваям праздничным встречая.

— Не части уже! Иди и передай, что велено, не должна я пред тобой ответ держать. — Яростно глазами зелеными Ольга сверкает. Смотрит на нее гонец несчастно, и гнев княгини на спад идет. — Иди, не бойся, если и суждено крови литься, то не нашей, а древлян.

Уходит Данила, гадая, поверить ли словам княжеским, аль усомниться? Да стоит ли торговаться с соседями, еже ли самому пока не понятны помыслы бабьи? А Ольга, терзаний гонца не разумея, ответы на вопросы не высказанные при себе оставляя, платок на голову накидывает и в лес сбегает, где, единения с собой ища, в сапожках ладных по бурелому скачет, по глубже в чащу уходя. А, дойдя до опушки солнцем озолоченной, березам

белоствольным в пояс кланяется, да на валун присев, за день прогретый, плачет всю боль, печаль и страх слезами смывая. Вода все уносит, землю орошая, корни питает, силу жизни давая, оттого и важно порой из глаз ее вылить, что б разум очистить, да на помыслы свои по иному взглянуть.

— Отец наш, Велес, к тебе на поклон пришла я. Помоги детям своим, дай сердцу покоя, поддержи в деле моем кровавом. Дурное я мыслю, да во благо. — Небу слова отправляет Ольга, не видя как к пристанищу ее старче подходит. Плечи дедовские шкура медвежья прикрывает, руки посох колченогий с резьбой затейливой держат. Углядев, что заметила женщина его, голосом певучим старец спрашивает:

— Да разве дурное во благо быть может? — Онемела Ольга, во все глаза смотрит да очам своим не верит. Старик тем временем речь свою продолжает, по-дедовски губами шамкая. — Во всем есть сторона противная, и все вернется к тебе, что другим пожелала. Думы твои известны: о себе, о детях, да о Киеве печешься, да токмо людей невинных почто губишь?

Забывает Ольга, кто стоит пред ней, ноздри парусом раздувая, кричать начинает:

— Невинных? Али ослеп ты, старче? Сгубили они Игоря! По частям мне муж прислали? Неужто простить? Аль как в учениях византийских щеку другую подставить? — Прекрасна княгиня в гнев, рыж волос, в закатном солнце, ярче пламени полыхает, да только некому оценить красоту этакую, для Велеса все дети его едины.

— Да разве ж мужи старые, твоего Игоря к кронам вязали? Ты ж супротив них зло думаешь. Да и честней будь, пред собой хотя бы, не за то ты древлянам участь такую готовишь. Власть свою кровью подкрепить пытаешься, мужам глупым доказать силясь, что достойна меч над ними удерживать.

— Не губи мое сердце, старче, не проси передумать, не смогу уже. Решено все, гонец уж отбыл, да и если б не отбыл.... Не суди, все равно Мал свое получит, даже если я опосля буду проклята. — Устало на пенек Ольга присаживается, последниу силы, что на войну с совестью дадены были, на гнев глупый истратив, не знает как дальше в ладу с собой жить, в ночи криков убитых не слыша. Еще с поры той, когда полюбовницу Игоря к плахе толкнула, сердце глупое, разуму не подчиняясь, трепыхается птицей пойманной, сны по ночам беспокойные посылая.

— Быть тому, раз ты так решила. — Кряхтя, старик подымается. — Только не дивись потом, когда зло твое к тебе и воротится. — Исчезает Велес, будто не было. И сидит Ольга в одиночестве, гадая, али был здесь только что отец леса, али совесть миражи присылает. Да только слова его, в голову кузнецким молотом вбиты. Лишь себе княгиня вдовствующая может признать, что не за мужа мстит, а себя и детей, намерениями благими прикрываясь, спасти хочет.

(*Ольга имеет ввиду Вещего Олега, который княжил, после Рюрика, пока маленький Игорь Рюрикович не смог занять законное место. — прим. автора)

(*Принести в ладье с воды — великий знак уважения, когда послов в ладье несут к княжескому терему — прим. автора).

(* Перун — бог войны др. славян. — Прим. автора).

Глава 5. Месть

О том какие бани на Руси иноземцы заморские байки рассказывают. Один посол византийский, к примеру, царю своему в доносе писал, что больно грязен народ русский, оттого и банькой по два раза в седмицу не брезгует. Но занятней то, что годок на Руси проведя, тот посол и сам к бане русской пристрастился. Да так, что писать о ней в докладах своих не иначе, как о благодати божьей стал, что насмешкой господней не грекам набожным, а русам варварским дадена была. Уж больно по нраву мужчине старому пришлись венички дубовые, которыми его рабыни молодые охаживали, да отвары еловые, которыми те же молодки камни каленые орошали, для аромату приятного.

Любо иноземцам банькой на Руси по баловаться, но не ведают они, что благодать та может не только усладе чресл служить, но и оружием грозным стать, коли потребуется.

— Едут! Едут! — С забора мальчонка соскочил, и грязными руками размахивая к терему княжескому кинулся.

Переслава, у ворот стоя, пареньку кивает, показывая, что слышит все, и к княгине поторапливается. Ольга же тем временем указы раздает, баню для дорогих гостей затопить да отвара травяного в предбанник поставить. Князь Мал старейшин свататься прислал, надобно честь оказать, как принято. Что б запомнили все на годы долгие, как хлебосольны для гостей не прошенных земли русские.

— Лишь тебе верить могу. Только ты меня не подводила. — Княгиня Переславу за руку хватает. — Пойди к гостям дорогим, да скажи, что сначала в бане искупаться велено, что бы с чистым телом и помыслами пред очи мои ясные явились.

— Ой ли, Ольга? Да ведь стары они, чем помешать делу нашему могут? — Переслава — душа добрая, врагов уберечь пытается, но непреклонна Ольга в затее своей, все уж решено, и сомнения служки только раздражают.

— Поди и делай, что велено! Телом стары — умом молоды! В голове вся сила, Переслава. Я ведь тоже женщина слабая, да немощная, но открой очи и увидишь, как враги к ногам моим лягут!

И идет девушка, гостей знатных встречать, да в баню спроваживать. Хоть и ноет сердце доброе, но ясно Переславе, что права Ольга, раз уж жить в мире хочется, надо жертвовать чем-то, а порою и кем-то.

Разговор тяжелый закончив, Ольга в сени выходит, да сквозь дверь открытую, в небо взор направляет, у Ярило помощи прося, но не его время нынче. Ноябрь холодный, под меха ветром северным пробивается, а синева небесная, кровью зорьки залита. Ах, как прекрасно своей мрачностью время это, когда живое все отцветая, морозу и вьюге место уступает, как красив серый лед, тонкой кромкой землю по утру покрывающий, как свеж и вкусен запах мороза, как балуют слух крики птиц, в места, где теплее отправляющихся. Никто осень не любит, зимы холодной да голодной боятся, а Ольга смела, она радуется любому времени, каждый день как последний проживая, в мелочах покой и счастье находит. Глубоко вдохнув горечь холодную, княгиня к дружке твердым шагом направляется.

Издали Свенельда увидав, к нему торопиться, полами платья длинного пыль поднимая.

— Прикажи баню с гостями знатными заколотить и поджечь, да следить, что б не

выбрались! Ни старцы, не дружина охранная!

— Мудро ли это, Ольга? — С хитрецей воевода на княгиню глядит. — Не простит тебе Мал такого деяния. Огнем и мечом по земле русской пройдет.

— Делай, что велено. Детям деревьев смерть от огня почитай почестью будет. — Княгиня зло в сторону бань глядит. — А за дальнейшее покоен будь, пока Мал поймет, уже поздно станет. — С тем наказом и была такова. Хочет Ольга сначала, от терема подальше уйти, да в последний момент решает остаться. Раз уж казнит кого, то глаз прикрывать нечего. Видеть деяния свои надо, да знать, как жизнь отнимает, память об этом и будет расплатой в грехе тяжком. Поодаль от бани встав, глядит, как двери дубовые заколачивают, слышит гомон испуганный древлян, понявших, что не мыться их в баню позвали. Видит клубы дыма черного, в сизое небо поднимающегося. Слушает, как кричат люди, в агонии огня смертного заходясь. Знает, что век пройдет, а она сей день помнить будет, как за одно слово ее десятки жизней человеческих отняты были. Ор затихает, сменяясь запахом зловонным. В воздухе вонь мяса горящего густым туманом стелется. Хватаясь за живот, Ольга слезами горькими давится, все, что ела давеча, на землю промерзлую выкидывая. Утёршись рукавом платья теплого, в сторону терема, качаясь, ковыляет. Как в тумане голова мыслями безрадостными полнится. И впадая в забвение, чувствует княгиня, как рука холодная на плечо ей опускается. Поднимает Ольга взгляд, что б Морену узреть. Та глазами желтыми сверкая, ухмыляется.

— Сладка ли месть тебе, Олюшка?

— Горше смерти Игоревой. — Понуро княгиня признается.

— Так зачем творишь такое, от чего сама страдаешь? — И так ответ знает да все равно спрашивает ведьма.

— Нет пути другого. Все мы в мир пришли, что бы дорогу найти. Пусть плох путь выбранный, но мой труд пройти его.

— Мудрая ты Ольга и глупая. Знаешь, почему смерти ищешь? Потому, что я сама смерть. Я ее несу, я ей питаюсь, горе людское сквозь черное чрево свое пропускаю. Потешила ты меня сегодня. А то, что глядела — то верно. Негоже плод труда своего не видеть. — И как всегда, со словом последним, пропадает Морена, в горьких раздумьях Ольгу оставляя.

Не пришлось княгине долго мыслями себя темными истязать. Пред очи ее зеленые воевода с дружиной являются:

— Приказание твое мы выполнили, только что нам дальше делать прикажешь? Как пред Малом за сей поступок отчитываться? Али воевать с ним будем? Так ты знай, коли меч обнажить решишь, что не все ратники за тобой выйдут. Половина лишь в тебя верует, остальные бабой глупой считают.

— Половина лишь за мной не выйдет, остальные же щитом мне станут. Так почто бы и не повоевать нам, Свенельд? Али гнева Перуна на старость лет убоялся? — С задором княгиня спрашивает. Смотрят воины на нее, да диву даются, что за женщина ими правит, без страха в бой отправляющаяся? И такая гордость в сердцах мужей бывалых за княгиню свою поднимается, что стучать по земле и имя ее выкрикивать начинают.

Смотрит Ольга взглядом орлиным поверх голов бойцов своих ратных, и сердце ее решимостью от поддержки той наполняется.

— Эй, Переслава! Шли гонца князю Малу, пусть мед хмельной готовит, скажи, что женой его стать готова, да только по мужу на могиле тризну* справлю. Пусть Мал в знак почета, да уважения, мед хмельной готовит, да сам со своей дружиной меня встречает. И

вместе со мной и сыновьями Игоревыми тризну по отцу их убиенному справит. — Хитро глаза зеленые щурит, на не понимающую дружину поглядывая, наказ свой продолжает: — Коли о старейшинах и дружинниках, их сопровождающих спросит, скажи, что вместе со мной придут. — Развернувшись к Свенельду, уже ему приказ дает: — А ты, друг мой верный, дружину снаряжай, да вслед за нами отправляйся, держитесь так, что б день пути нас разделял, я с сыновьями к зорьке на место прибуду, ты же с воинами после заката явись.

На том и решают. А к назначенному дню, Ольга с сыновьями своими Улебом и Святославом, в путь дальний снарядившись, в охрану себе десять воинов славных берет. Ребят, что смерти не боятся, да меч лучше других в руках держат. Они же и за княжичами непоседливыми приглядят и от врага какого защитить смогут.

Подслушано у князя Мала.

— Да неужто сдалась баба эта неугомонная? Что за странные приказы она мне шлет? Почто я тризну по врагу своему кровному справлять должен? Мне ли Игоря оплакивать? — В гневе по терему князь древлян мечется, на пути своем кулаком пудовым утварь сбивая. — На коленях ко мне приползти должна была, змея, вместо этого я ей сватов почетных шлю!

— Не гневись, княже, все равно по твоему быть. Кто поймет капризы эти женские? Охота ей обряды рядить, так пусть потешится напоследок, не к чему война нынче. Слаб люд киевский, но и мы не сильны. Уважь прихоть бабскую, да и тебе сполна воздастся. Миром князем всея земли русской станешь. Меча не обагрив, Киев покоришь.

— Прав ты, друг мой верный, да только не покойно мне, нутром чую, обманет меня баба подлая.

— Так ты, не один, а с дружиной езжай. Да возьми воинов числом пять тысяч. Устрашится княгиня, коли дурное задумала. А как тризну справите, так с женой молодой и вернешься.

— Молодой ли? Ей, поди, уж четыре десятка минуло. — Князь Мал усмехается.

— Мож и минуло, да только поговаривают, красоты она неземной даже в годах своих.

— Точно, ведьма! Ох, не покойно на душе моей, не покойно. — Печалится Мал, но к могиле врага кровного собирается.

Утомительна дорога для Ольги, но молчит княгиня — терпит. Видит, что сыновья ее непоседливые тоже, притомившись в седлах коней неспешных, дреме предаются. Страх в душе глубоко когти пускает, вдруг не так пойдет, как задумано. Как мальчишек любимых от гнева сберечь? Как самой спастись? Кони поступью тяжелой, меж корней деревьев лесных пробираются. Хочет Ольга у Велеса помощью заручиться, да подумывает, что к древлянам он благосклонней будет, ведь живут те дикарями меж деревьев своих, духа леса больше всех почитая.

Как задумано было, так и случается. Прибывают они в место назначенное вместе с зорькой. А там, уж воинство бессчётное дожидается. Едет Ольга с сыновьями, да с десятком дружинников, меж бойцов вражеских. Смех в душе ее зарождается, сколько воинов с собой Мал привел, знать боится ее! Вот и сам князь-предатель, стоит, под уздцы коня держа. Ольга спешивается, да походкой твердой к нему вышагивает. Ни поклоном, ни кивком головы не одарив мужчину власть имеющего, княгиня речь приветственную начинает:

— Что ж ты, княже, женщину хрупкую, с воинством числом многотысячным

встречаешь? Неужто в сердце твое страх посеяла?

— Что посеяла, то и жать придется, Ольга. — Смотрит Мал на женщину надменно, а в душе дивится. Хороша княгиня для лет своих. Стан тонкий меха скрывают, волосы рыжие янтарной волной до пояса опускаются, глаза зеленые гневно смотрят, да только хрупкость и рост не высокий, никак с голосом властным не вяжутся. Как всерьез относиться к дичи мелкой, коли кабана встретить собирался? Но как держится баба горда, до зубного скрежета коробит. Решает Мал Ольге на место ее указать, что бы знала ведьма, как с мужем будущим разговаривать должно.

— Пойди ко мне, женщина, дай полюбуюсь хорош ли товар, за которым людей своих лучших в путь отправлял. — Хочется Малу бабу унизить, строптивость ее наказывая, оттого и дергает за руку женщину, к себе привлекая, грубостью силу свою доказать стараясь.

— Умно ли пред вояками простыми супругу свою на потеху показывать? — Не из тех женщин княгиня, что гнев мужчины встретив, покорней становятся. В глаза мужу будущему смешливо вглядываясь, отстраняет его от себя Ольга, словами к месту князя приковывая: — Коль хочешь мне силу свою доказать, дождись, как вдвоем останемся, постель супружеская многое стерпит. А при рабах не позорь, коль уважение их дорого. Не станет воин жизнь свою вверять тому, кто жены своей не ценит. — И видя сомнения, что князя снедают, еще тише добавляет: — А более того, ты нежным быть клялся, когда гонцов ко мне подсылал. Неужто не стоит и зернышка пшеничного слова князя народа великого? — Руку свою из цепких пальцев Мала выдернув, Ольга спиной к нему поворачивается, доказывая, что коли стращать кого собирался мужчина, то явно не к той женщине с предложением пришел. Но и князь не из тех людей будет, что слово последнее за бабой оставят. Как острый клинок, ядом смазанный, речь его уха Ольги достигает:

— Одно не пойму, коль баба такая у Игоря была, почто он с чужими женами тискался? Видать умна ты, Оленька, лишь когда языком треплешь, а бабьей науке как следует не обучена. Так кто оскорблял тебя все же? Я грубым словом, али муж твой покойный делами грязными? — И видя, что стоит княгиня, деревом застыв, хлесткое слово дальше высказывает: — Он ведь баб по моложе в терем водил и каждую любовницу свою княгиней звать приказывал. А ты в светелке своей просиживала, пока не только дружина, но и рабыни твои над тобой потешались. — Больно Ольге слова эти слушать, зная, что правда горькая в них есть, да только не знает Мал, что простила княгиня мужа своего шалопутного, так как только его дыхание сердце ей грело, а со смертью любимого остыло оно, не трепыхаясь более ни от боли, ни от жалости. Крохи того, что желало чего-то некогда замерзли, льдом покрываясь. Мал же не ведая, что в душе бабьей творится, речью своей доволен остается, от того ликования не скрывая дальше продолжает:

— Столы накрыты, приказывай, как начинать, покончим с этим, да в путь двинемся, слишком долго ждал я, что б на разговоры еще тратиться. — Тут опомнившись, Мал оглядывается, старейшин своих не находя. — А где сваты мои?

— Не кручинься, по отстали видать, скоро будут. Я ведь тоже ждала, когда мужа оплакать смогу, посему торопилась. С сим приказываю, начинать. Сыновья мои, нам прислуживать за столом будут. Чарки с медом подносить. — Боле слова лишнего не говоря, Ольга к могиле Игоревой уходит.

Кто знает, что есть боль, когда на кусок земли, как на человека любимого смотришь, зная, что не увидать тебе больше рассвета, в котором глаза его рядом с твоими глазами будут. Зная, что не почувствуешь рук нежных, на теле своем. Уповая на встречу с ним после

смерти.

Падает Ольга на колени, о присутствии постороннем забывая, слезам волю дает, и в горе том вся горечь жизни ее не сложившейся. Плачет княгиня по мужу, до сроку ушедшему, да грехам, что свершила из-за него. Страхи свои рядом с Игорем хоронит, зарекаясь, что сей день последний, когда вода с глаз ее льется. Что утром этим оставляет она все горести свои да печали на этом кургане земли черной.

А мужчины тем временем веселятся, мед хмельной из чарок, детьми подаваемых, щедро хлебая. Смотрит на них Ольга и радуется, что к ночи все мужи доблестные пьяны в усмерть будут.

Вечереет, холодными ветрами погоняемый, скачут воины киевские, издали крики пьяные, да смех угарный слыша. Все как княгиня говорила, так и есть. Древляне, меда нахлебавшись, по лесу разбредаются, на пути засыпая. Про опасности позабыв, на землю во хмелю падают. Здесь и настигают их мечи Ольгины.

Услыхав крики боя ратного, княгиня детей своих за деревьями прячет, листвой жухлой присыпая, а сама, под платок косу засунув, да кинжал из рукава достав, в гущу боя торопится. Кровавая бойня на месте, где минуты назад веселье было, разворачивается. Всадники киевские с мечами от крови багряными, меж мертвецов разъезжают, подранков добывая. У места, где Игоря схоронили стоит Мал, с мечом опущенным. Понял князь, как коварна невеста его оказалась, да поздно уж. Ольга шагом решительным к нему подходит и слова не вымолвив своей рукой кинжал в сердце вбивает, в удар тот всю ненависть вкладывая. Смотрит женщина в глаза того, кто суженым ее стать думал, и видит как уходит из них та искра, что жизнь в теле поддерживает. Нет в сердце Ольги места для жалости, вымело гневом всю, да отчаяньем выстудило, оттого и не дрогнула кисть, кровью залитая, когда, кинжал из плоти мертвой выдернув, об подол платья его вытирала.

— Теперь ты пыль у ног моих, кровью твоей могилу мужа я обагрила, верность свою сполна доказав. — В мертвое ухо Мала слова последние прошептав, уходит княгиня детей своих разыскивать.

Рассвет занимается, золотыми всполохами землю трогает, что красна сегодня не от восхода солнца, а от событий, что в ночь сию творились. Ольга на коне окрестность поляны объезжает, ища тех, кто схорониться мог, да от меча ее уйти, но усталость свое берет, оттого, воеводу кликнув, приказ дает, спалить до тла место полем брани ставшее. И, коня по сильней прищорив, что есть мочи, обратно в Киев с сыновьями скачет. Быстрее от места страшного прочь гонимая, думает Ольга, что почести мужу за страданья сполна воздала, а, значит, хватит смертей, ныне миру время.

Да только, помыслам ее благородным не суждено сбыться.

(*Тризна — часть языческого погребального обряда у восточных славян, состояла из песен, плясок, пиршества и военных состязаний в честь покойного. Тризна совершалась рядом с местом погребения перед сожжением покойника. Позже этот термин употреблялся как синоним обряда "поминок". - прим. автора)

Глава 6. Война с древлянами

Не думала Ольга, что скоро древляне оправятся от потери своей многотысячной, но заручившись поддержкой византийской, выдвигаются враги в сторону Киева. Не робея, княгиня на встречу из града выходит, с воинством своим супротив зла неизбежного, огнем и мечем по врагам пройдясь, бежать древлян, пятками сверкая, на земли свои за стены прятаться, заставляет. Осадой у града Искоростень встает Ольга с ратью бесчисленной, но не в силах дружина ее на стену взобраться да ворота отворить. Так и стоят они дни и ночи, дожидаясь, когда голодом моримые древляне милости просить будут.

— Уж шестая седмица минула, а они все сидят, не сдаются. — К Ольге Свенельд тихой поступью подходит. — Надо назад возвращаться, не будет толку, запасы наши заканчиваются, скоро холода лютые настанут, поляжем тут зазря.

— Видишь птицу, мороза не боящуюся? — Ольга перстом на голубя указывает. Тот, словно понимая, что о нем говорят, голову птичью на бок поворачивает, пустым взглядом на воеводу уставившись. — В народе поговаривают, что птица эта мир и добро в дом приносит. По мне, так не всякая весть, что с голубем прилетает, в себе добро несет, но простой люд в каждом доме голубятню держит.

— К чему ведешь ты, сей разговор, уму моему старческому не ясный? — Хмурит седые брови воевода, не понимая, зачем о птицах разговор княгиня затеяла.

— А к тому, что хочу я посла к древлянам отправить, пусть волю мою донесет, что готова я к миру меж нами, да только пусть с каждой голубятни, мне по самой красивой птице, в знак любви и уважения пришлют, на том мы и уйдем. — Поглубже в меховую накидку зарываясь, Ольга в руку ячменя насыпает, да птицу приманив, по шее пернатой чешет. Смотрит на нее Свенельд, да диву дается, что эта женщина себе разумеет? Но зная, что ни разу княгиня в своих деяниях ошибки не допускала, ее слова на веру принимает. Идет к послу, ворча по-стариковски, указ доносить.

Радуетя Искоростень вестям, что малой кровью от набега избавятся, со всех голубятен, самых красивых птиц собрав, к Ольге в дар отправляют. Ходит княгиня меж клеток с вестниками мира, каждого по голове клювастой поглаживая. А дружина следит за ней, не понимая, на кой ляд, Ольге голуби понадобились.

— Воины мои, в поход я этот вела вас за победою. Не за миром, но ради него. Не будет на Руси покойно, покуда живы и не покорны земли эти. Виновны ли древляне в смерти князя вашего да мужа моего Игоря? — Толпу распаляя речами бравыми, с вопросом княгиня к дружине обращается.

— Виновны! — Хором воины отвечают.

— Виновны ли, в попытке силой власть захватить, да меня женой князя своего вероломного сделать? — Еще яростней Ольга кричит.

— Виновны!

— Виновны ли, в желание своим огнем и мечем по землям киевским пройтись, заручившись помощью врагов наших?

— ДА!

— Виновны ли в том, что жены ваши не видят вас уж восьмую седмицу? Что мерзните в голоде и холоде под стенами неприступными?

— Да! — Яростью сердца мужские речь женская наполняет, каждый воин к душе близко слова принимает, и лелеет желанье наказать виновных в страданиях своих.

На то и расчет Ольга ведет. Ведь плох воин, что без идеи воюет. Когда не знает, за что лишения терпит, да со смертью играет. От сих времен и до скончания веков войны будут на идее личной ненависти строиться, ведь только когда на веру слова вождя принимаются, когда чувства каждого человека задеты, когда враг правителя, личным врагом становится, тогда и с песней и с кличем солдат в бой кидается, убитым быть не боясь.

Сказав речь проникновенную, велит княгиня к ногам каждого голубя горящей соломой привязать, да из клеток птиц выпустить. И взмывает в зимнее небо горящая стая, к домам своим возвращается, не зная, что на лапах смерть несет. Занимается Искоростень пламенем знатным, от изб соломенных огни столбами поднимаются, потухать не собираясь. Под корень не покорных детей леса княгиня истребляет, не щадя ни стара ни млада, а те, что город горящий покинуть пытается, воины во главе со Свенельдом из луков добивают. В закате красном, не то от ветра холодного, не то от крови пролитой, картина страшная открывается. Горит град Искоростень, в лесу построенный, гибнет люд, Ольгу проклиная. И в свете этом стоит княгиня, ростом не велика, да статью высокая, чьи волосы распущенные, цветом с пламенем сливаются. И кажется, что сама она пламя негасимое. И лишь она судьбой назначена дарить жизнь и забирать ее. Ведь только женщина плод из чрева дать может и породить существо новое, а значит лишь она в праве взамен душу отнять.

— Подойди ко мне, сын мой, Святослав Игоревич. Смотри же, как горят враги наши, за смерть твоего отца кару несущие. Вдыхай глубже зловония тел их горящих, яростью сердце свое наполняя. Ты сын Князя Великого. Ты жизнь и душа земли русской. Тебе ответ нести за каждую жизнь дарованную и отнятую. Смотри же, сын мой, на пламя и помни какова расплата за предательство, ибо ни что не имеет значение больше, чем преданность соратников. За каждый грех, против тебя и семьи твоей совершенный, дланью своей карай в разы сильнее, чем тебе вред причинили. Только сила сердца власть удержать поможет, трусишь, отвернешься и будешь обезглавлен. Волки сожрут твое тело и душу, даже костей не оставив. Смотри же, сын мой, и помни, казня и наказывая, всегда гляди на деяния свои. Знай, что по твоему указу страдают и гибнут, знай и неси ответственность за дела свои, ибо расплата всегда за них приходит.

Страшно Святославу, мал он совсем, но взгляд не отводит. Как может он в страхе сбежать, когда мать его смела так. Он же мужчина, отца своего достойный сын. Стоит Святослав и смотрит, словам материнским внимая, носом воздух горелый втягивает. Так впервые смерти запах познается созданием, доселе не винным, что ранее в войну лишь с братом Улебом потешался. Да только в играх их смерть им весельем представлялась. Героями они из сражений всегда выходили. Теперь знает Святослав, чем пахнет война, теперь слышит сын Игоря, как неистово кричат умирающие, теперь видит княжич, кривой лик смерти, ее ухмылку безобразную. Тогда и решает для себя, любой ценою мир сберечь на Руси, ибо не хочет еще раз пройти муки эти.

Пламя угасает, не раздаются более крики с руин спаленных, пора назад путь держать. Понуро войны идут, каждый в душе боль с поля боя уносит. Страшаты бойцы храбрые, княгини своей хрупкой. Хоть женщина она и слабая, да духом посильнее мужей других будет. Святослав с братом Улебом тоже игр не затевают, настроение общее чувствуя. Одна Ольга по виду спокойна, словно смерть чужая сердце ее не тронула, а ежели и бушует пламя в душе, ежели и щемит грудь тоской черной, то никто того не замечает.

— Чем воины не довольны, Свенельд? Аль победу не одержали, врагам кровным не отомстили? — Тихонько княгиня воеводу вопрошает.

— Что ты, что ты, Ольга. Да разве могут, неблагодарные, понять, что победу легкой ценой получили. Без жара боя, без потерь и ранений.

— Все они поняли, да только, не добром и не честью, а обманом и хитростью победа досталась, вот и горюют. Совестно им, только вот чего мучат себя напрасно, что сделано, того не воротишь. А коли еще раз пришлось бы, я б сызнава так поступила. Не грех то, жизни людям своим сберегать, ценою любою, а цена всегда будет. Сегодня свою, мы уплатили, да урок всем преподали. Ступай, Свенельд, да скажи войнам, что не велено грустить ныне, пусть песнь ратную да душе отрадную затянут, тем дорогу до Киева и скоротаем.

Затягивают воины песнь задорную, о войне, о матери дома ждущей, да о ножках жены любимой, что у огня ночами колыбель сына качает. И с каждым словом, с каждым шагом, в сердце счастье поселяется, грусть-тоску понемногу стирая. Идут воины веселые, жизни радуясь, да Перуну хвалы возносят, за то, что смерть лишь врагам послал.

В Киев возвращаются уж с задором бравым, жен, детей, да матерей целуя, ратники Ольгу славят. Княгиня же, с коня спешившись, в терем поспешает, Переславу увидеть желая, да новости последние выслушать.

А послушать есть чего. Хоть и славят Ольгу в Киеве, да, все одно, недовольные находятся. Кто-то ходит по дворам постоялым, да поносит власть нынешнюю. Говорят, что совсем на мести княгиня помешана, про люд простой и нужды его забывает. А в городах да селах голод лютует, жизни человеческие унося.

Думает Ольга, как быть, как людей прокормить, да самой в седле удержаться. Только в этом году, аль в печали по Игорю, аль на зло княгине вдовой, хлеб совсем не родился. Значится надо за данью снаряжаться, да до морозов лютых поспеть, чтоб зиму на поборы с волостей соседних переждать.

— Натопи мне баньку, Переслава, да приходи, попаришь, а там глядишь и в чисто тело, чистая мысль придет, да в чистой голове и задержится.

— Как прикажешь, Ольга. — С поклоном прислужница убегает, а княгиня, на лавку присев, за полетом снежинок следит, да думу думает, как люд от голода спасти, да гнев земель соседних на себя не навести. Нельзя одной войной жить, на каждую силу, другая найдется, негоже только на меч свой рассчитывать, надобно и постоянные доходы в казну привлекать.

— Эй, Морена, коли слышишь меня, то явись пред очи мои ясные. Совет твой мудрый выслушать хочу. — В никуда кричит княгиня, без надежды ответ услышать.

— Чего голосишь, ворон распугала. — Неожиданно ведьма отвечает, близ Ольги на лавку сядясь. — Говори, раз звала, чего надобно?

— Я ли Русью правлю? Я ли силу, власть дающую, в длани своей удерживаю?

— Ты, княгиня, только к чему речи эти бравые? Али в силу свою сама не веря, меня убедить хочешь? — Насмехается Морена, но глаз не отводит, внимательно Ольгу слушая.

— Как мне власть укоренить? Как доход в казну привлечь? Что бы люд доволен и послушен был? Голодный народ — враг князю своему, зима длинна, а хлеба мало. — Не обращает внимания Ольга на слова Морены ехидные, в тяжбах своих погрязнув.

— Вся ошибка ваша княжеская, что берете вы немерено. И не знает народ, толи мешок, толи амбар к приезду вашему готовить. Мера будет — порядок принесет, а где порядок есть, там князей не убивают. — С тем и исчезает Морена, Ольгу наедине с мыслями не веселыми

ОСТАВИВ.

Глава 7. О погостах, уроках и немного о торговле

— Свенельд! Снаряжай дружину в земли новгородские и псковские наведемся, поглядим как живется народу, хлебосольно ли. — Княжна, на косяк проема дверного облокотившись устало, стоит.

— Так ведь только вернулись, Ольга. Воины жен приголубить не успели, а уж в новый путь выдвигаться требуешь. Может, обождем немного, пусть с детишками натешатся?

— Завтра поутру выступаем. — С тем в терем княгиня уходит, воеводу в растерянности оставляя. Не из тех, кто пред Ольгой робеет, воин славный, в след за ней кидается, уговаривая. Но непреклонна женщина в решениях своих.

— Ты пойми, друг мой brave, до морозов домой воротиться хочу, а без хлеба псковского, да денег новгородских, не перезимовать Киеву.

Услышав доводы Ольги, Свенельд, как не тяжело решение то, соглашается. Лишь за себя просит остаться, Святославу Игоревичу подмогой в Киеве быть, слова Ольги людям нести, власть ее оберегая. Ибо стар воевода, для походов дальних, нет уж сил тех в ногах дедовских. Но душа молода, а ум остер, и для дел государственных годен пока.

— Не могу я тебе в Киеве оставить, нужен ум твой, да совет дельный, во время данный, в пути моем. — С сожалением на Свенельда смотря, отступать от планов своих княгиня, все одно, не намерена.

Путь далек ее, зима уж с порога в сени перебравшись, сухим ветром под меха пробирается, щеки языком холодным лижет, дыханьем морозным обжигая. Не веселы воины, но за княгиней в молчанье следуют. Не стоит мужчине ныть там, где баба с высоко поднятой головой идет. К Новгороду в тишине подъезжают, холодом овевая, лишь о теплой постели, да горячей еде, мечтая. Разъезжая по домам горожан, волей-неволей приютивших воинов славных, каждый пристанищу любому радуется. Ольга же, взяв с собой дружинников десятков, к тиуну* новгородскому в терем отправляется, где хозяин, княгиню радушно встречая, поклоны земные выписывает, не забывая на плохие урожаи сетовать. Так за чаркой меда хмельного, между жалобами и мольбами дань щепотью, а не мешком брать, разговор меж Ольгой и тиуном новгородским завязывается.

— Слушай указание мое, — Ольга, брови сурово сдвинув, наместнику на лавку перстом указывает, присесть вынуждая. — До того, как Ярило в права свои вступит, построй на земле новгородской погосты* для сбора дани предназначенные. Буду вам уроки давать, что собрать к прибытию моему необходимо. На погостах тех и будем разговор вести. Люд простой, с жалобой, аль с благодарностью прийти ко мне сможет, ты же знать заранее будешь, когда и с чем ждать меня. Туда и дань приносить будете в той мере, что мной установлена. В этот раз немного возьму, не кручинься и спать отправляйся. Утром дела решим, да дальше в путь отправимся.

— Помилуй, Ольга, нет у нас сейчас средств в уплату. Неужто Киев до весны не обождет? — Тиун новгородский зло глядит, с добром нажитым расставаться не желая.

— Я архонт земель этих, пред мной головы склоняют от Таманских земель до верховьев Вислы. Я Княгиня Киевская, мать Руси Великой. Как смеешь ты, жалкий раб, у ног моих ползающий, поперек моему слову свое ставить? — Огнем чернобоговым* глаза Ольги горят,

страх и ужас в непокорных слуг своих всеяя. За плечами ее, с мечами, от ножен избавленными, дружинники стеной встают, к бою готовясь. Не дадут княгиню свою обидеть ни словом ни делом мерзким.

Пятится ставленник новгородский, смелость растеряв, о милости умоляет, обещая погосты на каждые полста верст выстроить.

Милостиво Ольга воинов своих останавливает, решив наместника не менять. Ведет испуганный враг, какое-то время добрым другом будет.

Поутру дань собрав, часть дружины вместе с оной в Киев Ольга отправляет, сама с остатком воинов, в земли псковские выдвигается. Прежде чем тиуна местного навестить, в родные Выбуты наведаться хочет. Коня прищпоривая, подальше от богатырей своих, что вместе с ней в авангарде движутся, отъехать хочет, ибо негоже воинам видеть, слезы, что на глаза, от тоски по родителям, наворачиваются.

Вот и полесье родное заканчивается, и на пригорке, где рассвет занимается, река Великая видна. Здесь она — Ольга молодой и не мужней в водах купалась, здесь в дряхлой лодке с Игорем познакомилась, здесь с отцом, от матери прячась, рыбу неводом ловила. А за рекою лес дремучий начало берет, где юной девицей, в ночь на Купалу, цветок сорвала. А вон и избышка родная видна, вся покосилась, без руки крепкой. Отец стар уже и мать с годами не молодеет, не кому за домом смотреть, а Ольга в делах своих об отчем крове позабыла. Тяжко княгине в воспоминания пускаться, но мысли бурным потоком бегут, об очи слезами солеными ударяясь.

Спешившись с коня, Ольга на людей, ее встречать вышедших, внимания не обращая, к дому родному кидается. А в доме мать одна, отец уж лет пять как помер, от дочери вестей не дождавшись. Диким зверем ревет княгиня, себя проклиная. Как могла она, годы эти домой не являться? Как могла, позабыв, кто жизнь ей дал да душу свою в сердце ее вложил, в родные земли годами не стремиться? Ведь нет для человека пути праведней, чем тот, что к дому родительскому ведет. Нет ничего прочнее связи, той, что родом твоим дана.

Мать, за муками дочерними наблюдая, успокоить ее не пытается. Затаилась в сердце материнском обида лютая на ту, что, из чрева её выйдя, забыла о тех, кому жизнью обязана. Пусть теперь кровью сердце княжеское обAGRится во славу отца, что дочь не видя, с тоски помер.

— Горька ли участь тебе, доченька? — Ольгу матушка спрашивает.

— Горше, чем было когда либо. Почему весть не послали? Почему таили от меня это? — Слезы, по щекам размазывая, на коленях подле матери сидя, дочь, отца потерявшая, спрашивает.

— А чего посылать, коли некому? Была дочь, да издохла, властью своей захлебнулась, мать с отцом не поминая. Как княгиней стала, так глаз своих постыдных и не казала. Чего теперь-то явилась? Неужто совесть в душе гнилой проснулась? Сколько слез горьких пролито было, в волнение у окна вестей с отцом ждали. А не было гонца с весточкой! Будь ты проклята, паскуда княжеская! — Со словами этими злыми, плюет в Ольгу женщина отчаянная. И такая боль, да тоска в глазах старческих, что не люб ей уж свет этот, где в одиночестве жизнь доживает. Ничего не говорит Ольга, повернувшись дружинникам наказывает, дров на зиму нарубить матери старой, да воды из колодца натаскать по более. А сама, на коня вскочив, покидает деревню, тетке Любомиле на прощание наказав, за матерью ее приглядывать, да вести о здравии ее гонцом в терем княжеский отсылать.

Воинов в Псков направив, княгиня в родных местах задерживается. С собой десяток дружинников позвав, по деревне гуляет, о жизни простой спрашивая. Соседи охотно рассказывают, как болезнь лютая батюшку Ольгиного одолела, долго мучая, агонией терзала. И в бреду лихорадки, все дочку отец поминал, да о судьбе ее горькой сетовал. Жалел батюшка дочь любимую, о гуляньях Игоревых слыша, да зная, что не смогла Ольга сына ему народить. А как про дочь Малову услышал, так и помер с горя, не узнав, что его дитя в скором времени и сама сыном разрешилась. Тризну по мужу справив, вдова горемычная дочь и прокляла, не желая ей боле ни добра, ни радости.

Горюет Ольга у могилы отцовской, но, тризну справив, уезжать собирается, ибо зима, по пятам ступая, ускоряться вынуждает.

Наведя порядок в землях Псковских, да дань собрав, приказывает княгиня погосты ставить, и зерном груженная в Киев к сыновьям отправляется.

В дороге путников метель лютая застает, ветрами терзая, охапки снега в лицо бросает. Зябнут воины, да делать нечего, ждут дома жены и дети малые, надо к ним поспешать, некогда греться останавливаться. Ольга уж и пальцев на ногах не чувствует, но коня вперед гонит, в меха плотнее заворачиваясь. Вьюга плетью ледяной щеки обжигает, под ворот подлезть норовя, да укусить посильнее. Нет мочи муки терпеть, да дорога дальняя и до ночи далече, надо поболе расстояние покрыть, прежде чем лагерем становиться. К полудню, не выдержав погоды лютой, Ольга команду дает лагерь разбить, шатры поставить, да костры по жарче развести, коли хворост осушить смогут. Затрещали веточки, дымным зловонием пространство заполняя, но никто не сетует, все к огню жмутся, согреться пытаются. Ольга, обувь сняв, ноги снегом растирает. К ней солдатик молодой подсаживается, помощь свою предлагая. Безбородый еще, но собой пригожий, да крепок той силой, что богатырской зовется.

— Дай помогу тебе, Ольга, ноги разогрею? — Спрашивает молодец, да багровеет, стыдом заливаясь.

Усмехнувшись, Ольга, позволяет, ступни ледяные в руки теплые протягивая. А сама, не хуже юнца этого, в краску впадает, себе признаваться не желая, как по ласке мужской соскучилась. Не был муж ей верен, не был с нею рядом, когда тело женское любви жаждало, а теперь и нет того, кто постель ее согревать будет. Пусть хоть воин молодой, стопы ей разогреет, хоть немного душу усталую, по рукам мужским истосковавшуюся, побалуует.

— Как звать тебя, вояка? — Спрашивает Ольга, радуясь, что ноги оттаяли уж, а мужчина все их не пускает.

— Владимир я, варяжской крови буду. Отец мой под Новгородом родился, а я как в три вершка дорос, так и в Киев на службу отправился.

— Неужто так войны хотелось?

— Да молод был и глуп, думал хорошо в дружине быть, весело. Все мальчишки в войну потешаются, а я взаправду хотел. Чтоб бойцом ярым быть, да девкам нравиться. Не знал тогда, что страшно это, смерть людскую видеть. Что нет веселья в грязи и крови, кишки из брюха, людей неугодных Киеву, выпускать.

— Так что ж домой не вернулся? — Княгиня теплом разморённая, уж в полудрему погружаясь, речь плавную слушает.

— Привык. Ведь воином раз став, назад дороги нет. Не смогу уж к жизни прежней вернуться. Без походов, боев, кровь горячащих, да без батьки нашего Свенельда и указов его.

— Нет мира в сердце дружинника, и быть иначе не может. — Речь грустную воевода

прерывает, в шатер княжеский заходя. Грозно брови хмурит, с недовольством на Владимира глядя, выйти вон его просит.

— Утомил тебя, Ольга, болтун этакий? — Свенельд княгиню спрашивает.

— Знатный парень, да молод еще, вот и не ведает, как со мной разговаривать пристало. Не сердчай на вояку, развлек он меня речами своими, да тоску развеял.

Смотрит Свенальд на Ольгу и диву дается. Неужто, княгиня его гордая, сердце женское имеет, да вниманию мужскому рада. Хотя чего дивиться то? Молода и красива женщина, да вдовой раньше времени стала, оттого и тоскует, что гибнет краса ее в застенках терема. Как цветы по весне дождя ждут, так и женщины до срока увядают, коли некому приголубить их. Долго не думая решает Свенельд к ночи Владимира в шатер Ольгин отправить. Коли дело это под контроль взять, то и княгине радость и воеводе выгода. Полезным будет мысли да планы женщины этой знать, ведь в опочивальне то они все дюже болтливые.

— Чем задумался, Свенельд? — Замечая, что не слышит воевода, Ольга грозно спрашивает.

— Да, вот ладно ты придумала, меру дани огласить. Благодарен народ на землях наших, я сам спрашивал.

— Не благодарности ищу, а порядку ради дела делаю. Вот скажи мне, друг любезный, что сгубило мужа моего?

— Известно кто — древляне вероломные. — Дивится вопросу Свенельд.

— Нет, не прав ты. Хороший ты воин, да человек глупый. Жадность сгубила князя нашего. Не пойдя он трижды дань с земли той собирать, так до сей поры живой был бы. Потому и мера нужна. Порядок Руси нужен. Ослабла земля великая, войной, да раздробленностью гонимая. Чем добрей и щедрей князь будет, тем охотней люд простой власть его поддерживать станет. Нельзя слово народное не ценить. Бунт не только силой давить можно, но и ласкою успокаивать. Народ добрее — подать вкуснее.

— Ладно ты княгиня говоришь, да рад я, что дела твои со словом не расходятся. — Восхищается воевода истинам простым да удивляется, как ранее о том не задумывался.

— То не все, Свенельд. Что бы жить спокойно, порядок не только на земле нашей быть должен, но и с соседями дружба добрая.

— Да надобно ль дружить с ними, коли боятся они нас? Пушай трясутся в застенках своих, славой нашей запуганные.

Смеется княгиня, глупости мужчины самонадеянного дивясь.

— Да разве ж силой удержишь долго? На каждого тирана своя праща найдется. Нельзя лишь на меч полагаться, надо власть свою четырьмя столпами, а не одним крепить.

— О каких столпах, ты, речь ведешь? — Свенельд бороду седую почесывает, не понимая, о чем Ольга говорит, но и, не споря понапрасну.

— Первый столп — то сила наша. Кого боятся, против того хоть и ропщут, да дел не делают. Вторым столпом уважение будет. Медведь ведь тоже силен, но и его скорняки ошкуривают. А коли уважаем, то и сила твоя на том закрепится прочнее. Третий столп — то торговля. Кто деньги приносит да товары нужные поставляет, того врагом считать не стоит.

— А четвертый? — Чудно княгиня говорит, не терпится Свенельду дослушать.

— Четвертый — то тайны чужие знать, да пользоваться ими умело. У каждого правителя есть, что от людей да дружины утаивать, и коли кто знать о том будет, тот миром править станет.

— И у тебя тайны есть, Ольга? — Хитро воевода подмигивает.

— Не должно тебе о том спрашивать! — Груба, вдруг, женщина становится, интерес к беседе привольной теряя. — Не о том ты печалишься, друг мой. Лучше думай, как столпы те ставить будем.

— Сама ж сказала, что я воин добрый, а человек глупый. Не мне тебе совет в делах таких давать. Коль тактику военную построить надобно, тут я помощник, а в делах твоих хитрых, не смыслю. — Усмехается Свенельд, а про себя думает, что точно пора бабе от дел княжеских отвлечься, да о своем, о женском вспомнить. Негоже думать столько, не то голова, как репа станет, а там и скаженным стать не долго. И без того странна княгиня их, вроде красивая девка, а умная. Умная женщина — семье горе. Баба она кашу варить должна, да детей рожать, а не дружины в походы собирать. Мужа б Ольге дельного найти, да никто рядом с ней устоять не сможет, ибо силы в духе женщины этой по более, чем в том мужике будет. Мысленно сплюнув, идет Свенельд за Владимиром, бубня по-старчески, что не так в его время жили, ручьи тогда звонче журчали, бабы мужей слушались, да и мужики покрепче были, чем ныне, вот бы вновь молодым воеводе стать, он бы тогда.... Эх!

Владимир хоть странной просьбе воеводы удивляется, виду не подает. Молод солдат, да не глуп, знает, зачем бабе мужика ищут. Вот только тайны выведают наказ дан, а коли Ольга поймет? Знает он, как на расправу скоро княгиня их, почитай не первый год подле нее служит. Целое селенье не пожалела, птицами сожгла, а по выжившим мечом прошлась, неужто воина простого простит, коль всплывет правда не приглядная. Хитер Свенельд, не зря его к Ольге шлет, думает выгоду для себя поиметь, но и Владимир не промах, своего не упустит. Княгиня хоть возрастом в матери ему годна, да не по годам прекрасна. Не берет ее время, видно Род при рождении поцеловал, вечной молодостью награждая. В шатер к Ольге с робостью ступает, вдруг высмеет? Али, что хуже, осерчает и казнить велит? Воины говорят, что Перун смелых любит, вот и негоже трястись, бабы боясь. Но не гонит Владимира Ольга, тоску свою любовью запить желая. Ведь нет слаще муки, чем запреты рушить, зная, что покаяние последует с зорькой первой. Но ночь темна, холодна, и тайнами полнясь, позволяет то, что днем запрещено. Под мягким светом светила ночного, все тайны обнажаются, страхи стираются, оставляя место мечтам и истоме. В очарование волшебном, под лунным небом грешит княгиня киевская Ольга с солдатом неизвестным.

Утром одна Ольга просыпается, не зная примерещилось, аль взаправду ночью таинство было. Метель, уж унявшись, морозу трескучему место уступает. В такую погоду вперед двигаться надобно, Макошь* позволит, к вечеру в Киеве будут. Потерев очи свои, от ночи бессонной красные, Ольга взглядом на Морену натывается, что по привычке своей не приятной из неоткуда появляется.

— Чего тебе?

— Не рада мне, княже? — Ведьма ухмыляется. — Как ночью спалось тебе, Олюшка?

— Твои ли заботы ночи мои?

— Я тоже могу судьбы решать. Метель в час нужный послать к тем, кто ждет и ищет повода ночь в объятьях любовных провести. — Со словами теми стыдными исчезает ведьма, ответа вопросам не дав. Злится Ольга, да делать нечего. Морена потехи свои затевает, цели не ясные преследуя. Некогда княгине думать об этом, пора воинов в поход собирать. В плащ меховой обернувшись, Ольга из шатра на запах похлебки выходит.

За едой разговор завязывается, о деяниях дальнейших воевода с княгиней рассуждают. Спорят, ругаются, о Владимире не заговаривая. Любая тайна, что вслух не произнесена, тайной остается, пусть даже и известна всем, кто любопытство проявляет.

— Карту принеси. — Через плечо Ольга дружиннику приказывает, и короткое время спустя, пред ней и Свенельдом баранью шкуру натягивают, с границами земель, линиями обозначенными.

Склонившись над картой, Ольга показывает:

— Смотри, друг мой верный, вот Искоратень, что нам покорился, а коли на запад мы двинемся, к реке Луге, да земли волынские нам служить заставим, то сможем путь торговый наладить меж немцем и хазаром. А коли в Устилуг свои суда пустим, дань с купцов, что в Балтику следуют, требовать сможем.

— Морозно ныне, весны б дожждаться. — По-стариковски Свенельд сетует, дни холодные в избе протопленной встретить желая, а не скакать по городам и весям, меч пред врагом обнажая.

— Да будет так. С первой капелью в путь двинемся. — Решает Ольга, споры прекращая.

Всю зиму и весны начало, коротает Ольга в объездах Владимира. А как потеплело, команду дает, дружину к походу готовит, а Свенельда в Киеве оставить, сыновьям малолетним в помощь. Решение то оскорбительно, для воина старого, но, что боле неслыханно, что с собой в поход Ольга воеводой Владимира назначает. Но как не мололи языки злые, что принесут несчастье те изменения, к осени возвращаются ратники, победу славную одержав. Пала Волынь, Ольге покорившись. Торговля пошла, купцы дань платят, товары заморские в Киев стекаются. Славят Ольгу, но мало ей все. Помнит княгиня, как древлян жгла, боится, что враги с Русью так же поступить могут. И к весне указ новый от нее поступает, из камня дворец ей выстроить и терем загородный, чтоб ни один огонь съесть не смог светлицы ее. Повсеместно строительство начинается, опыт княжеский принимая. Растет страна варварская в глазах соседей цивилизованных. В спокойствие и благоденствие жизнь княжеская течет, люд кланяется, дети радуют, счастье женское найдено. Идут года, а Ольга не тужит, сыновья растут и скоро княжество принять смогут, тогда княгиня, с глаз людских удаляясь, опорой невидимой для Святослава в делах его ратных станет. Но думы людские смешны богам, колесо судьбы крутится-вертится, испытания новые сильным готовя. Ведь нет путей простых для дел великих, коль легко да безоблачно река жизни течет, не стать ей морем пенным иль океаном огромным, а быть извечным ключиком малым, да безымянным.

(*Тиун — наместник поставленный князем на подвластные Киеву территории. — Прим. автора).

(* Погост — изначально от слова "по гостить". Строились, в целях административного пункта, где останавливался князь, на время ревизии того или иного города. Свой мрачный смысл, погосты приобрели уже в христианской Руси, когда на их месте стали строить храмы, а при них, как водится и кладбища. — Прим. автора).

(* Чернобог — Ужасное божество, начало всех злоключений и пагубных случаев, изображался облаченным в броню. Сильный бог телесной крепости, мужества; Лед, бог войны, храбрости и военных доблестей, бог победоносной славы. Сие страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством. — прим. автора).

(*Макошь — славянская богиня земли, дождя, урожая, ткачества. А так же богиня

судьбы. — прим. автора)

Долго али коротко время течет, года отсчитывая. Минуло весен десяток, и вот уж братья Игоревичи вырастают, возмужав. И тоска в сердце Ольги поселяется. Во всем Улеб брата Святослава превосходит. И конный и пеший быстрее, да смелей. Меч в руках брата старшего веселее пляшет, и коли возжелает, сына ее родного от власти отстранить сможет, силой своей младшего оттолкнув. Не было различий меж детьми, покуда время не настало. Помнит Ольга, что не ее кровь в Улебе течет, а девки древлян, дочери Мала, что жилы ей тянула, покуда подле Игоря хвостом вертела. Думает княгиня сослать брата старшего тиуном земель Псковских. Достойна участь сына Игорева, да дружина не одобрит. Негоже первенцу тиуном быть. Не станут Святослава слушать, покуда жив брат Улеб. В тоске своей да раздумьях за советом к Владимиру приходит, что бы сомненья свои, в слова обличив, разделить печаль с любимым, да ответа дельного дожидаться.

— Отправь Улеба в поход дальний, пущай уйдет, да не воротится. — Владимир Ольге предлагает.

— Да как смеешь ты, сына моего на смерть посылать? Аль по плахе голова твоя скучает? — Злым огнем глаза княгини горят, в ужасе от слов любимого. Владимир же сердится, как смеет Ольга после того, что было меж ними казнью его запугивать. Не доброе воин думает, проучить да место женщине указать, решая. Сама ему тайну открыла, забыв, где язык держать следует, за то и поплатится. Нельзя князю слабость проявлять, тем паче, что положение и без того шатко, Знает Владимир, чего Ольга боится. Власть потерять, да войну меж братьями посеять. Любой бабе свое дитя дороже жизни, а значит, больней всего их беды переживаются.

— Голова моя плахи не боится, тебе ли не знать, милая. А коли стращать меня надумала, то за помощью не ходи. Зачем тебе совет от головы тела лишенной? — С тем и был таков, уходит Владимир, княгиню рассерженной оставляя.

Подслушано из тайного разговора Владимира и Улеба.

— Поверь мне, княжич, смерти твоей княгиня ищет, сгубить тебя во славу сына своего — Святослава хочет. — Проникновенны речи воина, за живое правдой своей цепляют, но не хочет Улеб Ольгу винить бездоказательно. Не могла, мать его названная, злого возжелать сыну своему приемному.

— Как смеешь ты, служивый, княгиню земель русских в предательстве обвинять? Неужто забыл, кому слова эти говоришь?

— Зря ерепенишься, Улеб, никого в княжестве твои слова не стращают, ибо нет у тебя власти той, что брату твоему и мачехе дана. Ты Рюрикович по крови, первенец Игоря, а прав имеешь меньше матери брата младшего! — Знает Владимир, как словами играть, оттого, что б больней Улебу сделать, не княгиней Ольгу именует, а всего лишь матерью Святослава.

Горяча кровь юноши, больно в голову гнев бьет. Не вытерпев боли той, что слова Владимира приносят, ударяет Улеб воина, что было силы. Но не сердится служивый, лишь смеется над глупостью, да горячностью молодца.

В гневе, да раздумье, на коня княжич старший вскакивает, в поле уезжая, у ветра помощи просить. Он все знает, все слышит, все тайны людские мгновенно разнося, свои в секрете держит. Но не хочет ветер Улебу судьбу его нашёптывать, решение за молодцом оставляя. А какое решение быть может, коль четырнадцать весен тебе, да кровь победителей, воинов храбрых в жилах течет? Огнем жидким в венах ярость плавится, пульсом частым в голову бьет, на глупые поступки подвигая. Решает Улеб испросить совета у Владимира как быть. Не зря же полубовник мачехи к нему с разговором явился, видать есть у него думы какие-то. Владимиру же того и надобно. Хочет братьев меж собой столкнуть, да так, что б Ольга в печали, да грусти к нему в объятия вернулась, да на плече рыдая, слова гнусные про казнь забыла, помощи да совета прося. Стал Владимир Улебу сказку рассказывать, о том, как мачеха его злая недоброе затевает, со света сжить пасынка желая, мечи уж по голову его точит. Но мудрый воин, жалея мальчика, решил рассказать, да совет дельный дать.

— Покуда не поздно, испроси у мачехи разрешения по странствовать, Русь поглядеть, да княжество себе для служения будущего выбрать. Сам же ступай по землям, соратников в помощь себе ища. Коли будет кому поддержать тебя, на месте и власть и голова твоя непутевая останутся. Как здесь закончишь, ступай в страны заморские. Сказывай направо да налево, о том, чей сын ты. Что брат твой не по праву Киевом княжит, да боле того, не он, а мать его у власти сидит. Пару весен минет и станешь ты мужем зрелым, к княжению пригодным, тут и ударишь по мачехе с братом со всех сторон. Я же здесь в дружине клич кину, что помощь тебе надобна. Любят воины угнетенных, тем паче, что люб им ты, с детства самого. — Складно Владимир говорит, но Улеб сомневается.

— Кто ж из князей заморских, речи мои слушать станет. Ольги они боятся, ей же меня и выдадут, стоит к воротам их прибыть.

— А ты крещение прими, скажи, что в Бога их единого веруешь. Ныне все на вере новой помешались совсем. Византию всю крестами утыкали. Защитят тебя греки, коли прознают, что и ты на груди под рубахой крест носишь.

Слушает Улеб Владимира. А подумав, решение принимает, и к мачехе с разговором серьезным отправляется. Но увидев, княгиню, смелость свою молодецкую безвозвратно теряет. Глядит в очи зеленые, что с любовью и ласкою на него всегда смотрят. Видит кисти белые, что с заботой и нежностью еще в колыбели его гладили. Не может Улеб придать, ту, что сыном его называет. Не верит, что сможет Ольга дурное ему сделать.

— Утро ясное, сын мой Улеб, с чем пожаловал ко мне, в час сей ранний? — Грустным шепотом княгиня спрашивает.

— С чем тоска твоя, матушка, связана? Словом, али делом не добрым обидели?

— Много бед у меня, да ты не тревожься. Посиди подле меня, дай наглядеться. — Смотрит Ольга на сына своего названного, с горькой думой, не зная, что делать ей. Дорог Улеб сердцу материнскому, хорошо бы решил он в дружинники двинуться. Только как проследить, что бы сердце его юношеское, среди воинов до предательства не очерствело?

— Не с тем разговором, что сейчас поведу, я шел к тебе, матушка. Но придя, вижу правду в глазах твоих, а значит верно сделал, что на глупости, дураком сказанные, не решился. — И рассказывает Ольге Улеб, как пришел к нему воин Владимир, с речами мерзкими, как просил его власть узурпировать, мать с братом от неё отстранив. — Не согласился я на речи его сладкие, матушка, верую, что не задумаешь супротив меня дурного ты. И что жить я смогу празднично и при брате моем Святославе.

Серчает княгиня, брови сдвинув сурово. Обняв сына названного, наказывает более с

Владимиром не общаться. Сама же, яростью гонимая, в казармы направляется. Меч свой острый из ножен вынимает, издали Владимира с дружиной увидав, голосом зычным и властным выкрикивает:

— Преклонить колени на пути моем стоящие! — И послушно воины колено преклоняют, с ужасом и непониманием на княгиню свою смотрят. Ольга же, голосом злобой полным, спрашивает:

— Смел ты воевода, Владимир, сыну моего дурное в голову вкладывать? А хватит ли мужества в том признаться, али будешь доказывать, что на ухо Улеб тугой, оттого недослышав, понял неверно наставления твои?

Не верит Владимир, что сможет Ольга мечом воспользоваться, который в руках держит, ведь слова любви ему денно и ночью баба влюбленная шепчет. Оттого и отвечает княгине с улыбкой дерзкой:

— Только правду я сыну твоему сказывал, а уж выводы какие со слов тех он сделал, не моя вина.

— Помощь ему предлагал, дружину супротив Святослава настроить?

— Проверял я его, сможет ли на предательство решиться, коль силу за плечами почует. Коли стал бы советам моим внимать, тебе б обо всем рассказал. Но вижу теперь, что верен Улеб тебе и Святославу.

— Он то верен. — И собрав всю волю, что богами Ольге дана, взмахивает мечом женщина, слова ссудные произнося:

— За измену, предательство, и желание сына моего Улеба с пути верного в пучины склонить. За возвышение дела своего выше слова княжеского воевода Владимир головы своей лишается здесь и ныне рукою моей. — С последним словом, сносит княгиня с плеч голову буйную молодцу ратному. — Другим примером пусть будет. Имея многое, делись с ближними, более получить не пытайся. А коли большего, чем имеешь, желать станешь, так без медяка и останешься. Хорошо если голову на плечах удержать сможешь. Ярополк, ты вожжи правления дружиной возьми, да помни участь воеводы предшествующего.

С тем Ольга удаляется, оставив мужчин думы думать, да версии строить. Мужик-то только кажется суровым да молчаливым, а как языком чесать начнет, так хуже бабы в день ярмарки. Княгиня еще из виду удалиться не успела, а среди воинов слух идет, что не люб в делах ночных Владимир Ольге стал, за то и порешила его женщина. Другие далее придумывает, что, мол, с бабою другой княгиня воеводу поймала, да за измену головы их себе и забрала. Так и теряется правда меж сплетен да домыслов, с той поры кого не спросишь в Киеве, все ведают, что любовников неугодных Ольга мечом рубит.

Да только княгиня, о своей участи не подозревая, в лес уходит, одиночества ища. Тяжко бремя с любимым распрощаться, еще тяжелей самой на смерть его отправить, дланью карающей став. Садится Ольга у ручья, успокоения в воде ледяной найти пытаясь, кровь с рук и с лица смывает. По девичьи рыдать хочется, да слез не осталось, все выплаканы. Кем стала она, девчонка рыжеволосая. Где задор глаз смешливых? Где веселье голоса звонкого? Была девица-красавица, да и верно матушка сказала — издохла вся. Проклинает Ольга папоротник, за жизнь свою тяжкую. За вдовство раннее, за выбор меж сыновьями, за кровь, что на руках пятном не смываемым. Одним вопросом княгиня задается, могла ли иначе пойти? Другие решения принимать? Верен ли путь выбранный ею? Аль как с крови правление свое начала, так кровью его и кончит?

Тоской сердце терзая, не замечает княгиня, вновь вдовствующая, как от стволов еловых тенью зверь отделяется и, с лапы на лапу перемежаясь, к Ольге направляется. Встрепенувшись, видит женщина, что медведь уж за спиною стоит, смрадным дыханьем ее кожи нежной касаясь. И крик страха в глотке застревает, в тишь леса, так и не вырвавшись. Смотрит княгиня в очи лесного хозяина, да не видит в них безумие зверя дикого, словно человек глядит, из-под бровей седых.

— Испужалась, дочка? — Медведь усмехается, на валун, кряхтя по-стариковски, присаживаясь.

— Напугал ты меня, Велес. Смерти моей либо ищешь? Да впусте все, крепка я духом, что б до сердца пугаться.

— Чего томишься вновь? Аль не любя поляна моя дивная? — Медведь лапой окрест проводит, что б показать, как чудна и прекрасна местность, где баба горю придаваться удумала. — Как к лесу не явишься, так все слезами мне траву поливаешь. Не сезон ныне воду пускать. Хотя, коль хочется больно, вон к грибницам сходи, а то по иссохлись за лето больно. — Лицом хоть Велес и серьезен, да очи черные смеются, княгиню краснеть заставляя.

— Ты коли злить меня словами острыми пришел, так ступай туда, откуда явился, не яри меня! — На старика рукой махнув, Ольга вновь к ручью отворачивается, с тоской замечая, что настроение плаксивое ушло куда-то и облегчить сердце слезами более не может.

— А коли взъяришься? Неужто и деда старого мечом приголубишь? — Усмехается медведь да колени лохматые лапой когтистой поглаживает. — Целям следуя, бойся Встречника* на пути своем, ибо ищет он тех, кто отбил от правды, душой зачерствав.

— Слова твои мудры, да где совет в них? Где польза? Встречником пугать вздумал, да что мне до сего? Сама себе хомут на шею надела, сама в телегу впряглась, а ты словами погонять вздумал? Не бывать тому. Чужим умом жить — человеком не стать.

— Да нет в тебе человека уж, всего загубила. Каленым железом выжгла душу из тела. — Качает головой Велес, беде княгини сочувствуя.

— А коли нет, чего с правдой своей лезешь? Зачем сердце бередишь? — Ольга, разговором утомленная, в отчаянье головой качает. — Легко говорится, когда о чужой рубахе речь держишь, да тяжело делается, когда дело своей коснётся.

— Не хочешь ты старика слышать, а я добра тебе, дочка, желаю. Пусти обиды свои и чаянья в воду, пушай дурное с ней уйдет. Время раны залечит, сможешь вновь весне радоваться, крылья лебяжки распустить, да в небо ринуться. А коли смерть подле себя сеять будешь, так на всходы потом не пеняй.

— Уж посеяла все, что дадено было, только ждать и осталось. Ты иди, дедушка, не тревожь мои раны, нет покоя тому, кто в безумие впал. — С тем уходит Ольга с поляны лесной, покой места этого потеряв, назад не оглядываясь. А коли взгляд бы на миг вернула, то узрела, как зверь косматый, в старичка обратившись, с тоской головой седой качает.

В терем воротившись, княгиня сына старшего кличет для разговора тяжелого.

— Молодец ты, Улеб, что ко мне пришел, разговоры дурные не слушаю. Я подумала, что пора тебе мудрость отцовскую принимать, да Руси служить. Поступаешь в дружину, пока рати не наберешься, Ярополк тебе и отцом и братом и воеводой будет. А как восемнадцать весен минет, так военную премудрость познав, поедешь в Новгород на княжение. Ежели, есть, что возразить мне, сейчас говори, недомолвок в сердце не тая.

— Покорен я воле твоей, матушка. — Улеб голову склоняет, благословение

принимая. — Хороша участь, чего б не принять?

Ольга, сына по голове потрепав, в покои свои уходит, Переславу по пути кликнув.

Вот и минуло с той поры две весны, вот и пора князю молодому Киев покидать в Новгород путь держать. С лица Ольга спала, похудев, да подурнев за дни те, что сердцем мучается, сына в путь дальний снаряжая. Только Улеб, предвкушением тешась, ходит радостный, да гордый, дружину, что с ним поедет, проверяя. Княгиня, сына на прощание оглядывая, подмечает, как исхудал он за время тренировок тяжелых, как жилы под кожей, ветрами выдубленной, бугрятся. Трудно ученье Улебу было, да коли Род в помощи не откажет, легко в княжение придется.

— Будь смел и храбр, сын мой. Храни в сердце милость, в душе камень. Единожды простив, второго шанса не давай. Один раз глаза закрыть — то силу прощенья казать, дважды — глупость. Жены не заводи, покуда у Святослава наследника нет, ибо нет предательства страшнее, чем кровь родную под удар поставить. Злых языков не слушай — отсекай, чтоб дурное не болтали. Подати по мере собирай, не яри народ, не бери больше сговоренного. Помни где дом твой, не меняй на пришлых тех, кто правом рождения семьей зовется. Храни тебя Перун! — Последние наставления сыну давая, княгиня его в щеки целует да в путь с миром отправляет.

Скачет Улеб, лицом ветер теплый встречая, ароматом сырой земли упивается. И коли спросит кто, чем пахнет воля для сердца юного, не задумываясь, скажет, что листвою палой, да травой полевой. Рядом с княжичем, поводья в руках перебирая, скачет дружинник Лютобор, воеводой в полк к Улебу назначенный.

— Гляди, Лют, как прекрасны земли наши, которым я ныне хозяин! Как богаты поля и дремучи леса! Неужто, не чувствуешь, свободой веет, никто не указ мне с сих пор и на века! — Кричит Улеб воеводе, волей опьяненный, словно меда чарку выпивши.

— Погодь кичиться свободой своей, княже. Покуда народ тебе в ноги не кланялся, нет власти твоей в сих землях. Примут тебя, да все равно, что Ольга прикажет, то делать будешь, а коли противиться надумаешь, ждет тебя судьба хуже, чем отца твоего настигла. — Лютобор не спешит радость Улеба разделить, сомненьями терзаемый.

— Все то, ты, Лют, токмо мрачны стороны видишь. Не станет Ольга меня властью своей давить. Будто мал я и не ведаю, что из сердца меня она вырвала, в земли Новгородские сослав. Горькой костью я в горле княжества. Вроде первенец, да не сын, а пасынок. Был отец бы жив, может в Киеве княжить мне, а так... эх! — Залихватски рукой махнув, княжич коня прищипоривает, в горячке скачки, не сразу приметив, что на проселочную дорогу красна девица с коромыслом в руках, выходит. Идет дуреха, по сторонам не глядя, думам своим отдается. Не успевает Улеб остановиться, лишь бег конный замедлив, уздцы на себя тенет, да кричит, голосом не своим, что б посторонилась, глупая. Конь на дыбы встает, поворот резкий сделав, крупом девицу таки цепляет. Княжич вперед Люта спешивается, да к молодой бежит. Та в пыли дорожной лежа, глазами испуганными лупает, руки, в помощь протянутой, не видя.

— Эй, красавица, совсем ошалела, поперек коня выбегать? — Волнение скрывая, Улеб зло кричит. — Коли голова куриная, нечего за околицу выходить. Да вставай уж, горемычная, ушиблась, поди?

Девица же, в себя придя, первым делом руку из цепкой длани княжеской вырывает, да краской пунцовой заливаясь, щебечет:

— Не сердчай, молодец, с утра, как не своя хожу. Батюшка хворый, житья не дает, всех погоняет, вторую седмицу поспать не давая. Мы уж намаялись, ждем не дождемся, когда с лавки встанет, да делом займется, нас в покое оставляя. А тут ты, ошалелый, скачешь, кто ж меж изб так коней гоняет? А коли не я, а ребяташки малые бегали? — Толстую косу, через плечо перекинув, девушка подбоченивается и, о страхе пережитом позабыв, грозно на Улеба наступает. — Да и почто руки распускаешь? Покуда с земли поднимал, облапил всю. Вот как брату скажу, что заезжие молодцы творят, так всей деревней колотить вас выйдут! — Глазами янтарными стреляет, брови смоляные к носу сводит, да парни лишь тешатся, грозе девичьей умиляясь.

— Как звать тебя, дикарка? Ведаешь ли, кому речи гневливые направляешь? — Люту первому трескотню девичью слушать надоедает.

— Да по мне, хоть с сыном княжеским! Видано ли — девушек посреди бела дня без дозволения лапить? А как звать меня, не по твою честь, знание сие!

— Угадала ты, сладка ягодка, с сыном княжеским речь ведешь. Бей поклон, да прощенье проси, покуда косу твою с головой от шеи не отделили. — Лют, в гнев страшен, проучить девку хочет, попугав маленько, но та не пуганая, лишь сильнее подбоченивается, толи не веря, то ли княжича не боясь.

— Полно тебе, Лют, яриться, права краса наша, никому не вольны деяния такие. Как зовут тебя, цветочек? — Улеб миром дело кончить решает. Что зазря к девке цепляться, будто враг какой. Али некуда уж силу богатырскую приноровить, что бы до склок с бабами опускаться.

— Усладой меня звать. А, ты, правда, что ли княжич наш? — Гнев уняв, замечает селянка, что пришлые, хоть с дороги грязны, а одеты богато. Все при мечях и конные, значит, не бояре простые, видать и впрямь князя пожаловали, а она, тетеря, ругать их удумала. Пугается Услава запоздало, да делать нечего — после слов, что сказаны в ноги с поклоном не падают.

— Княжич, да не тот, о котором подумала. Улеб Игоревич. Дорогой притомились мы, Слада, вот все вежество и растеряли. Проводи к избе своей, да дай воды напиться, коням загнанным продох дать.

— Конечно, конечно, — ругая себя, что сама не додумалась погостить зазвать, Услава по дороге мечется, ведра, теперь уж пустые, с коромыслом подбирая. — Идемте, не далече тут. Матушка как раз пироги с брусникой заварила, брат баньку топит. Отдохнете, чин по чину, да дальше в путь свой тронетесь.

Идут молодцы за девицей проворной, коней под уздцы взяв. Смотрит Улеб по сторонам, бедноте, да грязи дивясь. Покосившиеся избы, с давно не белеными стенами, словно в селениях послевоенных, кривыми ставнями поскрипывают. Пара чахлах березок при дороге, пейзаж унылый прелестней не делают, да навозные кучи цветами заморскими не благоухают. Как средь этих убогих просторов такая дивная девка уродилась не понятно. А имя-то какое, слух балующее — Слада. Не успевает Улеб, с горячностью молодым свойственной, об устах Услады помечтать, как девушка провожатым кричит, что прибыли. Избенка и впрямь в двух шагах оказывается, да и чему дивиться, коли три ухаба, два колодца — вот и есть вся деревня Ивняки. Гости еще к околице подъехать не успевают, а из-за ворот уже мышью-полевой чумазый мальчонка выскакивает, к Сладе под ноги кидаясь. За рукав рубахи грязной пацаненка поймав, девушка громким шепотом ему наставления выдает:

— Беги в сенцы, Стешка, скажи батюшке, что гости важные прибыли. Сам княжич Улеб

с дружиною. Пусть матушка стол готовит, а Емеля баньку раскочегарит пожарче, сам же холстины мужчинам для протирки да чарку меда для души не забудь. — В спину братца мелкого подтолкнув, Услава к пришлым поворачивается, поклон земной отвесив, ворота открывает.

— За поленницей навес есть, коней привязать, только больно много их, боюсь, не поместятся. К бабке Радомире сбегая, может она в сарай пустит.

— Будь покойна, красавица, найдем мы лошадям пристанище, ты лучше воды набери, коней напоить. — Поток речи девичьей Лют останавливает. Слада подол подобрал, вновь к колодцу с ведрами убегает. Тем временем, на порог избы хозяин выходит, дородный мужчина, в годах почтенных. Литая стать, лицо черное, да пальцы опаленные, в нем кузнеца выдают.

— Мир дому твоему, батюшка. — Улеб вежливо здоровается, кивком головы уважение высказывая.

— Мир и тебе, путник знатный. — Мужчина поклон земной выписывает. — Видно Сварог нынче щедр дому моему, коли такие люди к порогу прибыли. Негоже князя у двери держать, милости прошу, быть гостем в чертогах моих скромных. — С тем хозяин сторонится, в сенцы Улеба и Люта пуская. Остальные же во дворе остаются, лошадьми заниматься. Кузнец, Стешку кликнув, к дружинникам обращается:

— Сейчас сына младшего позову, он вам воды принесет, да хлеба теплого. Уж не серчай, княжич, не были мы готовы к приему гостей почетных.

А в избе гостей дорогих, хозяйюшка встречает, и без того чистые лавки, холстиной протирая, пироги, да чугунки на стол мечет.

— Как звать тебя, кузнец? — Лют на лавку присаживаясь, носом аромат еды домашней потягивает, блаженство для чрева предвкушая.

— Меня Стужем кличут, потому как родила меня матушка в самую суровую пору, когда Морена потехи ради, решила народ по студить. Матушка не надеялась, что дите малое выживет в мороз такой, но Род в тот год к ней добр был, жизнь сына сберег. А жену мою Ела звать, а деревенские иначе, как Елечкой и не кличут. Детишки — Емеля, Услава, да Стенька — отрада дома нашего. — Растерянно голову почесывая, кузнец на гостей поглядывает, скажут аль нет, с чем в края их явились.

Так за чаркой, да хлебом разговор склеивается, и от меда разомлев, рассказывают путники, что с сих пор наместником земель новгородских будет княжич Улеб. Обещает юный ставленник порядок наводить, от ворогов защищать, да данью не душить, а в доказательство правды своей, каждое слово ударом кулака по столу подкрепляет. Кузнец лишь головой покачивает, мол горяч князь, да молод, как бы беды не накликать в края их и без того многострадальные. Но то за глаза мыслит, а в глаза другое бает. Надежды высказывает, что счастье землям новгородским правление Улеба принесет, да от голода всепоглощающего уберезет их.

Пока мужики во хмелю силой меряются, да клятвы друг другу раздают, бабы в горнице им косточки намыывают.

— Ах, как пригож княжич, видела, матушка? — Соловьем Услава щебечет. — Вот бы сватать меня приехал, Стояна б от зависти платок свой праздничный съела!

— Что, ты, доча, — мать в испуге от слов дитя не разумного, головой качает. — По губам бы нахлестать за речи такие! Как можно, что бы сам княжич к девке деревенской свататься приехал?

— Ой, а княгиня-то наша, сама из навозной кучи вышла, а ныне дружинникам приказы отдает. — Топает ножкой упрямец молодая. — Сказала — моим будет, значит, посему и быть!

Ела, с сундука подскочив, по щекам дочери хлещет, с каждым ударом приговаривая, что бы мысли дурные в голову не пускала, да делами паскудными с княжичем заниматься не смела. Успокоившись, женщина дочь в горнице закрывает, от греха подальше, на прощанье наставление дав:

— Вот коли сватать придет, тогда и будешь из себя княжну строить, да ногами топать, а задом пред гостями крутить не позволю. А еще услышу, что о Княгине Киевской, как о подружке деревенской говоришь — язык сама укорочу, покуда голову твою глупую не укоротили!

Сильны бабы русские в гневе. Отчаянью придаваться сызмальства не приучены, упорство с молоком материнским впитывают. Непокорна Слада гневу материнскому, ставни выломав, через оконницу вылезает, да к поленнице убегает. Там, за частоколом спрятавшись, до одури на служивых тайком глядит, силе и стати, да выправке военной дивясь. Как после увиденного, за Симку, сына пекарского идти? А он еще зимой говорил, что по весне сватов к ней отправит. Тогда-то Слада глупой была, думала, что краше Симки нет, а ныне видит, какие молодцы бывают. И так тоскливо на душе делается. Ведь день к концу клонится, а завтра покинут их дом гости, и вновь жизнь как прежде потечет. Да только может ли, для сердца девичьего, все сызнава начаться, коли мечтами она себя уж Княгиней Великой представляет. Да только кто мечты ее лелеять будет? Сваты придут — отец согласие даст. Дочь со двора скинет, что б зимовать проще было. Голод он везде разруху приносит, а их трое по лавкам. От братьев хоть толк есть, они и на зверя и по рыбу ходят, а от Слады какой прок? Ток ест, да наряды новые просит. Ох, горька судьбина, отдадут за сына пекаря, красоту и молодость, мужней жизнью, погребя.

Так, мечтам предаваясь, не замечает Услава, что со двора Улеб выходит. Толи нужду справить, толи просто воздуха весеннего дохнуть, да только застает он девицу за делом постыдным. Тут видать, мед хмельной, что в голове княжича гулял, дело свое делает, решает молодец пошутить над Сладой. Тихонько сзади подкравшись, да ладошкой ниже спины хлопает, испугом девушки потешаясь. Ох, как кричит, как таращит глаза очумевшие девка. А Улеб хохочет так, что деревня вся слышит. Услава же краской заливаясь, в светелку свою убегает, где на лавке растянувшись, долго от позора рыдает, пострадавшие тела поглаживая.

Княжич же, песню бравую насвистывая, нужду справляет и дальше хмелю придаваться уходит, веселья своего не стыдась.

(*Встречник — в некоторых источниках, злой дух, встречающийся на пути людей, идущих путем не праведным. После встречи с ним, назад не возвращаются. Часто Встречник забирает пьяниц. — прим. автора)

Глава 9. Святослав

Глядит Святослав, как мать провожает брата Улеба на княжение, слова наставления внимая, старается запомнить их, зная, что мудрость своя в том есть. Когда-нибудь они снова встретятся, гордясь друг другом, по спинам похлопают, да чарку меда выпьют, детство вспоминая. Ныне же расставание предстоит.

— Мира тебе в дороге, братец! — Услышав, что Ольга с наставлениями заканчивает, из-за ее спины Святослав выходит. Коня по крупу похлопав, пути легкого брату желает, да княжения бравого. Вроде принимает Улеб благословенье братское, да все равно смотрит с затаенным презрением. Ясно дело, выпроваживают его с дома родного, а Святослав в Киеве остается, хоть и млад еще, да его вотчина Русь, а не Улеба. Не хочется братьям недомолвок оставлять, да видать судьба такая, когда-то придется смириться, а не смирятся — войне быть.

Глядя на сыновей, думает Ольга, что не желает жить, коли мальчишки ее друг на друга пойдут. Поперек ляжет, а бойне меж ними быть не позволит.

— Сынки, обнимитесь же, теперь век не свидитесь. — На примирение с судьбой детей своих толкает княгиня, да только впусте все.

— Свидимся, когда я к нему за данью приеду. — Святослав ухмыляется, не замечая, как больно шутка его глупая сердце братское ранит.

— Свенельд, отведи Святослава в горницу. Кажись, ему голову ветром студеным надуло. — Злится Ольга, с сыном младшим опосля побеседовать решая. Ныне же, старшего, расцеловав на прощанье, в путь отправляет. Как случается, что сердце женское, от дел княжеских черствой коркой покрывшееся, стенать начинает, с дитем расставаясь? Как та, что мечем и словом убивать наученная, как девица молодая рыдать готова? Долго в след уезжающим Ольга глядит, покуда на горизонте даже тени сына с дружиной не остается. Дождавшись, когда пыль, конями поднятая, уляжется, княгиня в терем возвращается, с сыном Святославом разговор трудный провести.

Резвым шагом входит Ольга в опочивальню княжича, чеканя шаг, к юноше приближается, да наотмашь по щекам ему бьет. Так, что б звон оплеух грубых, всю дурь да блажь, что в голове глупой засели, выбить.

— Как смеешь ты в дорогу брата словами гнилыми провожать? Али забыл единую кровь, что в жилах ваших течет? Так я напомним, что любовь меж родными быть должна! Коли с кровью своей воевать, для кого сердце останется? Ты ворогов иди в другом месте сыскивай, а брата почитать должно! — Пятится от матери Святослав, гнева ее боясь. Не ярилась еще мать супротив него ни разу. Даже в детстве далеко хворостиной от княгини ему лишь пару раз и доставалось. Ныне же лицо матери лютой яростью перекошено.

— Не гневись, матушка. Коли обидел Улеба, так не от сердца злого, а от неведения, что слова мной брошенные камнем в душу его падают. Позавидовал его стати, что пока я мечом в казармах забавляюсь, брат княжить едет. За глаза надо мной служивые потешаются, что уж вымахал медведем, а все за юбку маменькину прячусь. — Святослав глаза долу опускает, вину свою признавая. Ольга же от слов этих успокаивается, на лавку подле сына садясь. Волосы его, как в детстве, перебирает, приговаривая:

— Глупый ты, сынка, большой, да все не понятливый. Тебе ли Улебу завидовать? Он

первенец Игоря, да все одно к тебе на поклон приходиться станет. Он в Новгороде княжить будет, ты Русью править. А, тех, кто потешается, не слушай. Какое дело медведю, что о нем блохи судачат? — С теми словами, потрепав сына по чубу длинному, Ольга в покои свои отправляется. Труден день ныне — только начавшись, столько горя принес. Святослав же, один оставшись, долго над словами матери думает. Негоже князю будущему бабу слушать, да только мудрость Ольги не оспорима, хоть и мал был Святослав, когда отец умер, да все равно помнит, что кабы не мать, не было бы ныне в живых ни его, ни брата с их обидами.

В скором времени в светлицу Святослава Свенельд заходит. Тяжело на палку опираясь, спину горбит да ногами шаркает. Некогда бравый воин, ныне воевода лет почтенных, сыну княжескому кланяется:

— Солнца доброго, княжич.

— Ясного утра, Свенельд. — Святослав разочаровано к стене отворачивается. Ныне, воевода, каждым утром приходит в светелку княжича науке военной учить. Да не боям ратным, а картам земель русских и премудростям солдатским. Скучно княжичу молодому. Ему бы во дворе мечом с дружинниками помахать, да за девками городскими по подглядывать. Те когда с бельем к ручью идут, сарафаны до бедра подвязывают, чтоб не намочиться, да рукава выше локтей закатывают. А когда, смеясь и улюлюкая, мокрым бельем о камни стучат, от воды их рубахи так мокнут, что сквозь ткань груди просвечивают. Мыслям сладким о девицах в исподнем конец приходит от удара по голове молодецкой посохом старческим.

— Ворон то не считай, а внимай, чего старшие глаголят. — Свенельд, свои уроки давая, на брань не скупится. Коли добром княжич не слушает, так палкой знания тоже вбить можно.

Тайный разговор княгини Ольги и наставника Святослава — Асмуда.

— Добре дня, Олюшка. — Асмуд, хоть и не стар пока, да весь сухонький, сгорбленный, как яблоко солнцем высушенное, пред княгиней стоит, глаза долу опутив.

— Добре, Асмуд. Да видно не с добрыми вестями ты ко мне, коли глаз из-под бровей не кажешь. — Ольга устало виски потирает. Ныне известие пришло от скоморохов, что к греку шпионами отправляла. Гонец, лошадей загнав, вести принес, что нынче в Царьграде не спокойно, народ лютует, в своих бедах Русь обвиняя. Поговаривают, что медведи дикие, а не люди на сих просторах живут, веруют в солнце и воде поклоняются, Бога единого не признавая, жертвы человеческие огню приносят. Все чаще со всех концов света вести приходят, как люди заморские крещение принимают, от богов своих во имя Иисуса отказываясь. С сим решать надобно, ныне слаба Русь, а коли грек за веру в поход пойдет, исход не ясен. Нельзя допустить войны, не время. Тут еще Асмуд глаза долу прячет, мямлит не внятно, опять Святослав чудит, небось. Бросить бы все, да в лес податься, у Велеса совета испросить, да к Морене в избу постучаться. Давно ведьма не навевывалась, видать даже зло от нее, от Ольги отворачивается. Тяжко вздохнув, княгиня стенания наставника сыновнего слушает, горю его внимая.

— Не желает науку постигать, все б ему мечом на поле ратиться, да в грязи валяться. Глаза уж страшны, как бирючьи стали, из под бровей не видно. Молодец еще, а уж злющ, как Чернобог. — Асмуд на княжича Святослава жалуется, слова махами рук сопровождая.

— Что хочешь от меня-то? Разговора, али деянья какого? Коли пришел, значит, есть

совет какой? — В нетерпение, поток речей Ольга прерывает.

— Есть, матушка. Женить бы его, глядишь остепенится. Под боком у девки о войне меньше думается, да и горячность молодецкая поубавится.

Прав Асмуд, да только нет у Ольги на примете девицы достойной, что опорой и надежей сыну ее станет. А решать надобно. Свенельд давеча тоже жалился, что не желает княжич науке внимать, говорит, впусте учить о том, что делами делать надобно. Вырос сын, да мудрость принимать не желает, только о подвигах военных грезит.

— Зачем женить? Что ж у меня рабыни кончились? Поди найди Переславу, вместе девок, что по краше отберите и ко мне приведите.

Солнце еще за леса перевалить не успевает, а пред Ольгой уж стоят девицы, одна другой краше. Телеса полные, волосами густыми до пят укрыты, червлёные губы в волнение покусывая, румянцем здоровым заливаются. Глаза опускают, видать уже знают, зачем позвали. Ольга меж ними расхаживает, как кобыл разглядывая.

— Эту вот. — Перстом на девицу полногрудую указывает. — У ней бедра хорошие, сыновей родить сможет, в муках не померев. Как звать тебя, девка?

— Эсфирь, княгиня. — Краснеет девушка, еще краше становясь.

— Вон все, ты останься. Не просто тебя позвала, дело важное. Сын мой душой черствеет, войной одной живя. Ты же девица пригожая, глядишь отогреется подле груди твоей. Сегодня в баню ступай, Переслава тебе сарафан принесет и в покои к Святославу проводит. — Смотрит Ольга на рабыню, а та с лица спадает, да белеет, румянец на глазах теряя. Губами синими шевелит еле-еле. Княгиня ахнуть не успевает, а Эсфирь уж в ноги ей падает, причитаниями раздражаясь:

— Помилуй, княгиня, почто мне девице не мужней в покои к молодцу идти. Как в глаза людям смотреть буду? Помилуй, не простит отец мне, заперет на смерть, за дела такие. — И в горьких рыданиях, волосы на себе рабыня рвать начинает.

— Полно тебе, встань! — Ольга больно по щекам девицу бьет, в ум вернуть пытаюсь. — Не на поругание отправляю. Будешь при Святославе как барыня ходить, никто слова поперек сказать не посмеет. А сына родишь, глядишь и сама княжной станешь! Взлетишь в небо синицей, никто руки поднять не посмеет. А отца твоего сама выпороть прикажу, коли слово мое оспаривать удумает. Вставай, не смей при сыне моем слез лить, не то дружинникам на забаву отдам. — Эсфирь, от слов этих слезами захлебнувшись, умолкает, и, с колен встав, отвечает тихо:

— Не будет слез больше, не надо к дружине. Власть твоя, что скажешь, то сделаю.

— Так то оно лучше. Ступай, Переслава заждалась поди.

Солнце уж во лесах скрылось, а Свенельд все науку свою в бестолковую голову Святослава вбивает, отзывает речам своим в глазах княжича не находя. Махнуть бы рукой, да нельзя, княгиня потом руку эту отрубит, дабы другим неповадно было. Смотрит старый воевода на молодца, вспоминая отца его. Тот тоже, потехи ради, мечом помашет, но как до дела доходило науку молча внимал. Святослав же мудрость знать не желает, в силу свою веруя. Только время выдается, к дружинникам бежит, с ними бьется, охотится, да байки солдатские слушает. Их почитает пуще матери, мнение воинское выше своего ставя. Негоже князю таким быть. Должно меру знать в братаньях, одно дело чарку делить, другое, когда солдат низкопоместный тебе указы дает. Пытается Свенельд ум в голову княжича вложить, да впусте старанья те. Никого, кроме бойцов своих слушать не желает Святослав.

Закончив болтовню пустую, уходит Свенельд, Святослава одного оставляя. Но недолго уединенье княжича длится, минуты не проходит, как в покои матушкина служка Переслава забегают:

— Здравье, княже, — мнется Ольгина наперсница, слова подбирая. — Тут матушка тебе подарочек прислала. Говорит, утрюм ты больно стал, развеялся бы, отдохнул. Вот, чтоб позабавиться девицу тебе направила. — С теми словами Переслава, из-за спины своей, грубо девушку выталкивает. Сама же юркнув за дверь, в коридорах гулких растворяется.

Святослав глядит глазам своим не веря. Пред ним девица, красотой знатная с ноги на ногу переминается, да краской заливаясь, сарафана подол теребит, глаз на княжича не поднимая.

— Так и будешь у порога стоять, али подойдешь ко мне? — Смотрит Святослав, как дрожат руки девичьи, как бледны губы, да глаза блестят слезами не прошенными. Видит, силится шаг сделать девушка, да не можется. Всю сковало стыдом и страхом. Осмеивает княжич робость ее:

— Что мне делать-то с тобой такою? Али матушка думает, что девиц пугливых мне сильничать должно? Плетьми тебя, что ли, сюда гнали? Поди прочь, пока слезами не разразилась. — Но девушка, вопреки ожиданиям княжича, не уходит, а пуще бледнеет. — Ты глухая что ли? Поди прочь, говорю. — Тут Эсфирь, не выдержав, на колени пред княжичем падает, да умолять начинает:

— Не гони! Аль не красива? Нет мне дороги обратно, коли матушка твоя узнает, что прогнал меня, отдаст на забаву дружинникам.

— Так глядишь, то к лучшему, хоть бледнеть пред мужиком перестанешь. — Злится княжич глупости бабской. То трясется, дура, то на колени падает. — Скажи, почто ты мне тут? Али есть, что предложить, чтоб остаться?

— Есть. — И дивясь своей смелости, сарафан с себя Эсфирь снимает, на встречу Святославу шаг делая.

Глава 10. Улеб Игоревич, князь Новгородский

— Тошно мне, Лют. — Улеб в чарку медовую заглядывает, ответы на вопросы не высказанные ища.

— Так ты, князь, на мед поменьше налегай, а то так и голову свою во хмелю оставишь. — Лют сердится, уже второй день у кузнеца гостят они, в Новгород направиться боясь. — До города две версты осталось, а мы все воду в ступе толчем.

— А что кроме меда князю опальному остается? Выгнали с гнезда родного, как сына нерадивого. — Тоскливую песнь Улеб вновь затягивает.

— Ты еще в слезы, аки девка деревенская, вдайся. — Из под носу княжеского Лют чарку отодвигает, водицы студеной вместо того подавая. — Давай уж, княжич, с лавки вставай, загостились, пора и честь знать.

Так и собираются, дом хлебосольный покидая. Уж у порога, Улеб Сладу, из сеней подглядывающую, замечает. Кличет ее, думая, что коли выйти не побоится, с собой заберет. Но дочь кузнецкая в избе прячется, ярким сарафаном напоследок мелькнув.

Ухмыляется княжич, подумывая, что еже ли все по его сложится, за девкой вернется. Больно по сердцу Услава пришлась. Ну а коли не сложится, то лишь воронье ему, да земля гнилая друзьями будут. Хмурый Лют, лошадей стреноженных освобождая, дружинников погоняет, чтоб шевелились окаянные, на кузнецких харчах обленившиеся. Воины не спеша хозяину избушки кланяются, сытые животы почесывая, за околицу удаляются. Все при деле, у каждого своя забота, и никому нет дела до девушки Слады, что под крышей лубяной избы, зарывшись носом в травы сушеные, рыдает, с мечтами о княжиче прощаясь.

— Далече ль еще, Лют? — Улеб с коня спрыгивает, ноги разминая, головой крутит, местность не признавая.

— Да уж прибыть должны, а лес все не кончается. Надо бы гонца заслать, а то солнце к закату клонится, на ночлег вставать али нет решать пора.

Заслав мальчонку младого дорогу разведать, мужчины, сомненьями не терзаясь, на землю от дождя сырую садятся, от скачки отдыхая.

— О чем помыслы твои, княжич? Больно вид загадочен, о чем сердце твое печалится? — Лют травинку пожеывая, за Улебом наблюдает.

— Было дело, весен несколько назад, знакомец мой Владимир, речь странную предомной держал. Говорил, что нет места мне на Руси близ матушки. Изведет меня Ольга, сына своего кровного спасая. Говорил, что удар упреждать надобно, да прежде них дела делать. — Смолкает Улеб, свои же слова обдумывая.

— Впусте ты думам предаешься. Известен знакомец твой, Ольга его и не скрывала. И речи те, он тебе пел, что бы княгине горсть земли в бочку с медом кинуть, а ты по сию пору обиду у сердца носишь. Охолонись! Кого в голову пускаешь? Уж сгинул Владимир, а слова его живы.

— Зря ты, Лют, любые слова неспроста рождаются, в любом сказе смысл есть. И коли бить не чем, то и не бьют. А раз судно течь дало, значит, брешь искать надо. — Не успевает княжич думы свои в слова обличить, как парнишка, вперед посланный, возвращается.

— Рядом, уж за холмами врата градские видать. Я по-далече проскакал, что б ранее

нужного нас не выдать.

— Дело, юнец, — Лют бороду поглаживая, улыбается довольно. — Пущай не ждут нас, так и слухи узнаем и на люд поглядим.

— Да то по нам не ясно, кто прибыл. — Княжич с досады на землю сплевывает. — Мой кафтан, хоть и пылен, да за версту кричит, кто в нем. Это только девка деревенская понять не сумела, а стражники сразу гостей долгожданных признают.

— Не ряди проблем там, где нет их. Кафтан снимешь, дружинники по отстанут, мы вперед прибудем, до ночи как раз осмотримся, а там и ратники подоспеют.

— И то дело говоришь, утомился я, думы дельные в голову не лезут. — Княжич, устало на коня запрыгивая, в сторону града рысит.

— То не усталость, а мед, что в две глотки седмицу жрал, думать не дает, — в след ему Лют бурчит, коня пришпоривая.

Недолго дорога вьется, из лесу к стенам града путников выводя. В лучах солнца закатного, бликами камень крепостной играет. Дерево ворот, дождями, да морозами выщербленное, на ветру поскрипывает, заунывную песню творя. Два богатыря у ворот с мечами наготове припозднившихся путников встречают.

— Добре, странники. — Пожелание доброе, да взгляды из-под бровей кустистых колючи у воинов ратных. Нет веры гостю, что к ночи прибывает.

— Мира, служивые, припозднились мы дорогой дальнею. — Княжич улыбается, руки безоружные показывая.

— И что в путь вас двинуло? Что из дому отправиться заставило? — Мечом в руках бугристых поигрывая, силу воины показывают.

— Дык, в народе слух прошел, что княжич Улеб к вам прибыть должен был. Вот мы по следу его, для разговора сокровенного следовали.

— И что за дело у вас к княжичу? Не решает он ничего дальше волости нашей.

— Да мы в двух верстах от града в деревне Лозовке живем, повадились разбойники к нам наведываться, что не ночь, то корову угонят, то девку припозднившуюся с насильничают. Вот защиты просить прибыли. А то мужей у нас пять человек, на двадцать хат, остальные старики, бабы, да дети несмышлёные. — Лют плечами пожимает, бессилье свое признавая. Но стражи бдительность не теряют, с недоверьем поглядывая, на молодцев, что хоть в одеждах простеньких, а на крестьян не похоже вовсе, новые вопросы задают:

— И это что, на конях таких дивных две версты до ночи скакали?

Улеб уж гневаться начинает, что как скоморох безродный пред городскими стенами стоять должен, разрешение на въезд вымаливая. Но дружина далече осталась, и указ им дан был до ночи ждать, а кто поверит, что князь Новгородский с одним лишь спутником прибыть может? Еще прибьют ранее, без проверки и дознания. Вот потеха всему Киеву будет, если сына Игорева в его ж владеньях на пе/ньке* вздернут. Вдохнув по глубже, опускает Улеб глаза долу, да вид по несчастней приняв, дальше обман свой продолжает:

— Да то, ведь пока у старосты лошадей вытребовали, пока с женами попрощались, да солнце еще по полудню грело жарко, вот и припозднились. Да, ты не бойся служивый, чем два путника городу помешают? Лучше скажи, где лавку найти, что б кости, с дороги уставшие, бросить?

Вид у путников и впрямь уставший, ведь на деле сколько верст покрыли, под открытым небом спали, да еду походную ели. Служивые, еще разок путников оглядывая, плечами пожимают, да жестом проехать позволяют.

— Пятый дом, с частоколом мореным гостей принимает. Данилу спросите, он и накормит, и спать уложит, и дорого за постой не возьмет.

Поклонившись стражам, Улеб с Лютом в город следуют, Данилу разыскивать. Где еще, как не на постоялом дворе слухи собирать?

Трактир разноцветный, средь домов обычных, диковинкой кажется. Ставни резные распахнуты приветливо, не смотря на вечера прохладные, петухи красные на крыше скрипят, ночь ветренную придрекая да частокол, до бурого выморенный, о богатстве владельцев намекает. У ворот березки молодые ветвями к путникам льнут, да дорожка сотнями ног утоптанная, чисто выметенная, глаз приятно тешит. Внутри избы запах соломы прелой, с медом хмельным перемежается. От порога до окон лавки и столы дубовые стоят, меж которыми величаво, аки княгиня, выхаживает кошка рыжая, что на обедах трактирских располнела больше должного. Тут и там, от хмеля сомлев, сидят мужики нижегородские, брагу попивая, про охоту, да жен треплются.

Княжич с другом своим, недалече от входа сев, девке трактирной дичи да воды принести велят. Прелестница, годов не младых, пышными бедрами в юбке грязной покачивая, удаляется, гостям угодить торопясь.

— Ну, и как мы будем выпрашивать? — Улеб на мужиков поглядывает, как подступиться не зная.

— А чего выпрашивать, коли можно беседу погромче завести, глядишь, кто и слово свое вставит. — Лют, довольно бороду поглаживая, на прислужницу, что яства на стол выставляет, смотрит, та же, все тесней к вояке прижимается, еще какой приработок получить надеясь.

— Эх, друже, обманул нас старец, нету княжича в граде, с чем воротаться завтра? Бабы опять вой поднимут, что по темну из избы не выйти, а староста песнь заведет, что за зря скаунов его загоняли. — Громогласно Лют сетует, по сторонам на мужиков поглядывая, вроде как поддержки ища.

— Говорил я тебе, не поможет нам княжич, даже коль туточки был бы. Вот абы княгиня пожаловала, она-то по более решает. — Улеб кулаком щеку подпирает, смех сдерживая. Потешает его обман скомороший.

— Зря на Улеба наговариваешь. Нам купцы, что с Киева едут, про доблесть князя юного рассказывают. Мы всем градом ждем прибытия, мож порядок наведет, а то тиун — выродок проклятый, только дань грести и может. А ведь торгаши псковские говорили, что Ольга уроки дала, размер дани оговорив, а нас как обирали, так и обирают почем зря! — За соседним столом, кулаком по дубовой столешнице стуча, мужик бородатый в гнев разоряется.

— Полно те, Емеля, ярится. Не долго тиуну пировать осталось, Улеб приедет, все на поклон к княжичу пойдем, мож от щедрот своих, голову наместника нам пожалует. — Постоялый двор смехом не добрым заполняется. Улеб с Лютом, водой ключевой ужин жирный запивая, уже знают, чем почет людской завоевывать станут.

К ночи темной дружинники подъезжают, город сонный молодецким гамом будя. Княжич с приспешником своим, у ворот, воинов дожидаясь, под раскидистой ивой уж задремать успевают, когда тишь ночную лязг мечей и крики недовольные оглашают.

— Отворяй, кому говорю! — Слышен крик Власа, что за место воеводы с дружиной остался. — Больно надо нам войной на вас идти, сами поклонитесь, князя признавая.

— Ты на веру нас не бери, коли Улеб с вами прибыл, то пушай и слово держит. — Не

сдаются стражи градские, в словах правды не видя.

Любуется Улеб служивыми, эка разоряются, спорить не боясь. Хороши воины, с такими град в покое будет. Ну да думы думами, а потеху сворачивать надобно. Затянулось ныне представление, не должно то, князю, как татю опальному, в ночи под кустом хоронится.

— Отворяй, служивый. Я князь ваш, а то дружина моя по указу отстала, прежде, чем к тиуну идти, хотел вызнать, что народ о наместнике думает. — Со словами теми, медальон княжеский из-под рубахи Улеб достает, на удивленье вдосталь любуюсь. С поклонами, охами, да ахами, открывают стражи ворота, покой и тишину граду возвращая.

Тиун новгородский почивать изволит, палец пухлый во сне посасывая. Говорят сон крепок у того, кто с совестью в ладах. У наместника хоть и грехов за душой немало, а сожаленья не грызут, потому и спит он, аки младенец новорожденный. Сквозь пелену забытья, на границе дремы, слышит тиун, как кричит служба его, слезами упиваясь:

— Да почто ж вы среди ноченьки? Да неужто не стоит служба его солнца утреннего дожждаться. Не слушай, княже, что люд бестолковый глаголит. Им бы обхвать человека достойного. Ни медяшки себе не брал, все в казну отдавал, а вы его, как татя, среди ночи черной из дому забрать хотите. — Подвывая, как волчица, в зиму лютую щенков потерявшая, баба грудью необъятной проход закрывает.

Теряется Улеб, ну не бить же бабу глупую, да только та посреди порога на коленях стоит, пройти не давая. Видно судьба у княжича нынче людей потешать, в положение глупом оказываясь. За воинами, услышав, что княжич к тиуну собирается, полгорода собаками беспризорными увязалось. Теперь вся братья эта стоит, в спины дыша, за потехой, что баба дурная устраивает, наблюдая. Прислужница же, подол платья безразмерного подобрав, ботинки пыльные Улебу лобызать кидается. Княжич, гнев свой еле сдерживая, уж пнуть скаженную решает, но видно Род мольбам его внял, и навстречу воинству растерянному, сам тиун новгородский выходит. В рубахе до полу, с бородой измятой, да щеками со сна румяными, наместник выглядит аки дитя разбуженное, оттого немного капризное. Женщина, только что голосившая, замолкает, господина своего телесами необъятными прикрыть стараясь, да лишь зазря старается, ибо сам тиун на голову выше, да брюхом богаче, чем рабыня дородная.

— Что за шум? Ядвига, чего голосишь, как порося? — Брови сурово сдвинув, тиун, наконец, вновь прибывших оглядывает. Чужаки, с дороги запылённые, виду не приветливого, да с презреньем на посадника градского поглядывающие, мужчине по сердцу не приходятся. А уж то, что полграда за пришлыми собралось, совсем покоя не внушает.

— Бунтовать вздумали, холопы? Так стражи мои смелость мечами с вас повытряхнут. — Окончательно сбросив дрему, тиун недобро на гостей не званных глядит.

— Ты впредь не языком мели, а делами делай. — Ровным голосом Улеб заговаривает, поднятием руки народ к тишине призывая. — А ныне к ногам моим склонись, коли сам очами плох, да умом скуден, подскажу, что князь пред тобой.

И в свете звезд, да месяца растущего, грозен взгляд очей черных, страшен блеск меча отточенного. Понимает тиун, чей гнев на голову свою дурную призвал, да поздно понятие то пришло, без суда и следствия, народу на растерзанье наместника новгородского отдают. Что б решение народное приговор ему вынесло.

Красивы ночи на Руси. На звездном небе косой серебряной месяц светит, дороги промеж домов освещая. И в мрачном величье своем бесстрастным свидетелем гибели

жуткой становится. К коням привязывают того, кто вчера судьбы вершил, да указы раздаивал, без жалости и сожаления четвертовать решая. Лишь прислужница — Ядвига в защиту бросается, скакунам дорогу преграждая, да так и помирает, копытами раздавленная. Тиун же, до первых лучей солнца, в агонии смертельной пощады вымаливает. Но глух порой народ угнетенный, в мести своей длань судьбы видя. Да только, не перекрыть горечь обиды людской, что годами жизни под началом тиуна не справедливого вращивалась, лишь смертью его. В эйфорию от мести своей впадая, жаждет народ триумф свой продолжить. Оттого, дождавшись, как утихнет наместник, взгляд стеклянный на зорьку устремив, народ новгородский Улеба славить начинает, за здравие княжича мед поднимая. Да в подпитье пляски с бубенцами устраивают.

(*Пенька — веревка, широко используемая в судоходстве, т. к. практически не разъедается соленой морской водой. В данном случае княжич боится, что его повесят за клевету. — прим. автора)

Уж третий раз гонец ответ пред княгиней держит, уж умаялся болезный по кругу языком молоть, сказывая о том, как Улеб Новгород покорял. Недовольно брови Ольга хмурит, губы алые поджимая, перстами по древку лавки постукивает. Мысли разные в голове женской роятся, да не одной путной. Не нравится княгине, что воли много на себя Улеб берет. От гнезда оторвавшись, сразу смерть, да беззаконие чинить принимается. Виданное ли дело без суда справедливого, а по решению самовольному наместников толпе на растерзание давать.

— Скажи обратно, да передай князю Новгородскому, что коли гнев да недовольство мое вызвать пытался, то сие удалось ему. Коли отпираться примется, напомни, что любое деянье супротив власти законной смертью карается. Наместник мною посажен был, и с делами градскими справлялся, допреть разлада не было меж нами. Коли Улеб чего плохого о нем разузнал, должен был в начале у меня о решении справиться. На суд княжеский тиуна отправить, а не с плеча впопыхах рубить. Чем от лихих людей ныне сын Игоря отличается, коли как собаку безродную посадника княжеского погубил?

Гонец кланяясь, вон выходит, в Новгород с известиями поспешая. Ольга же, разговор безрадостный кончив, чернушку кличет, главу скоморохов городских в терем княжеский снарядить приказывая.

Кто допреть людей, что потехой на жизнь промышляют, не видывал, поразился бы, как черны лица их и курчавы волосы. Кучей бусин кафтаны украшены, очи темные сурьмой мрачной подведены. Рубахи яркие, так что глаз колит, вышивкой затейливой на воротах отделаны. Глава скоморохов, ни чем не отличный от братьев своих, также черен, да в бубенцах от макушки до пят, пред княгиней стоит, шапкой лисьей в руках поигрывая. И нет в обличье его покорности той, что простому люду свойственна. Не почтительна улыбка, зубами лошадиными радующая, нет прогиба спины, да головы наклона. Словно не в княжеский терем для разговора сокровенного, а в купчую лавку за сбруей конской зашел.

— Как величать тебя, скоморох. — Недовольно Ольга вопрошает, уж убытки казны подсчитывая. С таким договориться, золота много надобно.

— А как хочется тебе, так и клич. Чего от нас убогих, сиятельной княгине надобно? — Улыбкой слепя, да шапку лисью подкидывая, мужчина вопрошает, гнева Ольгиного не боясь.

— По сердцу мне смелость твоя, да только не глупость ли то? Коли груб с княгиней своей, значит, веруешь в безнаказанность?

— Бродяга я, поклоны бить не обученный, коль невежество мое столь противно, значит, голова моя и медяшки пред тобой стоять не будет. Да только за тем ли звала меня княгиня великая, чтоб уроки вежества давать, али дело есть, что по силе и чурбану неотесанному? — В кулаке смех пряча, скоморох речь продолжает. — А головы рубить и за меньшее можно, ежели хочется, конечно, так чего кочевряжиться, не тем, кто есть притворяясь?

— Прав ты, скоморох, и за меньшее шеи ломали, только ныне не голова твоя глупая нужна мне, а ребята шустрые, да наблюдательные. — Ольга глаза хитрые шуря, замолкает, главе скоморохов возможность, давая, обдумать, чего за услуги с терема княжеского требовать.

— Не томи уж, княгиня, говори, чего делать надобно? Не настолько я глуп, чтоб Ольге киевской отказывать. — Мужик, бороду пятерней приглаживая, с веселым задором продолжает: — Тем паче, что златом осыплешь по-княжески!

— Хочу, что бы в Новгород вы отправились. Прибудете с песней, да пляской, медведем, да бубенцами, чтоб люд позабавился. Покуда потешать народ будете, уши свои наострите, да мне потом доложите, что о князе молодом в граде толкуют. За работу сию плачу золотом, о цене с казначеем сторгуетесь.

— Не в моей воле отказать тебе. Коль не скуп казначей твой, хоть в седмицу раз буду в грады различные разъезжать, да тебе о житье-бытье докладывать. — Уж доходы подсчитывая, скоморох руки потирает, да серьгой золотой в ухе позвякивает.

— Подумаю я, жадность твоя нашла отклик в душе моей — тот, кто злато любит, работы паскудной не боится. Только помни, больше чем я никто не заплатит, страшнее чем я никто не ударит. Прежде, чем предать, да продать решить, подумай, кого на монету меняешь. — С тем и расстаются. Ольга в покоях своих сидеть, да о сыне непокорном думать, а скоморох с казначеем о плате спорить, золота по более выторговывая.

Долго печали предаваться княгиня не обучена, Переславу кликнув, новости последние спрашивает.

— Говаривают рабыня ваша — Эсфирь занедужила, знахаря позвали, а тот руками разводит, не поймет, чего баба стонет. Святослав потому не довольным ходит, что по сердцу ему девка пришлась, а тут оказия эта.

— Чего с ней? Точно недужная, али притворяется, княжичу противясь?

— Да поди разберись! — Переслава плечами пожимает, не осведомленность кажа. — Юродивая, чего с нее взять. Все лебедку из себя строит, а сама чернушка как есть.

— Зла ты, Переслава, мож и впрямь нездоровится девке. Зови, видеть ее желаю. — Ольга рукой машет, служку отправляя.

Эсфирь, пытаясь боли в животе унять, седьмую чашку отвара противного, что знахарь с советовал, пьет. Да только хуже от зелья мерзкого становится. Глоток в себя, два вон выходят. Переславу, в дверях стоящую, не замечая, девушка воду ледяную на лицо бледное плещет, дурноту унять пытаясь.

— Хорош плескаться, чай не барыня, пошли, княгиня видеть тебя хочет. — Переслава грубо за локоть Эсфирь подхватывает, да в светелку к княгине волоком тащит. Полюбовница Святослава, ногами еле ворочая, за прислужницей поспеть не может. Падает, на лестнице оступившись, да слезы злые сдерживая, руку Переславы отталкивает.

— Уйди окаянная, плохо мне, не видишь? Помереть спокойно не даете с княгиней своей. Всю жизнь мою загубили, отец от меня отвернулся, сестры в глаза не глядят, словно не кровь я их. Даже мать, не простила. — И уже слезы не тая, рыдает чернушка, как никогда допрежь. Переслава, терпеньем не отличаясь, оплеуху девке отвешивает, да за волосы длинные подхватив, на лестницу толкает.

— Жалости захотела? Так ты подумай, кому жалишься! Мою семью хазары порубили, покуда я под лавкой от страха дрожала. Сама в рабынях ходила, шатры солдатские грея, а потом купцу толсторожему прислуживала, пока князь Олег, меня пожалевши, на гнедую кобылу не выменял. Мне тогда и семнадцать весен не минуло. Думала, князь тоже на тело мое молодое польстился, ан нет, сестру его, в малолетстве утерянную напомнила. Пожалел меня, кашеваркой своей назначил. А когда Ольга в Киев приехала, меня к ней в услужение отдали. С той поры жизнь на лад и пошла. А ты со Святославом покои делишь, он о здравии

твоим с каждой зорькой справляется, да подарки золотом шлет, ничего не жалея. Нет бы голову выше поднять, да другим место указывать, знамо дело княжича любимая! А ты сопли льешь, потешаться над собой позволяя. — Переслава по лбу Эсфирь пальцем стучит, в сей жест понятие вкладывая, как к дурости бабьей относится. — Вставай, не стоит Ольгу злить. Коли слушаться будешь, в шелках византийских ходить станешь, а воду пущай другие льют!

Ольга девушку добром встречает. Улыбается сострадательно, видя, что и впрямь недужна девка, а не притворяется.

— Подойди, милая, дай взглянуть, что с красой твоей стало. С лица сера, волосы тусклы, губы белы. Что пытается тебя, девочка? — Внимательно княгиня Эсфирь оглядывает, кажись, недуг-то ясен, как день весенний. Лишь дивится Ольга, что знахарь не понял, чем девка мается.

— Во чреве, будто еж засел, да тошнота все время. — Смущается девушка, приему ласковому.

— Давно ли дни праздные были? — Видя румянец, что к щекам Эсфирь приливает, княгиня к Переславе обращается: — Сходи повитуху кликни, кажись, брюхата девчонка. Да знахаря, что смотрел ее, приведи, скажи, пущай высекут. Глупость наказывать надобно.

Эсфирь бледнеет, понимая, к чему княгиня клонит. Губы, и без того белесые, еще светлее становятся, руки тонкие в дрожь бросает, очи, как у лани, охотника увидавшей, из глазниц вываливаются.

— Как же... быть не может... то просто нездоровится.... — Лепечет девушка, в счастье свое не веруя. Видано ли дело, чернушке безродной сына княжеского под сердцем носить.

— Тише, милая, присядь. Повитуха явится, все известно станет. Коли понесла, озолочу, да на большее не надейся. Женою Святославу девушка знатная станет, ты же матерью его сына останешься. В почете и достатке будешь. А коли звезда твоя улыбнется, да Роду угодно будет, станешь матерью при князе следующем. Ныне же, беречь себя надобно, слезы попусту не лить, есть хорошо, да отдыхать по более. — Ольга слова ласковые девушке нашептывает, сама же в беспокойстве, негоже то, что в болях девка не одну седмицу, кабы не скинула чадо. Коли выкинет, то виной знахарю встанет. Казнит его, Святослав, как есть, дабы другим неповадно было.

Сурова княгиня земли русской. Не прощает ошибок, ни себе, ни окруженью своему, тому и сына с малства учила. Да и как не сердчать, коли невежество одного в смертях десятка причастным быть может.

Повитуха подозренья подтверждает, понесла Эсфирь, да только слаб ребеночек, вот-вот жизни ниточка прервется.

— Коли б ранее позвали, глядишь и сдюжила бы, выходила б девку, а так, — повитуха пухлые руки разводит. — Пригляжу за болезной, пусть Берегиню* просит, глядишь, пощадит богиня душу невинную.

— Неудовольно богам дите нагулянное, — слезами беременная раздражается.

— Цыц! Ты гнев богов к себе не клич! Лежи, отдыхай, да слезы не лей, о ребеночке думай. — Переслава ногой в гневе топает, глупости Эсфирь дивясь. Княгиня, лишь устало рукой машет, девушку на попечение повитухи оставляя. Переславу, подругу верную, кликнув, из светелки выходит.

— Скажи всем, кому положение Эсфирь известно, помалкивать. Коль язык за зубами не удержат — укорочу рукой не дрогнувшей. Как осмотр кончат, отведи девку в покои отдельные, да пару стражей молчаливых приставь. Окромя повитухи, никого не пускай, еду

сама ей носить станешь. Раз за день, по вечеру выводи ее к реке, тяжелым гулять надобно. — Указы раздав, княгиня из терема выходит, лицо, дождю подставляя, вдаль кричит:

— Морена!

Абы, кто клич тот услышал, в сомнение впал, в уме ли княгиня земель русских, али бремя тяжкое, сломило разум женский. Но на благо, никто зов не слышит, окромя той, кому предназначен.

— Чего орешь, скаженная? — Морена на поленнице сидит, ногу на ногу закинув. На плече ворон седой, в руках помело. Будто издавна тут и была, а не миг назад появилась.

— Что ж ты быстрой не была, когда я цвет тот злосчастный взять удумала? — Вместо здравия, Ольга спрашивает.

— Он не звал меня, лишь на клич я скоро являюсь. — Плечами пожав, Морена продолжает: — Ты затем меня звала, что б о глупостях побеседовать?

— Нет. Дело есть. Полюбовница Святослава тяжелая, да только дитя плохо держится. Кабы не выкинула. Помоги, а я обряд проведу, тебя славя.

— А нужна ль мне слава та? Не в моей то власти — беременных спасать, аль забыла, кто я? Морок, голод, мор, мороз — вот судьба моя заслуженная. А за здравие, да плодovitость Берегиню проси, Рода али Велеса на худой конец....

— Не о том глаголишь. Сама говоришь, что мор и болезни насылаешь. Коли так, то ты недуг Эсфирь послала. — Грубо ведьму Ольга прерывает, с толку сбить себя не давая.

— Я. — Морена отрицать не пытается, деянья свои не скрывая. — Только не ей, а сыну княжича. Не должно дитя родиться. Только горе принесет и себе и матери. Эсфирь в родах помрет, а княжич вырастет, да глупости чинить станет. А коли сгинет ребенок, Святослав от девки откажется, а та замуж за сына сапожника выйдет, детей тому нарожает, те в жилу войдут, делами добрыми прославятся.

— Нужен ребенок этот. Не спокойно в Киеве. Народ чудит, волнуется, говорят, княжич лишь войною дышит, в походе сгинет, наследников не оставив. А от меня уж давно детей не ждут. Чадо это покой принесет, уверенность даст. Отведи недуг свой. — Княгиня от своего не отступает.

— Ты ж не глупая баба-то, пойми, что жизни ломаешь, о крови своей волнуясь. Сколько судеб не сложится, коль дите то родится? Не будет отрады ни тебе, ни Святославу. Не уж то, не осталось в сердце твоём, той малости, что людей других жалела? Не кольнет душу смерть девичья? Молода ведь Эсфирь, и Встречник уж путь ей ладный выкинул, а ты ее тропой темной толкаешь.

— Тебе ли, кто голодом, да морозами лютыми людей губит, о путях ладных, да делах сердечных разговоры вести? — Ольга злобится. — Ты же жалишь, а не жалишься. А мне камень поперек кидаешь, к совести взывая. Коль ребенок родится, отрадой всему Киеву станет. В сколько изб покой, да уверенность в дне завтрашнем явится? Так, что важней будет? Жизнь чернушки или мир земель русских?

— Ты ярись, Олюшка, да себе хоть правду кажи. Не покой людской, а опора власти своей тебя волнуют. Меня делами не праведными попрекаешь, а сама душой Чернобога темнее. Погляди, что стало с тобой? Не ту девицу на поляне я встретила. Та добра, да весела была, голосом звонка, глазами ярка. Ты же, красоту да молодость сберегла, только очи твои, зелены не травой весенней, а жижей болотной. Лицо твое бело, не денечком ясным, а смрадом могильным. Голос твой ныне не звонок, а скрипуч, как калитка, опосля стужи зимней не смазанная. — Морена зеркало медное из кисета достает, Ольге протягивая. —

Гляди, княгиня. Оно не врет. Что кажет зеркало мое — то истина.

— Нельзя жить так, что б всем отрадно было. Одним печаль — другим достаток. В том нет вины моей, ни кому зла не желала да преград забавы ради не чинила. И зеркало свое припрять для другого. — Ольга руку ведьмы отталкивает, на себя глядеть не желая. И так известно, что увидит там. Знает княгиня, что каждый поступок к душе валуном привязывается. Рано иль поздно деянья ее потопят на дне реки бурной, а ныне жить надо, не только о душе думая. — Спаси ребенка. Сама же знаешь, что не упрямства ради прошу. Бунты вспыхивают. С Царьграда сватов шлют, царь их жениться на мне хочет, да Святослава погубить, чтоб властителем земель русских на правах мужа княжеского стать. Думает, не знаю, что не краса моя его покорила, а жадность. Коль будет у сына наследник, вороги наши поуспокоятся, а те, кто верен терему нашему — духом воспрянут, подпору за плечами чувствуя.

— Как знаешь, Ольга. Твоя душа, тебе грех сей и принимать. С ребенка недуг уберу, за дальнейшее не в ответе. — Сказав то, на метлу Морена прыгает и ввысь уносится, княгиню одну оставляя.

В стужу зимнюю, до срока назначенного, рождается сын у Святослава Игоревича — Олегом нареченный. Является в мир этот, жизнь материнскую забрав, как и предсказывалось. Ни слезинки о женщине, князя нового Киеву давшей, не проронено. Вчетыре стороны гонцы посланы, княжича малого славить, да не ведающим новость радостную рассказывать.

Ольга младенца на руках тешит, сходство с сыном своим ища. Из деревни отца Эсфирь вызывают, что б наставником да учителем княжичу юному стал. Все в заботах, все при деле, и уж не помнится, да не осудится, что жизнь молодая загублена. Что могла девка мужней стать, да детей воспитывать, ныне же черви могильные ее плоть стылую доедают. И как случается, что та, кто убивать и наказывать обученна, единственной душу загубленную пожалела, спасти пытаюсь, да только те, кого славят ныне, не приняли решения ее. Никому Морена не сказала, что любой мор, который ею насылается, кому-то благо приносит, и, порой, то, что в начале злом мнится, на проверку добром оказывается.

Тем временем, счастье с несчастьем рука об руку ходят, и седмицы не минуло с рожденья Олежека, как отбывает в мир подземный ключница, служка, да подруга верная Ольги — Переслава. Грусть да тоска в сердце княгини поселяется, одна в мире этом остается женщина, без плеча верного, да преданного. Ночами темными, слышит княгиня смех ведьмы, да слова горькие:

— За все время платить приходит.

(*Берегиня-Рожаницы — богиня, покровительствующая домашнему очагу, женщинам, детям и старикам. — прим.)

Глава 12 Новгород

— Опять гонец прибыл? Чем ныне княгиня великая не довольна? Аль груб с купцами был? — Улеб в ярости по терему расхаживает. Все чаще с града стольного, вести не ладные приходят. То разбойники под Киевом объявились, правдорубами себя возомнивши, имя Улеба славили, да на княжение его требовали. Языки-то им укоротили, да недовольство у Ольги осталось. Верует, что не слал дуралеев тех Улеб, али нет, никто не ведает. А недавно купцы заезжие отказались Святославу кланяться, так как есть у Игоря сын и постарше. Ох, ярилась тогда Ольга, да впусте все, всем глотки не заткнуть, каждый свою правду знает. Ныне же опять гонец в сенцах мается, на гнев Улеба попадать не желая. Княжич бы и вовсе головы рубил тем, кто с дурными вестями к порогу его приходят, да только за то, опять ответ перед мачехой держать придется.

— Скажи пусть заходит, что тянуть неизбежное. — Князь новгородский, рукой махнув, добро дает.

Зря только Улеб в ярости круги по терему накручивал, новость благой оказывается, сын у Святослава родился, значит и брату о семье думать позволяется.

Вечером тем же, в баньке жарко натопленной под веничек дубовый завязывается разговор меж Улебом и Лютом, другом его верным. Да коли б случайный прохожий в окошко глянуть не побоясь, подслушал диалог тот, к утру уж без голов побратимы рассхаживали, Новгород вновь без управления оставив.

— Брат мой названный, вот скажи мне, должно ли князю позволений для деяний своих вымаливать? — Улеб, парку поддавая, у Люта спрашивает. Надоело княжичу прихлебателем в семье княжеской быть, хочет силу свою показать, да место должное по праву рождения занять.

— В чем смысл слов твоих, княже? — Лют, от жара да запаха шишек еловых, разомлев, по первой уразуметь не может, чего брату названному от него надобно. А ответ услышав, подобрался весь, уши наострив, да за голову хватаясь, думать стал, как мысли не дельные из Улеба по вытряхнуть, покуда бед он наворотить не успел.

— А в том смысл, брат, что висит голова моя на волоске, а нож в руках изящными мачеха держит. Надумает отсечь, и воля на то ее будет, никто и слова поперек сказать не посмеет. Не любо мне, братец, что жизни своей не владетель я. Кровей хоть и княжеских, а судьбой не правлю. Не дело то, ведь подумать если, то Ольга у меня дозволений вымаливать должна, как жена князя вдовая у первенца супруга. Это мой дед, города под знаменами своими соединял, да мечом земли эти отвоевывал. Во мне кровь воинов храбрых течет, а не в жилах княгини правящей! — То ли от жара, что в парилке стоит, то ли от слов обличительных, краснеет Улеб, на рака вареного похожим становясь.

— Коль разговор ведешь — мысли здравые в голове держишь? — Не любит Лют воду в ступе толочь. Еже ли говорить, то за дело.

— Держу. Надо мне князем земель русских стать, порядок свой навести, и будут Ольга, да Святослав уж моей воле послушны. Да только не просто то. Тут хитрость, да смекалка нужны. Вот ты, Лют, сын воеводы великого — Свенельда. Отец твой хоть волосом сед, да головой покамест ясен. Дружина его любит, как родного тятю почитая. Так ежели он слово за меня замолвит, послушаются ль воины?

— Дурное дело ты, княжич, затеял. — Лют головой хоть качает, да все одно раздумывает. Есть в словах Улеба правда, недолго жить им дадут, коли удар упреждать не станут. Ольга, что не месяц, то недовольство кажет. Посадника сгубили, урожай не собрали, разбойников натравили, да мало ли чего на головы изгнанников скинуть можно. — Не дружина, а цари стран заморских в терем твой палку закинут. Для тех, кто Единого бога славит, узы семейные главней первородства. Они Святослава, в супружестве рожденного, скорей признают, чем тебя, по мненью их дитятко нагулянное.

— Нагулянный! Мать моя по знатней княгини нашей была, да и супругой второй она отцу моему стала, до того как меня родить успела. Вот только после смерти Игоря, подзабыли об этом бояре наши, да цари заморские! А коль вдуматься, дочь княжеская, коей мать моя являлась, больше прав, чем баба деревенская иметь должна! Но прав ты, братец, правдой своей горькой, не спросит никто мненья моего, ежели только на себя уповать буду. А вот коли веру принять заморскую? В Иисуса уверовать? Примут князья заграничные брата по Богу ихнему?

— Они все варварами нас считают, думают, мы людей на кострах в дань богам своим отправляем. Глядишь, ради князя христианского и в прям расстараятся.

— Дело то. Будь так, морозы пройдут, в Царьград двинемся, с царем их потолкуем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В день следующий, после разговора того судьбоносного, метель не на шутку разыгрывается. Ветра морозные, волками завывая, в щели изб, шерстью али глиной не утепленные, пролезть норовят, под наличники задувая. Смотрит Улеб на буйство стихии, в соболиные меха по глубже прячась, а мысли одна другой мрачнее. И кажется князю, среди белой степи царства снежного, женщина выхаживает, на цепи ледяного волка придерживая. И рвется тварь, от оков избавиться силясь, скалит зубы в гнев всепоглощающем, и пена, что из пасти вытекает, в верх хлопьями снежными взмывает. А женщина, в шубу белую окутанная, держит привязь, усилий не прилагая, да в сторону терема княжеского поглядывает. И чудится Улебу, голос ее звонкий, как осколки зеркальные, в тишине зимней звенящий:

— Думай, княжич, думай... — воет ветер, да полы кафтана княжеского треплет. — Склонись, смиришь.... - шепчет женщина, волка спуская. Зверь, щетинясь седой шерстью, прыжок делает, да в метели пропадает, иглами сосулек, что к меху его прилипали, в сердце княжича рая.

Стоит Улеб вдаль глядя, в надежде виденье странное понять. Уж губы синевой поддеваются, да пальцы на ногах отнимаются, а он не уходит все, сам не зная, чего выжидает. Из сенцев Лют выходит, князя окликаая, да только не слышит Улеб, в мыслях своих растворившись. Но сын воеводы норовом в папеньку вышел, суров да не сговорчив, как отец его небезызвестный. За порог, кафтана не накинувши, выходит, да под локоток княжеский Улеба в дом втаскивает.

— Смерти ищешь, друже? Так ты скажи, я меча тебе не пожалею, всё милосердней, чем от мороза издохнуть. — Злится Лют, князя от одежды избавляя, руки его, до синевы отмороженные, снегом растирает.

— Как глянуть, как глянуть.... Морена ведь баба, а, значит, и смерть от длани ее нежной должна быть.

— Эк тебя отморозило, коли о смерти из рук женских рассуждать стал. — Лют, за здоровье княжеское беспокоясь, повариху кличет, трав заварить приказывая. — От девиц

ласку лучше живым брать, то оно сподручней, и самому подышать расхочется, а коль расстараешься, то и баба счастлива будет.

— Боюсь, от Морены ласки ток пред смертью и дождешься. — Улеб в себя приходит, веселят его дружеские баянья. — Помнишь дочь кузнеца того, что окрест Новгорода живет? Слада, кажись? Вспомнилась она мне ныне, озорная девица, пошли кого, пусть привезут. Семья у кузнеца большая, кормить надо, пушай за дочь серебра ему дадут щедро, глядишь, не откажет князю в милости. Ему молодцов своих учить еще, коли согласится дочь мне отдать, старшего сына, к нам в дружину возьму.

— А коли не согласится?

— Его право, неволить не стану, неужто бабы на Руси перевелись. — Улеб смеется, ноги обledenевшие растирая, Лют же надежду тешит, что князь Новгородский под бабьей юбкой о планах своих опасных забудет. Не глуп воеводы сын, не любит сгоряча, да наспех дела делать. Прав Улеб, удар упреждать надобно, да только есть еще время, народ подготовить, дружину поднять, поддержкой заручится, а с плеча рубить, без того и остаться можно. Горяч княжич, да на судьбу, что сыном его старшим сделавши, не ту женщину матерью назначила, сердце держит. Вот и делает не думая, а тех, кто думает, не слушает.

За девкой посылают на третий день от разговора того. Метель утихнув, замела все тропы, снегом белым, как пологом землю прикрыв. Оттого дружинники ратные, на конях толстоногих, сквозь сугробы пробираясь, поминают княжича, да родню его всю до самого Рюрика, словом не добрым, да забористым. Им мужикам простым, ныне бы на печи лежать, ароматами хлеба свежего, да румяного наслаждаться, а ни как Чернобогом проклятыми, сквозь глушь снегами занесенную, по тропам не хоженным пробираться. Да только с князем Новгородским спорить себе дороже выйдет. Вспылчив да не сдержан Улеб юностью своей. Посему, гнев на головы свои не привлекая, едут воины, да каждый в мыслях, уж послание Ольги выдумывает, о том, как пасынок ее — самодур треклятый, отправил их в мороз сквозь чащобу темную, волками голодными полную, лишь из блажи одной девку деревенскую разыскивать. И плевать, что чащоба — то ельничек в пол версты, а волков тут еще при Олеге по вывели, про то княгине знать не надобно.

Не ведает Улеб, что допреж в страны заморские поклоны бить ехать, в рядах своих порядок навести надобно. Воля княжеская, кругами по воде, от центра вдаль расходится. Да только, круг ближний, жижей болотной подгнивает, и каждый, почетом считает донос на властителя своего в Киев отправить. Сурова жизнь властью одаренных, от дня первого и до последнего вздоха под мечом ходят, дыханье врагов спиной ощущая. Нет права оступиться, коли споткнувшись падаешь, более не встанешь, свои же волками порвут, кишки торопясь выпустить.

Кузнец Стуж на всадников пришлых недобро поглядывает. Два конных воина с княжеской грамотой, трясут серебром пред очами его, требуя дочь единственную продать. Нет, ратники то слова другие подбирают, да токмо смысл за ними один кроется. За мешок серебра, что на нужды полугодичные хватит, просят Сладку князю Новгородскому подарить. Хмурит брови кузнец, как отказать не ведая. Милость княжеская границ не знает, так что не волен мужик простой от счастья такого отказываться.

— Чего хмуришься, как бирюк голодный. Говорят тебе, в соболях ходить дочка будет, а ты думаешь. Князь то два раза предлагать не станет. — Один из дружинников, очень уж

ярытся, не хочется ему с руками пустыми воротаться, за зря путь не легкий проделывая. Да кузнецу нет дела до чужих чаяний, он все сильнее хмурится, да лопату, которой от снега дорожку чистить взял, покрепче перехватывает. Воины на орудие то, крайне нужное в сезон сей, глядят с недоверием, да опасением праведным, что вместо дочки-красавицы черенком по хребту им выдадут. Кузнец-то мысли хоть имеет самые мрачные, дружинников трогать не намеревается, беду на голову свою кликать не желая.

— Дочь у меня одна. Отрада очам моим, жене помощница. Как отдать, что сердцу дорого? Вот и сваты весной прибыть должны. Другому мужу девица обещана. Посему поклон мой низкий князю нашему, да извинения, что не смог я просьбу его уважить. — Стуж лопату за плечо закидывает, да в глаза воинам твердо смотрит. Все же двое их, хоть и ратные, но и кузнец не лыком шит, коль буяннить начнут, упокоит, да на делянке своей в две сажени, прикопает. А кто спросит, так в лесу заплутали, нынче погода способствует. Пришлые же, толи мысли кузнецкие узрев, то ли и впрямь настаивать не собираясь, попрощавшись, прочь уходят. Вздыхает Стуж облегченно, еще не ведая, что дочь его, кровиночка, уж из дому вылетела, да пол версты в сторону Новгорода по снегам пробежала, что б на дороге, в лес уходящей, встретить всадников и уехать с ними в град к князю Улебу. А как узнает, так за голову хватаясь, думать станет, что пороть детей все же надо было, как сосед гончар советовал, а не милостью своей баловать.

Слада на остывшие руки дует, ногами в братцевых валенках на пять размеров больше топает, на пеньке обледеневшем подпрыгивая.

Когда у избы всадники остановились, да услышала девушка ржание конское, не сдержалась и подслушивать ринулась. Не зря, как вышло. Сам князь руки ее просил, а батюшка, будто о судьбе ейной не печется, отказал, да еще и соврал, что обещана Услава. Сын то пекарский чести девичьей домогается, да только уж год минул, а дальше разговора дело не двигается. Слада рада, конечно, что пекаренок сватов заслать не сподобился, так как после дня, что князя увидала, ни о ком боле мечтать не умела. Ныне же, услышав, что батюшка не желает счастье дочернее устраивать, решает Слада ношу непомерную в руки свои девичьи взять, да из дому сбежать. Схватив платок пуховый, да фуфайку матушкину, через окно выпрыгнула, да к тропе лесной, что в Новгород ведет, устремила. Вот у дороги той и стоит, дожидается. Уж и не чая на горизонте дружинников узреть.

Кто на Руси не был, тому не знать, как студены морозы, как хрустит под ногами мерзлый снег, а яркое солнышко, хоть и глаз сияньем слепит, да не греет вовсе. Подпрыгивает Слада, согреться силясь, да мысли не радостные, что другой тропой воины уехали, растряссти. О том, что б домой вернутся, девушка и думать боится, отец, как есть, за розги возьмется, а матушка и не заступится, кабы, сама этими розгами и не отходила.

Видно Род нынче добр к девице, наконец, на горизонте всадники появляются. Слада им руками машет, внимание привлекая. Дружинники, коней осаживая, на девку мерзлую в недоумение глядят.

— Ты чего девица забыла тут? Одна, без мужчины провожатого? Аль жизнь не любя? Иль разбойников не боишься? — Тот дружинник, что волосом уж сед, да женского внимания не ищущий, по-отечески Сладу журит.

— Да, что братъ с меня разбойникам тем? Пара валенок — вот и добро мое все. — Девушка рукой машет, валенки, изрядно ношенные, показывая, да платок поправляет, от стужи прячась.

— А кабы честь твою девичью захотели? — Дружинник, что в отличие от первого молод и бабьим обществом страсть как интересуется, спрашивает.

— Дык мороз лютует, кому чести моей в пору студеную возжелается? — Веселится Слада, хмурых лиц ратников не понимая.

— Беспечна ты, девка, а от нас-то чего надобно?

— Так меня Усладой кличут. Вы батюшке моему серебра за меня обещались, а он ни в какую, так я вот, сама... по снегу, чтоб значится, просьбу княжескую уважить! — И грудь колесом выпячивает, чтоб вид потоварней принять.

— Красива ты девка, да дура. Батюшка твой, слово свое сказал, а ты поперек ему. Неужто так в опочивальню княжескую хочется, что супротив воли родительской пойти готова?

— Так я как княгиней стану, они мной гордиться будут да простят, а ныне я назад не вернусь. — Слада нос морщит, видно, розги отцовские представляя.

— Лука, ее б вернуть в дом отчий. Курица, а не девка, и мозги курячьи, княгиней себя мнит. — Дружинник, что помладше, у старшего спрашивает.

— Дело, Сава, говоришь, да только князь, коли прознает, что девку назад родителя вернули, головы нам снимет. А так и бабу ему привезем и при деньгах останемся. — Лука выразительно мешочком с серебром, что для кузнеца готовили, позвякивает.

На том и сходятся. Девку, мыслями уже себя княгиней видящую, на коня закидывают и в сторону града правят. Коли б ведала Слада, что не женой, а любовницей Улебу станет, глядишь и сбежала б домой, порки не боясь. Ныне же, ногой, в валенке не по размеру, покачивая, девушка вдаль глядит, мечтам сбывшимся радуясь.

Тихи февральские ночи. Не слышен стрекот птиц, что до весны в края дальние улетают. Не воют волки, голодом заморенные. Пушистый снег, ковром белым, землю покрывает, шаги да шорохи скрадывая. Темно в лесу зимнем ночью, лишь звезд глазницы с неба смотрят, сквозь кроны деревьев запорошенных, тусклым светом пробиться силясь. Короток день февральский, и вроде час еще не поздний, а сумрак уж землю покрывает, к ночлегу путников призывая.

Слада, от мерного конского хода на плече дружинника дремлет, а от забытья очнувшись, во тьму непроглядную глядит. Боязно девушке, впервые она ночь вне дома встречает. И, кажется, что воет где-то, да ухает, что выйдет на тропу пред путниками зверь лютый, да будет драть их когтями до смерти. И наново жизнь начнет Слада, сама зверем ставши. Истории, у костра мальчишками рассказанные, одна за другой в голове девичьей всплывают. И о медведе, что и не медведь то вовсе, а дух неприкаянный, и о Встречнике, что души заблудшие поедает, и о мертвецах, что в хладные темные ночи с могил поднимаются, да крови девиц невинных ищут. А всадники, терзаний сердца Услады не замечая, все едут, снега рассекая, одной лишь им тропой ясной.

Темна февральская ночь, да только сколь дороге не виться, а все конец имеется, и вот, за снежной машиной, ветрами надутой, выступает серый камень городских стен, где у ворот, в фуфайки кутаясь, стоят усталые стражи, путников встречая.

Измученную дорогой долгой Сладу снимают с коня, службе передавая. Та суетно вокруг девушки крутится, раздеться помогая, да в сторону баньки раскочегаренной подталкивая.

А где-то за стенами терема за резными ставнями, на топчане, овечьей шерстью прикрытом, дремлет князь Улеб, о дне завтрашнем, да о теле девичьем грезя. Мается думами разными в светелке своей Лют, надежды теща, что одумается да подобреет к мачехе своей

побратим, подле жены молодой душой отогреваясь. А два дружинника, что с пути вернувшись, на лавке у печи медовуху распивают, домой воротаться не спеша, байки друзьям травят о то как девка за конями их по снегу бежала.

Длинны да тихи ночи февральские, и каждый под пологом тьмы непроглядной, делами своими занимается, порой добрыми, порой безвредными, а иногда и мерзкими.

Глава 13. Ольга

Морозы нынче в Киеве поубавились, Хорс Великий*, солнышком ярким землю пригревая, народ на улицу выгоняет, к гуляньем приглашая. Ребяшня на салазках катаются, снежками друг в дружку бросают, да леденцы на палках грызут. Случись мимо прохожему пройти и ему снега за шиворот достанется, а потом с визгом, да улюлюканьям разбойники малые по углам разбегутся.

Ярмарка праздничная на площади разворачивается, бабы дородные пирогами да медом за медяк потчуют, зычным голосом к лоткам своим зазывая. На жаровнях мясо пекут, уже не медяк, но серебрушку за кусочек прося.

Ходит Ольга меж толпы суетной в кафтан боярский наряженная, да платком подвязанная, что б личность свою сокрыть. Яблоко засахаренное прикупив, гуляет княгиня жизни радуясь. Редки моменты счастья беззаботного, а ране бытие безоблачным казалось. Вспоминается женщине детство озорное, как стены снежные по зиме строили, да в войну тешились. Не знала тогда Олюшка, как грязна и смрадна война бывает, ныне бы в такое играть не стала. А еще помнится, батюшка, на год десятый от рожденья ее, сапожки красные с ярмарки привез, да такие ладные, что девки соседские на яд от злости сошлись. А Ольга фуфайку ношенную, от матушки доставшуюся, чуть не до колен поднимала, что б все могли углядеть обновку ее. Ныне же с головы до пят в новье, да богатство ряжена, а счастье от того нет. Права Морена, гниет Ольга в тереме своем. Да как другой быть, коли все супротив покоя ее идет. Вот давеча вновь гонец византийский прибыл, поклоны земные от имени императора своего Константина бил, да руки Ольгиной, опять же именем правителя, для сына его малолетнего просил. Да так просил, что нет сомненья, откажи княгиня — войне быть. Святослав-то печали ее не понимает, по нему на меч поднять грека давно пора, ибо со времен Олега расслабились, да силы понабрались византийцы. Глуп сын, да молод, войной одной живет, даже Олежек его малой не стреножит. А Ольга, меж лавок торговых ходя, мыслит, как сына имперского от себя отвести, а своему власть полноправную сохранить. Оженить бы Святослава, да нет девки подходящей. Чтоб знатна, да умна, а по-хорошему так еще и немая была, и чтоб поперек мужа не вставала, да детей в молчанье рожала.

От мыслей праздных княгиню крик отвлекает. Спорят да ругаются, купцы, бородами трясая, да ногами в сапогах кожаных топая:

— Ты мне тут сукном пред очами не труси. Я, поди, сам не лыком шит, знаю, как шелк выглядит, а то не ткань, а тьфу, погань!

— Люди добрые, послушайте только, на купца честного наговор ведут! — Вторит другой торговец, руками махая, да к лавке своей народ зазывая, чтоб значит, на деле показать, что нет меж товаров его никакой погани, но нежнейшие шелка, цветная парча, да тафта мягкая.

Ольга, не желая участвовать в драке купеческой, по большой дуге обойти лавку решает. Уж уходит почти, когда в толпе Еремея видит, сына боярина Владислава, с сестрой. Имя девушки княгине неизвестно, но о красе ее в народе былины складывают. Очи с поволокой, в кайме ресниц черных, глядят кротко. Коса русая, из под платка выглядывая, стан осиновый огибает, до пят спускаясь. Подумав, что счастлив охотник тот, что в лес не войдя, да лука не взведя, уж зайцев настрелял, направляется княгиня в гомонящее и толкающееся людское

море. Народ к тому времени разные стороны принимает. Одни кричат, что ткань и впрямь негодная, другие кулаками пудовыми в грудь широкую бьют, доказывая красоту материи. Но купцам толкотня суетная на руку, чем больше людей подле лавок их правоту свою отстаивает, тем больше продадут они к вечеру товаров своих. Оттого и перемигиваются хитрецы, покуда народ, их обман не видя, материи с лавок сметают.

— Ерема? Ты ли то? — Княгиня к боярскому сыну подходит. — Как батюшка твой? Как матушка? Тише-тише, внимания не привлеки, негоже то княгине меж торгашей толкаться.

— Здраве будьте! — Ерема смущенно, поклон отбить пытается, но Ольга рукой его останавливает.

— И тебе мира, Еремей Владиславович. — Княгиня ныне благосклонна. — Что за девушка подле тебя? Неужто жена молодая?

— Что вы, то сестрица моя. Вот на ярмарку просилась больно. Лент для волос прикупить, да яблочек квашенных откусать. — Девица, братниной болтливости смущаясь, глаза долу опускает. — Ее Предславой кличут.

— Хорошее имя. — Ольге неволью ключница покойная примерещилась. Пора б уже новую наперсницу завести, да все не до того. — Ты, Еремушка, отцу передай, что хочу видеть. Пушай дня третьего на обед в мой терем заглянет. Разговор важным будет.

Распрошавшись с молодыми, княгиня домой возвращается, а на пороге ее уж сын Святослав поджидает.

— Доброго дня, матушка. — Шевелит усами княжич, улыбнуться силясь. Хмурый он. На отца похож, волосом темен, да взгляд острый — соколий. Не видит Ольга в сыне своем солнца, что в ее чертах играет.

— И тебе, сынку. Меня ли ожидаешь, или дню яркому порадоваться вышел?

— Одно другому не помеха. Тут давеча брат с сестрой ко мне защиты просить приходили. Он Добрыня, она Малфред, или Малушка попросту. Хазар деревню их вырезал, без дома и защиты оставив. Пришли ко мне кланяться, крова ища. Добрыня молодец знатный, я его в дружину позвал, такой богатырь лишним не будет, а как с сестрой его быть неведомо. Да вот Свенельд припомнил, что ключница твоя померла. Может, возьмешь к себе девку в услужение?

Как в народе говорят, на ловца и зверь бежит. Не может княгиня не порадоваться удачи своей, что за один день двух баб для нужд различных сыскать смогла.

— Зови, поглядим. — Ольга сына расстраивать не желает, раз просит за девку, то чего б не глянуть, коль не справится выгнать завсегда успеется. — И сам зайди, разговор будет.

Девка и впрямь не плоха оказывается. Весен двадцать, тиха, мила да услужлива. Не заменит подруги старой, но и нареканий не вызовет. Отослав Малушку с Асмудом терем осматривать, да дела, со смертью Переславы изрядно запущенные, принимать, Ольга с сыном разговор начинает:

— Сын мой послушный, опора сердцу материнскому, на тебя надежда возлагается народом киевским. Род наш крепко беречь, сохранять, да приумножать тебе должно. Посему, решено мной оженить тебя на Предславе — дочери киевского боярина Владислава. Муж он знатный, много дел праведных для блага Руси сделал. Отец невесты твоей, в народе почитаем, дружину большую имеет, да с врагами и друзьями заморскими знается. Союз сей выгоден будет, коли Владислав интересы наши поперед своих ставить станет. Богатство наше, гляди, приумножится. — Княгиня на сына поглядывает, проникся ли речью ее, али ворон считает? Святослав же, серьгой в ухе позвякивая, матери перечить не торопится.

— Коли должно, то женимся. Молода хоть невестушка?

— Молода. И красива, коль беспокоишься. — Ольга в довольстве на сына глядит. Да, суров ее мальчик, но для матери своей всегда улыбку найдет, да перечить больше должного не станет. Гордость в сердце княгини живет, оттого, что человек, которого бояться не только на Руси, но и в землях заморских, с уважением руки ее целует.

Боярин Владислав, к слову сказать, почести стать сватом княжеским не радуется. Ибо всем на Руси известно, как суров и не добр княжич Святослав. В народе поговаривают, что взглядом врагов поражает, да только то болтовня пустая, а на деле как? Дочка то единственная. Кровиночка, пятнадцать весен холеная, взлелеянная, что б дуболому княжескому на поругание отдать? Да только откажешь ли Ольге? Отказать то мож и можно, токмо далее милости ждать не придется. Тяжко вздохнув дает боярин добро, совесть свою упокоив, что княжной дочь будет, а там глядишь сына народит и опосля Ольги княгиней станет. А в обиду кровинку свою Владислав не даст, вместе с приданным дружинников верных отправит, пущай пригляд за девкой будет. Самой же дочке крепко в голову мысль вкладывает, что б готовилась глупая после Ольги править.

Из воспоминаний Предславы о знакомстве с князем Святославом. Знакомство то за полгода до свадьбы состоялось.

С утра в горницу Предславы черной вороной тетушка Паша влетает, что вдовствует, почитай, уж второй десяток лет. Слуги шепчутся, что не брезгует вдовушка мужиков на перине своей привечать, да коль на горячем не поймана, значит, врут все. Предслава слухам тем хоть и не верит, но при тетушке завсегда краской от мыслей своих заливаается. Коим, ежели разобраться, в голове девы юной быть не престало. Вот и ныне, увидав Пашу, забывает девушка о том, зачем ее в рань такую подняли. А забывать не стоило, так как день сегодня знатный, ныне сваты приедут, да не простые, а сам княжич Святослав с матушкой — княгиней земель русских. Тетка, гребнем костяным волосы Предславы выдергивая, тарахтит как заведенная, об участии женской рассказывая. О том как вести себя с мужем в покоях, что говорить, да делать стоит. От разговоров тех, девица краснеет пуще прежнего, чем веселит довольную вдовушку, решившую на румяна не тратиться, раз уж племянница и без того здравием пышет.

А за окном уж звон бубенцов слышен и голос батюшки, гостей встречающего. Паша, уши наострив, наряд племянницы напоследок оправляет, да шлепком смачным по ягодицам округлым в комнату гостевую подгоняет. Стоит Предслава, в платье белое, узорами расписанное ряженная, да меховым жилетом прикрытая (холодна весна ныне) по среди комнаты пустой, с ноги на ногу перемежаясь, платочек льняной теребит. Вот уж гам со двора в горницу перебирается, слышны крики свахи, да смех скомороший. Вся улица собралась у дома боярского поглазеть на князей да невесту его.

Не замечает Предслава, как посреди комнаты в окружение людей разномастных оказывается, и сваха, что отцом для порядку приглашена, прелести ее нахваливает, да платки, когда-то матушкой вышитые, гостям как рукоделие невесты представляет. Кружит баба Предславу во все стороны, как кобылу племенную нахваливая, что б монеты, ей уплаченные, сполна отработать. Девушка по сторонам глядит, суженного своего среди толпы многолицей усмотреть сиясь. Вот женщина статная, в меха да камни драгоценные

обряженная со взглядом скучающим — то княгиня, которую на ярмарке Предслава плохо разглядела, ныне же видит, как сурова свекровь будущая, когда улыбкой приветливой ее лицо не озаряется. Подле нее в кафтане добротном, явно прислужница Ольге близкая, глазами смешливыми на людей вокруг поглядывает, трепета пред чинами высокими не испытывая. А на прислужницу ту молодец с интересом поглядывает, что поодаль от княгини стоит, да мыслям своим хмурится, то, видать, и есть сам княжич. Волосы его острижены коротко, кроме пряди одной черной, что до плеча ниспадает, это есть знак происхождения благородного. В ухе серьга золотая, каплей крови рубиновой поблескивает, обычно знаком этим сына единственного метят, что странно, так как знает Предслава о брате княжеском. Усы длинные, не чесанные и взгляд тяжелый из под бровей косматых, что более хищникам, чем людям свойственен. Нос плоский, скособочен слегка, видать, в драке какой помят был. Губы жесткие, в тонкую линию недовольно поджаты. Сам княжич роста не большого, но в плечах широк, что кузнец Данила, и руки с кулаками пудовыми, от локтя из под рубахи торчат. Вся наружность Святослава так мрачна и сурова, что тоскливо Предславе становится, как в мыслях себя рядом с ним представит. Как мог батюшка ее — ивушку плакучую, на поругание медведю этому дикому отдать. Святослав тем временем, горечи девичьей не видя, как пардус* навстречу к невесте своей двинулся, правилами сватовства пренебрегая. Да только кто же поперек ему слово скажет, коли хозяин он любого дома, что на землях русских построены.

Под речи веселые свахи, да шуточки скоморошьи берет князь в лапу свою огромную ладошку тонкую Предславы и, к уху девичьему склоняясь, шепчет:

— Не бойся, не обижу. — Голос у Святослава с хрипотцой, как у человека, что к молчанью боле, чем к разговору привычен. Не хочется девушке при женихе своем трусихой выглядеть, оттого вскидывает голову повыше, и, сама от смелости своей сомлевая, так же тихо князю в плечо говорит:

— Не боюсь! Я вообще ничего не боюсь! — И уже тише, в смущение впадая: — Окромя мышей, разве.

— А чего их бояться? — Святослав зубы скалит, улыбнуться пытаюсь, от чего сходство его со зверем хищным, еще сильнее заметно становится. — Ты меня, вон какого огромного, не испугалась, а мышка то мала, метелкой в нее кинь и спрячется.

— Так то до метелки добраться надо. — Смешно Предславе от разговора пустого. И не так уж и страшен князь, как про него рассказывают. — А коли под рукой не окажется?

— Ну, тогда точно слопает тебя, как есть, без метелки далеко не ходи.

Молодые и далее могут разговорами пустыми потешаться, но сваха на них цыкает, к порядку призывая.

Кружится хоровод людской, обряды венчальные проводя. Венок с головы Предславы снимают, да волосы в косу плетут. Платок поверх того повязывают, всему миру говоря, что отныне девка мужу обещана и другим глядеть на нее не след. А потом веселье пьяное, все дома соседние охватывает, пляшут люди добрые, чужое счастье, как свое принимая. Ведь когда еще, за счет терема княжеского меда напиться, да мяса наестся смогут?

Только к вечеру невеста молодая одна в светелке своей остается. Косу расплетая, песни грустные поет, да думает, что, пожалуй, с нетерпением осени дожидаться станет.*

(*Хорс — один из богов солнца славян в пантеоне, набирающий силу с 22 декабря (день зимнего солнцестояния, новый год славян), сменяя Сварога. Маленький Хорс

растет до весны, пока не станет Великим, затем, на смену ему придет Дадждбог. — прим.)

(*Пардус — гипард. Прим.)

(*Сватовство на Руси проводили весной, когда природа просыпалась, а свадьбы играли к осени, после сбора урожая — прим. автора.)

Глава 14. Улеб и Слада

Не так все идет, как Сладе в мечтах ее грезилось. Вместо почестей, да поклонов земных, как для княгини должно, челядь, под руки ее подхватив, в баню чуть не силком уводит. Где, платье нарядное сорвав, долго вениками парят, да травами пахучими ополаскивают. От разноцветья того у Слады в носу свербит уж, но жалоб ее никто не слушает, знай себе трут мочалом жестким из волоса конского, да парку поддают, так что уже и про дышаться через раз выходит. Наконец, дуреющую от жары и запахов девицу, водой студеной окатывают, тряпицами отирают, да в сарафан новый рядят. А сарафан тот, сказать стыдно, на исподнее больше похож, чем на наряд пристойный.

Из баньки по морозу босыми ногами бежит Слада, за слугами поспевая, браня на ходу и их и себя. Их то, конечно, по более, себя уж потом, с оглядкой, где просчиталась? Почему князь ее встречать не выходит? Да куда ведут коридоры эти, ветрами холодными выстуженные? И не лучше ли было батюшку послушать, да в избе отчей остаться? Матушка небось места себе не находит, все слезы проливая. Отец на братьях гнев сорвет, Стешке опять за проказу мелкую влетит из-за Слады. Вздыхает девушка, да нет дороги назад, коли и вернется, уж во век не отмоется, и в глаза и за глаза гулящей звать будут, матери все сердце вынут. Нет, нельзя возвращаться. Вот княгиней станет, тогда и приедет в село родное, в соболях да на тройке с бубенцами. Вот уж все на зависть сойдут!

Мечты, где Усладе цари заморские в ножки падают, голос скрипучий прерывает:

— Ищ, ходют тут прохиндейки всяки! Старикам опочивать не дают! — Бабка, старая, да глухая, как пенек в лесочке, сухим кулаком в воздухе потрясает, да на чернушку, что в провожатых у Слады, не добро поглядывает. — Чаво приперлась, окаянная? Еще и притащила с собой незнам кого. Она тут пятками босыми потопчет, а у меня платок рядный пропадет, где искать буду? — Продолжая гневаться, старуха, на лавку колченогую садится, кулаки опуская. В тот же миг, по коморке присвист разносится — уснула бабуса, речь свою пламенную не завершив.

— Держат из жалости, куда старую высылать? Старше стен этих бабка Просковья, да только сладу с ней нет. Бухтит-бухтит, а там глянь и дрыхнет уже, — сетует Сладе прислуга словно подружке какой, а не хозяйке полноправной. — Эй, бабушка, мне б перинку для гостыи княжеской, а то ныне на лавке голой уложу. А у ней косточки нежные, синяки останутся, меня ж и выпорют, что не углядела. — Чернушка бабку в бок толкает, да к сундуку с перинами, да подушками пуховыми подходит.

— То верно, внучка, девицы ныне изнежены, помнится, я молодухой была...

— Бабушка, мне б перинку! — Некогда девушке воспоминания старческие слушать, а Просковья, торопливости молодецкой не разделяя, сидит себе, взор вдаль устремивши, да дланью дряблой щеку подперев, девичеством ушедшей грезит.

— Ходят и ходят, нет в старости покоя. Морена вас побери всех, окаянных. — Ворчит бабка из воспоминаний выдернутая, но перину все ж выдает.

Сверток пыльный да весом не подъемный получив, идут девушки ходами путаными к светелке ладной, в которой от сей поры Сладе жить предстоит. Покуда чернушка, периной потрясая, опочивальню ко сну подготавливает, княжна будущая по сторонам осматривается. На стенах в покоях картины тканые, красками сочными радуют. Таких цветов на ярмарке

не всякий раз сыщешь, чаще нить бледно красят, чтоб поменьше затратить, да по больше заработать. Здесь картины яркие, явью с полотен сходят. Трава живая, под лучами солнышка играет, вода, прямо сейчас со стены на руки польется, а яблочки наливные, так в рот и просятся. На полу дощатом, до глади выскобленном, шкуры медвежьи лежат, приятно ноги босые мехом щекоча, да от стужи защищая. В углу сундук резной, петухами красными расписан, да грубой кожей по углам обит. А на сундуке, вот же диво дивное, зеркальце лежит, да не медное, в которое не видать ничего, а такое, о каком Слада только сказыв слышала. Ручка серебра черненного, гладь зеркальная в оправе камней самоцветных, да отражение такое, что кабы морщинки у Слады были, то и их разглядеть сумела бы. Подле зеркала пара гребней костяных, да ленты разные в шкатулке малахитовой с бусами намешаны.

Смотрит девушка богатства свои, да не нарадуется. Ах, как хороша она будет с бусами да в кафтане, соболями подбитом. А коли еще серьги височные приладить? Ох, и хороша девица выйдет! И в порыве щедрости безграничной, вынимает Услава из шкатулки ленту алую, да чернушке дарит. Сладе не жаль, у ней таких много теперь, а служба порадует, да отношение благое в сердце хранить станет. Матушка всегда учила добро людям делать, не за требой какой, а так просто, что б благодарности впрок копились. Слада мудрость ту запомнила, а коли высоко взлететь хочет, то пора и знания применить. Чернушка, в ножки поклонившись, ленту, аки сокровище какое, к груди прижимает, да по делам своим убегает. Услава же одна в покоях остается, думая, что уснуть не сможет, о странностях всех гадая, да не замечает, как Сон в царство свое уносит.

Стыдливо солнце в пору зимнюю, как красная девица в ночь первую. Прячется так, что к утру не дозваться, а только появится, тут же к закату клонит. День короток, так что и дел не сделаешь и вечер с лучиной коротать тоскливо, да холодно. Долги ночи зимние, да студены, от того и под овчинкой теплой жаться к телу другому приятней да радостней. От того и дети чаще к осени рождаются.

Вот и Слада к началу весны понимает, что не праздна она. И на сердце оттого не спокойно. Как же так, не женою, любовницей понесла, да и князь всего два разочка в светелку и заглядывал. Говорила ей матушка, что род их плодовит соседкам на зависть. У прабабки Услады по ветке материнской больше дюжины детишек было, так что она и не помнила, кого звать как. Не верила Слада, сказками то, считая, а вот гляди ж ты! Понесла! Четыре седмицы в тереме княжеском провести всего, а кровей как не бывало и тошнит от всего, даже от перепелок любимых. Перепела, как на грех, замасленные, да со шкуркой запалённой, боками жирными поблескивают, дурноту нагоняя. Слада от птиц отворачивается, воздух жадно глотая, да все одно в себе удержать ничего не может. За сим занятием ее Улеб и застаёт. Ему уж два дня как доложили, что девица его немощью мается, но за доктором звать не велит. Увидав любовницу в рубахе исподней, над горшком буйную голову свесившую, вон выходит, слуге велев повитуху позвать.

Повитуха — баба дородная, годов пятидесяти, ток на девку глянувши, враз сомненья разрешает. Для порядку живот Слады трогает, языком пощелкивая, что-то под нос бормочет.

— Ты, краса, гуляй больше, да спи чаще, глядишь, еда держаться станет. И коль от перепелок воротит, так вели не приносить, чего себя пытаешь? — Поклонившись князю, бабка вон удаляется, полами платья шерстяного пороги подметая. Но почти выйдя, разворачивается, наставления дать решив:

— Слов срамных не говори, да злобу в сердце не держи, не то лиходея родишь!

— Вы рады? — Слада в глаза Улебу заглядывает, напуганная, как кутенок, без матери оставшийся.

— Чего трясёшься? Князя под сердцем носишь, радуйся. — Страх женских не разделяет князь новгородский, оттого и раздражается недовольством любимой, что, дитя его под сердцем нося, радоваться тому не в силах. Словно семя его отвергнуть хочет.

Слада бы хотела радоваться, да счастье кривое выходит. Вроде дитя желанное, да только нагулянное. Ни хоровода свадебного, ни благословенья родительского получено не было, а ребенок уж прижит. О тех печалях девушка Улебу рассказывает, тот только хмыкает, беды не видя:

— Не горюй. Расскажу тебе, что б печаль унять, грусть твоя ребенку вредна. Как сойдут снега, по первым проталинам соберу дружинников да к Царьграду двинусь. Попрошу Константина — императора византийского, то, как князь по-нашему, окрестить меня в христиане, да отцом моим крестным стать. Ты о вере той слышала? — Слада лишь рот разевает, Улеба слушая, а тот знай себе бает: — Многие люди в землях заморских, верят, что бог лишь один, и все-то он создал: землю, воду, нас с тобой.

— То не правда, меня матушка родила, что ж она бог теперь? — Сладе вера такая юродивой кажется, неужто взаправду кто в глупости верит.

— Не нас, но прапрадедов наших. Ты не перечь, но слушай. И люди у Бога того, не то дети малые, да не смышленные, не то рабы, да прислужники, от того кресты на шеях таскают, что б грехи свои помнить, да прощенье за них вымаливать. Русь, что солнцу кланяется, для иноземца дика, да не ясна, потому, крещение пройдя, я желанней им в Киеве буду, паче Ольги, что Велесу жертвы приносит. Ты женой моей станешь, по законам их, рука об руку в церковь войдя. Так дите, что в чреве твоём, законным наследником в глазах князей заморских будет, надеждой и опорой, что род не прервется. От того не горюй, а жди. Быть тебе княгиней полновластной, в хоромаш терема киевского. Не указ тебе будет ни Ольга, ни сын ее, лишь меня слушать и придется. А пока не горюй, а о мальце, что судьбой уже в лоб целован, думай. — С тем покидает Улеб светелку Услады, оставив девушку, думы думать, о Киеве мечтать, да еще не округлый живот поглаживать.

Сколь зиме не ярится, да всегда весна приходит. Сначала капелью, да вечерами потеплевшими. Затем ветками вербными и ручейками журчащими. Ходит по лесу с подснежниками первыми, да солнышком теплым в окна заглядывает. Красит весна в краски яркие, то, что за зиму, казалось, выцвело. И девки в платья красивые рядятся, летам волосы заплетая. Но знает люд русский — коварна весна, как жена не верная, что платок красивый одев, на стол котелок пустой ставит. Голодно ныне, за зиму запасы съедены, а новые не скоро пополнятся. Оттого и жертва, Хорсу наудачу отданная, вдвойне ценится. Целого барана отдает богу Улеб, что б помог тот в деле не праведном. Только видно не купишь спасенья, у того кого предать собираешься.

До Царьграда путь не близок, по грязным проталинам, что только снег с себя скинули, меж деревьев листвы лишенных, от рассвета до заката воины шагают, больше верст за светодень покрыть стараясь. Дружинники, что Улебом в дорогу снаряжены, меж собой сетуют, князя юного виня в торопливости, да не сдержанности, разве не мог, окаянный, до конца капли обождать? Ныне же, с ногами промокшими, под уздцы коней тянут тропами нехоженными. Ни огня развести, ни ночлега поставить, все в сырости да слякоти. По погоде

такой в походе лишь беды ждать приходится, нехолера, так лихорадка завсегда цель найдет. Хорошо хоть не весь путь по тверди идти придется, у Смоленска решено половодья обождать, да по Днепру до Черного моря сплавится. А там и до грека недалече. Не близок путь в Византию, а куда идетя полями, да лесами, через земли кривичей, по лугам полочан, у всяк воина думы в голове рождаются, и не у каждого они добрые. Кто обиду на князя таит, кто за глупость затею его держат, а кто просто Ольге сердце отдал, посему никто и не примечает, как близ Полоцка из отряда ратники пропадают, в бега подавшись.

Весна, в права вступая, лед на реках колет, да зеленью яркой деревья рядит. Красив Смоленск весной, да в половодье людом богат. Там купцы с боярами у пристани криком заходятся, до пены у рта о поборах, да товарах не качественных споря. Меж ногами их, пройти мешая, снуют сиротки, милостыню выпрашивая. Женщины из домов веселья за сорванцами теми приглядывают, заодно бояр привечая. Рыбаки снасти чистят, да лодки смолят, к рыбалке готовясь, а между делом на девок продажных поглядывают, да желтозубые улыбки им дарят. И меж гама да шума портового, растворяется Улеб с дружиною, с многоликой толпой смешиваясь.

За корабль, что к Царьграду доставит, княжич двадцать золотней выплачивает. Судно то, с боками от паразитов мореными, девами резными украшено, краской красной нарядно выкрашено, да позолотой по борту расписано. Смотрит Улеб, и грезит, что корабль тот, самым Перуном ему в помощь послан. По волнам синим моря пенного, повезет "Крылатый" князя в жизнь новую, со всех сторон радостную.

По Днепру от Смоленска, через Киев да земли печенежские выплывает "Крылатый" в морю Черному. Смотрит Улеб в небо синее, на горизонте землю выжидая, коли скоростью такой и далее идти будут к началу лета к берегам греческим причалят.

Как задумано, так и сделано, первые грозы в пути встретив, у стен Царьграда корабль якорь бросает, Улеба со свитою на берега греческие выпуская.

Из тайных и скорей всего несуществующих дневников византийского императора Константина Багрянородного.

Руги* прибыли к стенам Царьграда с первыми жаркими днями лета. Страшный северный народ, с нечесаными головами и густыми бородами, отросшими за месяцы пути так, что и лиц не разобрать. Кричат громко, перебивая друг-друга зычными гласами, так что даже бывалых градских стражей озноб охватывает. Варвары. Не зря Рим боится им веру истинную нести, что медведям доказать можно, коли только силу стали, да острие меча признают они? Предводителем ругов выступает царевич, Игорем от полюбовницы нагулянный — Улеб Рюрикович. Говорит складно, будто грамотен, как цари европейские, да на сородичей своих не похож тем, что благородство в манерах имеет. От отца ему глаза черные, как крылья ночи бесовской, достались, а вот кожа, хоть ветрами морскими да солью выдублена, под солнцем не одну седмицу коптилась, а все одно светла, словно из терема молодец и не выбирался. Худощав. Брат его — Святослав, говорят, пошире будет, хоть и младшенький. Ростом Улеб высок, от чего худоба его еще ярче видится. На груди медальон родовой, право от имени ругов говорить позволяющий. С царевичем свита его, не богато одетая, по-походному. Как Испанский король отмечал, северянам небрежность в одежде свойственна. С лиц все суровы, да не приветливы, движенья скупы по военному, будто расплескать за зря силушку свою бояться. Говорят мало, все чаще кричат, кулаками пудовыми

потрясая, коли желаемое не получают. Подле Улеба девка отирается. Мила, тиха, бледна да полновата не в меру. Хотя и любят руги баб по дородней, но спутница Улеба не здоровьем пышна, а толста болезнью. Наблюдатели донесли, что брюхата женщина, оттого и глядится столь неприглядно.

Царевич разговор свой начинает с просьбы, о которой поразмыслить стоит. Просит помощи в высылке брата своего Святослава из Киева, да отстранения Ольги — архонта земель русских, от дел княжества. Взамен предлагает веру единую принять, да посеять зерна ее по всей Руси. За то, конечно, Папа* похвалит, да только стоит ли его похвала дел тех, что сделать предстоит?

Ольга давно, говорить не желая, влияние Византии на Русь слабит. Сын ее о войнах грезит, как окрепнет с мечом к нам придет. А желанье престола византийского союз брачный с Русью закрепить, отвергла Ольга, хоть и мягко, как у правителей принято, но все одно досадно. Роман, сынок взбалмошный, то, конечно, возрадовался, тому, что жена старая из племени варварского его стороной обошла, нашел себе бабу продажную, да супругой сделать желает. Тьфу! Эх, коли окрестить Улеба, да с девкой брюхатой его обвенчать, Рим доволен будет — князь на Руси христианин, да еще и при наследнике. Гляди, Византия договоры давние укрепить сможет, да поддержкой заручится. Опять же, царевич молодой мнение грека слушать станет, а уж мы ему с теплотой отеческой в делах поможем, так как нам нужно будет. Но поддержку оказать? У Ольги армия многотысячная, а Византия лишь сотню-другую дать и может, что бы себя благоденствиями не ослабить. Хотя коли обещаний раздать, да от Рима поддержки просить? Может и выйдет толк!

Не нравится Улебу император византийский — Константин. В глаза вроде смотрит, улыбается, а как глянешь искоса, все нос не довольно морщит. Толи от дум своих, толь от безразличности, что посему видно к вновь прибывшим испытывает.

— Негоже то, сыну не законному на власть надежду иметь, — говорит, наконец, Багрянородный. — Боюсь, не одобрит Рим деяний таких, а коли ты веру в Бога единого примешь, законам церкви подчиняться придется.

— Не сыну жены четвертой о законах рода судить. — Улеб стенания императора обрывает. — Тебе подумать надобно, а нам с дороги продохнуть. Утром о делах говорить будем, ныне почтем за честь отобедать за твоим столом, да прилечь в палатах дворцовых.

Слова княжича хоть грубы, да почтения лишены, но суть их ясна. Улеб ясно понять дает, что происхождение Константина со всеми подробностями постыдными известно ему и коли придется, будет князь новгородский царю византийскому напоминать об этом в моменты самые не подходящие. В споры бесполезные не вступая, Константин слугам указ дает, гостей на ночлег расположить, да столы приготовить. Сам же, в зал тронный отправляется, где поглаживая золоченные спинки кресел царских думает, что коли бы матушка его — Зоя, не стала царю любовницей, тогда когда он уж трех жен, церковью благословленных, имел, а по раньше, глядишь супругой бы ему стала не только лишь на словах, но и в глазах всего мира цивилизованного. Тогда бы и он — Константин стал ребенком законным, а не признанным милостью отцовской. Хотя поклон царю старому, так как коли б не нарек Лев сына своего Багрянородным, что значит рожденный в зале багряном, где лишь императрицы рожали, то каждый варвар усомниться бы мог, достоин ли Константин трона этого с подлокотниками золоченными.

Но стоит ли грустить по событиям дней минувших, коли ныне перемены такие грядут.

Сам княжич русский в дворец императорский пожаловал, помощи прося, а значит не о прошлом горьком думать надо, а о будущем, что светом в жизни его стать может.

За столом император все больше отмалчивается, изредка о пути и трудностях в дороге спрашивая. Посему видно, думает, как бы Улеба обмануть, свое взяв, лишнего не дать. Сам же княжич о том же мыслит. Как поддержкой заручится, да в зависимость не попасть. Так и расходятся с головами тяжелыми, да мыслями разными.

В покоях Улеба Слада дожидается, лицом побелевшая, дорогой утомленная. Лишь бы путь назад осилила, на сносях уж будет, когда в Новгород вернутся, да не разродилась бы раньше времени.

— Маотно мне. — Княжич признается. — Помыслы императора, как день ясный, издалека видать. Надежду имеет, что молод да глуп я, а, значит, обмануть труда не составит. Ты, Сладушка, походи, послушай, о чем кумушки местные сплетничают, да служки по углам треплются, глядишь толковое чего услышишь.

Кто как не жена опора мужская, ведь коли тылы крепки да надежны, то и в бой идти не так боязно. Старики говорят, что место женское на два шага позади мужа, да только молодцы не верно слова те толкуют. Не оттого жена за спиной стоит, что мужик важнее, а затем, что б когда падать любимый станет, подхватить его успеть. Слада истину эту хорошо разумела и, хоть от рожденья всегда глуповата была, мудрость бабью с молоком матери впитала. И покуда муж ее названный поживает сном беспокойным, Слада, бессонницей маясь, по дворцу царскому гулять отправляется, нос любопытный в каждую дверь засовывая. Кто бы спросил, зачем делает она это, не смогла бы ответить женщина, но с упорством ослицы, морковь увидавшей, дело свое продолжает.

Поутру в покои Улеба, раньше солнца ясного, чернушка заглядывает, лет осемнадцати, с лицом оспинами покрытым. Низко голову склоняя, дабы глазами не встретиться, просит князя новгородского в сад выйти, где его Константин с духовником своим ожидает.

Святой отец — тяжеловесный да бородатый, на Улеба остратки навести пытается, да кишка тонка русский дух стращать. Больно глупо голова плюгавая, на фоне бороды густой и длинной глядится. О мыслях своих не почтенных княжич умалчивает, священнику кланяясь, раз уж прибыл веру принимать, негоже перед духовником ерепениться.

Константин утром этим словоохотлив, да улыбчив, сразу видать придумал, где просьбу Улеба обойти, выгоду получив, ничего на кон не поставить.

— Добре, гость почтенный, сладок ли сон был? Мягка ли перина? — Вроде заботу император проявляет, а все одно нет доверия ему.

— Мир дому твоему хлебосольному, сон был сладок, перина мягка. Прости невежество, да любопытство мое, о чем утром сим ранним поговорить желаешь? — Константин морщится, спешки Улеба не разделяя, но разговор о деле начинает:

— Отец Феофан знакомство с тобой свести желал, торопиться на заутреннюю успеть. — Священник головой кивает, слова императора подтверждая, да бороду окладистую поглаживает. Улеб к разговорам ранним после дороги давешней не расположен. Ему бы на завалинке бока по отлежать, да квасу хлебного чарку глотнуть, а не студеной воздух, что поутру от моря соленого тянется, в компании фетюков* вдыхать.

Коли есть в мире вещи такие, что слыша не слушать можно, то речь священника византийского к ним отнести надобно. Как ручеек, что по весне меж льдинок тающих

пробиться силится, журчит переливами, так голос отца Феофана монотонностью баюкает. Занудна, да заунывна речь церковного служителя, для чтения псалмов предназначенная. Как только не силится Улеб суть излияний поймать, да впусте все. Вроде о деле святой отец речь ведет, да все словами диковинными, уху княжескому не привычными.

Так истину не уразумев, князь новгородский отцу Феофану персты лобызает, да с душою чистой прощается.

— Внемлешь ли словам моим, что по пути праведному к Богу единому ведут? — На прощанье священник спрашивает.

— Внемлю, отче. — Не то Улебу ответить охота, дабы камлания те прекратить, да только нельзя человеку святому, да посему видать блаженному, на пустом месте грубить. — Все сделаю, как сказано. И исповедь, и пост, и молитву. — На том слова диковинные, что в памяти княжича отложились, кончаются, потому за благо решено Улебом умолкнуть, вроде как почтение к отцу Феофану выказывая.

Опосля беседы с церковником, Константин князя новгородского позавтракать на верандах приглашает, да дела уже земные обсудить.

— К Ольге, матери твоей названной, хоть почтение испытываю, а правоту твою не признать не могу. — Отправляя в рот виноград сушёный, император византийский разговор заводит. — Где это видано, что б ребенок старший со стола мачехи объедки собирал? Дам кораблей тебе, что по морю быстрее руговских ходят, да людей, которые править ими обучены. Злата дам полновесного, дабы воинов в наем купить мог. Из болгар бери, они ваш род не любят, за тебя, как за свою правду сражаться станут. А я пока голубей разошлю, там, глядишь, к войне твоей весь мир христианский присоединится, как только стрелу первуюпустишь. — Константин обещаниями сыпет, о том, что пока исход восстания не ясен будет, войны византийские с места не двинуться, умалчивая. — Взамен прошу миссионеров моих привечать, да десятину с дохода земель киевских в казну Византии пять лет уплачивать, дабы покрыть расходы, что за войну твою понесем.

Условия те, что царь византийский князю новгородскому выдвинул, не плохи, конечно, но знает Улеб, что в деле любом, цена завсегда поначалу выше вдвое. До обеда торгуясь, кулаками по столу стуча, да черта все поминая, спорят мужи венценосные, для себя выгоды ища. Но за трапезой дневной, к согласию приходят. Оттого расстаются друг другом довольные, веря, что каждый свое с требовал.

В светелке Улеба Слада дожидается, на сундук дорожный присев, живот огромный гладит, тихонько песню колыбельную дитю не рожденному напевая. Казалось бы, как любить можно того, кого и в руках ни разу не держала, но знание, что кусочки душ ее и человека любимого в одном создание слились, сердце нежностью переполняет. Увидав супруга своего, покамест не законного, Слада суетливо встать пытается, что б как должно жене покорной, мужа стоя встретить, но сил не рассчитав, с ног отсиженных валиться, кряхтя, да руками опоры ища, назад падает. Княжич, женщину жестом останавливает, покуда та вновь подняться не решилась, да рядом присаживаясь, руку ей на плечо кладет.

— Солнца доброго, княже. Целый день тебя дожидаюсь, вести рассказать желая. Как просил ты, пообщалась я с кумушками, да кое-чего для тебя разузнала. Говорят, зело зол император византийский на мачеху твою. — Не желает Слада в разговорах Ольгу княгиней называть, так как, рассказням Улеба уверовав, лишь себя таковой считает. — Хотел он ее за сына своего просватать, да только отказала Ольга. Роман же, царевич то бишь, с девкой блудливой, что в таверне отцовской мужикам за серебрушку тело отдает, связался, да

жениться на ней хочет, императрицей следующей сделать. Константин от того еще пуще серчает, да в бедах этих Ольгу винит. — Слада сплетню рассказывает, самодовольно голову задирая, что бы видел муж ее названный, какая молодец любимая его, за один денечек всего, разузнала по более, чем доносчики княжича за пол года выведать смогли.

Улеб, вестями доволен остается, Сладу по животу погладив, в лоб целует, отдыхать отправляя. Сам же весь вечер и ночи половину гадаёт, как знания новые применить, чтоб для себя пользу выгадать.

Подслушано из воспоминаний Люта о церемонии крещения Князя Новгородского — Улеба Рюриковича.

Жарок день, что на крещенье Улеба выпадает. Тело в мареве зноя вязнет, словно в покрывале из пуха овечьего. На три локтя от солнца слепящего не видать ни зги, а коли вглядываться, то глаза слезами наливаются. Церковь, где на шею княжича крест взденут, на горе расположилась, издали куполами, золотом умащенными, поблескивая. Подъем, крутой да извилистый, в жару такую с трудом дается. Пыль, что из под ног в сапогах кожаных выбивается, за шиворот оседает, с потом мешаясь. Оттого, еще версты не пройдя, чешешься, ногтями до крови плоть раздирая. От воздуха, что солью морской пропитан, да влагой прибрежной раздут, дыханье спирает, грудину сдавливая.

Долог путь, но, благо, что конец все ж имеет. Тяжело дыша, да от пыли горной, что на зубах скрипит, отплеываясь, прибываем мы к храму господнему. Высокие стены, белены начисто, с окнами, что бойницы на стенах градских. Купола, крестами вверх уходящие, ярче солнца летнего в небе отблескивают. Улеб, величия того не замечая, к уху моему склоняется, спрашивая:

— Одно не ясно мне, друже, как отец Феофан пузо свое растит, коли каждый день по ступеням тем в гору карабкается? Али есть другая дорога, местечковая, а не для гостей из-за моря прибывших?

Весь княжич в словах тех, уж судьба его решается, а ему бы все потешаться. За день до крещения, князь пропадал куда-то, как Слада сказала, в леса ходил, у Велеса прощенья искать. Да только услышит ли отец леса из-за моря просьбы? Али деревья все донесут, шурша листвою своею, одним им понятную песню. Ох, не будет блага от затеи этой, негоже богов гневить.

В храме Единого холод стоит, как в подвалах наших, где мясо бабы студят, что б сохранить по дольше. После солнца яркого, свет, что от лампад жиром залитых да свечей тонких идет, тьмой непроглядной кажется. И мутит разум, что от жары отойти не успев, тут же в холоде меж благовоний оказывается. Потолки расписные ввысь устремляются, нависая над головами глыбами многовесными, давят на душу, так, что букашкой никчемной в царстве божьем себя ощущаешь. Запах трав сладковонных голову дурманят, и хочется либо бежать отсюда в леса родные, либо впитаться в стены эти, в величии храма растворяясь, частью него стать.

Дети мал-мала, как ратники перед боем, рядами ровными строясь, песнь заунывную тянут, да так, что хоть слов не понять, а выть, как бирюк в год голодный тянет, пения те слушая. Толи дело на землях наших, когда песнь богам затягивают, в высь лететь вслед за словами охота, здесь же, коли меч при себе оставить разрешили, порубил бы всех, лишь бы умолкли.

Улеба пред крестом на колени ставят, да над головой травами дурманными машут. Княжич нос морщит, посему видать, не чихнуть старается. Священник, с книгой, в ладони уместившейся, молитвы читает, голосом, что от стен церковных отражаясь, тела людские в дрожь кидает. Ни словечка не разобрать, но отчего-то смысл великий в завывании монотонном видится. Речь прерывая, святой отец, крестом княжича осеняет, водой оmyвает, да вина с хлебом дает. Крови господней могли бы и по более дать, после пережитого не мешало бы голову больную замутить немного. Улеб послушно дары принимает, руки священника дающего целуя, опять на колени падает, крест на шее своей завязать позволяя. Кусок дерева на шнурке кожаном, а обрядов около него бесcчётно. У нас детям обереги при рождении на шею вешают, без песен странных да подъемов на гору в жару немыслимую. Только жертву Велесу дать и надо, что б рождению чадца вместе с родичами порадовался, да ребенка своего признал. Да Берегине подношение, что б приглядела за дитятей, покуда не окрепнет. Здесь же на колени ставят, руки целовать, заставляя, негоже то человеку свободному кому-то в ноги падать. Не любо Люту в храме Единого, но дело сделано, и быть Улебу Игоревичу с момента сего, не сыном княжеским, а рабом божьим.

(*Руги — ругами некоторые иноземцы называли народы Руси. — прим. автора).

(*Здесь имеется ввиду Папа Римский — прим.)

(*Фетюк — ругательство в адрес мужчины. — Прим. автора)

Глава 15. Киев. Ольга. О замыслах и помыслах

Скомороший наряд мужика, что пред очами Княгини Великой уж с обедни кочевряжится, немощным да уставшим с дороги прикидываясь, порядком примелькался. И как рожи их различают, коли ряжены в рубахи цветные, да головы в бубенцах и лентах. За всем разноцветьем сим, лица и не приметить. Как не силится Ольга скомороха разглядеть, а впусе все. Потому и доносчики из них знатные, вроде и видать издалече, а все одно не упомнишь.

— Ты по делу говорить будешь? Али помощников звать, что слову русскому щипцами калеными обучают? — Надоедает княгине бормотанья слушать, о том, что от голода да усталости язык у мужика отнялся.

— К чему то, матушка? Покорми, обогрей, я и сам расскажу все. А ты мне полушку за то дашь, я пряничков куплю. — Скоморох, голову по птичьи склоняя, в глаза Ольге заглядывает.

— Серебряник дам, коли баламошить* прекратишь, да по делу скажешь. А коль говорить не желаешь, вон пойди, пока голова на плечах держится.

— Серебрушка, то хорошо, за ней не ток пряник дадут, — бубенцами скоморох потряхивает, в носу пальцем мечтательно ковыряясь. — Мне Рунька, что сын Главы нашего, с доносом велел к тебе скакать. Трех коней сменил, ноги в кровь стер покуда добрался... Так о чем я? А! — Обломками ногтей, пятку грязную почесывая, мужик продолжает: — Сын твой, тот, что старший, да не признанный, в поход двинулся. Снарядил с собой всех приближенных, да так к греку и отправился. Да не с войной, но просьбой. О том, что Улеб от византийцев хочет, по-разному судачат, только истину хорошо упрятали. Да всего не утаить. Дитка — малец наш, что к стряпухам помощником бегаёт, услышал, как Лют с князем спорили, да Бога Единого поминали. Хотят они не только Новгородом, но и Киевом владети, от того и ищут помощи в странах заморских.

От новостей тех Ольге дурно становиться, неужто сын названный предательство готовит. Скомороха отослав, Свенельда зовет.

Воевода старый, ногами шаркает, но спину прямо держит, на меч опираясь. Как гора, что под тяжестью лет не прогнется, да ветрам не преклонится.

— Скажи мне, друг старинный, как давно сына своего Люта проводывал. Есть ли известия о службе его в дружине Улеба?

— Вестимо, как в Новгород отправился, так ни слуха, ни духа. Не тяни душу, Олюшка, говори, что с сыном моим взбалмошным. Неужто смерть сыскал на чужбинушке?

— Полно те слезы лить раньше времени, жив сын твой, не о том речь вести собираюсь. — Княгиня, с лавки поднявшись, по горнице расхаживает, подолом платья полы подметая, да кольцами височными брякая. Уж сколько лет ей, а хороша, как молодка. Волосы рыжие бусинами деревянными постукивают, глаза зеленые из под ресниц угольных блестят, щеки румянцем залиты, да губы алые, как листья кустов роз, что вдоль стен Царьграда растут. — Донесли мне вести печальные, о том, как сын мой названный с дружиной да Лютом твоим в Византию путь держат. С целью неясной, да помыслами не чистыми. Оттого и знать хочу, правда ли то, о чем на ухо шепчут?

— Есть ли вера шептунам твоим? — Свенельд без спросу на лавку приседает, возрастом

почтенным пользуясь.

— Допрежь не ввали.

— Надо бы письмо Константину отправить, да просить планы княжича выдать. Коль ерепениться станет, войной грозить. Ежели не с нами, значит, супротив. — Воевода прерываясь, бороду почесывает, о чем-то думая. — Что о сыне моем скажешь, Ольга? Как предателя под меч отправишь, коли подтвердятся слова шептуна твоего?

— Не чего ему бояться, коли заговоров не чинит. Не майся сердцем, покуда не известно, чем сын мой с твоим занимаются.

— А Улеба? Без ведома его да позволения не станет Лют супротив воли твоей идти. — Свое гнет воевода старый, слов Ольги не слыша. — Он в служение княжичу отдан был, оттого и приказы его исполняет.

— Пощады для сына просишь? — Ольга зло к воеводе поворачивается. — Он приглядывать за Улебом ставлен был, да о затеях глупых мне докладывать, а не приказы бездумные юнца горячего выполнять. Почему не донес? Не отговорил? Поперед моих интересов интересы княжича ставит? Разве то не предательство? — Как пламя Перуна княгиня вспыхивает. В угрозах мужчине старому, свою боль выплескивая. Ведь даже в сне страшном не могла Ольга представить, что меж предателем венца княжеского и сыном ее различий не будет. — А коли дело до казни дойдет, то никто ее не избежит. Не твоя кровь, ни моя! — Со словами последними Ольга прочь Свенельда прогоняет, что б в тишине обдумать, как дальше жить, с грузом на сердце не подъемным.

Отрывок из письма Ольги Константину Багрянородному.

"... Дошли до ушей моих известия, что сердце тревожат. Не по умыслу злому, а по неведению, пригрел в тереме своем ты предателей, что против меня зло мыслят. В овечью шкуру сына княжеского, обряжен волк, который стаю свою под удар ставя, хозяином леса стать жаждет. Да будет тебе ведомо, что меж березок тонких и дубов вековых, в буреломах и на опушках лесов наших, нет никого, кто силой своей с медведем тягаться станет. Лишь глупый кутенок, волком матерым себя мнящий, осмелиться твякать на батьку бурого.

Не стоит в леса наши ходить по грибы да ягоды тем, кто дорог всех не ведает, да щенков не разумных подкармливать, ибо зол и не обуздан медведь, в берлоге потревоженный...."

Гонца в Царьград отправив, велит Ольга дружину снаряжать, да в Новгород выдвинуться. А вместе с ними людей поверенных, что тайны о сыне названном выведают. Коль правду сказал скоморох, да все подтвердится, велено ратникам Улеба силой в Киев везти.

Вестей дожидаясь, томится княгиня в светелке своей, терема не покидая. Уж со всех концов княжества огромного гонцы собрались, галдят, да Ольгу требуют. Та же у окон, ставнями прикрытыми, сидит, ругань их слушает, но не выходит. Нет желания дела делать, да думы думать, покуда сердце за сына не спокойно, да душа, из груди вынутая, поодаль где-то мечется, правду о ребенке любимом признавать нехотя. Святослав, от дел навалившихся обезумев, мать в чувства привести пытается. Каждый день в светелку ее заглядывает, с просьбой подсказку дать, как интересы княжества сохранить, под других не прогнувшись. Ольга ответов не дает, лишь отворачивается, видеть никого не желая. А тут, как на зло, со всех волостейобытребы приходят. Где хлеб погиб, где волки лютуют, под Псковом вновь

разбойники объявились, а близ Перемышля, где хорват избы строит, бунты вспыхивают, которые коль не успокоить пока не поздно, и до Киева доберутся. Уж когда Святослав в отчаянье в поход военный удрать собирается, вести долгожданные, из Новгорода приходят. Казалось, и ждали всего три седмицы, а облегчение сердцу, будто годину тишь стояла. Но нет в вестях тех ни радости, ни успокоение сердцу Ольгиному. Чернушка, что в тереме новгородском Улебу прислуживала, рассказала, как беспокойством маясь, полюбовница княжеская, которая сына ему под сердцем носит, сетовала на судьбу горькую, что выбор предоставила меж богами истинными и любовью Улеба. Позабыв, где спутнице князя язык держать должно, рассказала Улада прислуге своей, что по законам европейским в храме Единого князь новгородский венчаться с ней желает. И будто мало слов чернушки, еще и ратник молодой сыскался, который слышал, как за чаркой меда воевода Лют с князем Улебом диалог вели в пол голоса. Тот солдат любопытен оказался не в меру, вот подслушать и решился, а как смекнул о чем речь ведут, за благо посчитал сбежать, покуда не все услышал. Всего-то и услышал вояка предложение одно, но и того хватило, что б понять — заговор против Киева побратимы готовят.

Тяжело на душе у матери, что в бесчестье сына убеждают. Хоть бы рядом был тот мальчик маленький, что за юбку держась, ходить учился. Успокоилась бы женщина в объятьях рук сыновних, что за шею хватаясь, с любовью крепче прижимаются. Вырос мальчик, богатырем статным не став, умом живым отличается, да только не во благо семьи своей, а лишь в угоду желаньям собственным голова его служит. Ему бы в Киев вернуться, да сомненьями, что душу терзают, выход дать, а не исподволь, со спины грязью кидаться.

На пол Ольга падает, за грудь хватаясь, блазнится* княгине конец ее близится. Не выдержало сердце женское, тоски непомерной. Когтистой рукой Сумерла* горло сжимает, легкую смерть даровать не собираясь. Кровь, что толчками в виски стучится, теплой рудой сквозь уши выйти пытается. Взглядом от боли мутным Ольга Морену встречает, что с равнодушием деланным над княгиней стоит, помочь не спеша.

— Что блажишь, аки гузыня деревенская? Не подохнешь сегодня, лишь помучаешься. В муке мысли верные приходят, да решенья праведные, от тех, что ранее приняты были отличные. — Ведьма на корточки приседает, руку холодную ко лбу княгини прикладывая, разум от боли очищает. — Думай, Ольга, на что сына своего обрести хочешь. Кровь не твоя, то верно, да только пусть тебе голову не застит то, что не ты, а девка древлянская Игорю Улеба рожала. Не уйдет боль, коршуном сердце терзать станет, вороном плоть выклюет, для себя смерти просить станешь, да только нет проклятым дороги в мир, где Озем правит.

Сказав слово свое, Морена исчезает, на смену ей уже рабыня бежит, на ходу причитая. На крики чернушки, весь терем сбегается, галдят, хлопчут, снуют бестолково, помощи не давая, лишь раздражение вызывают.

Пеленают княгиню руки холуйские, в рубаху просторную снарядив, в покои отряжают. Лежит Ольга, в овчину кутаясь, запах дождя, что уж третий день близится, ноздрями уловить пытаюсь. Туманит ныне. Воздух промозглый камень терема студит, светелку охлаждая, да за ноги босые ухватить пытается. Помнятся Ольге дни те, когда кровь в жилах кипятком бурлила, мерзнуть не давая, давно ли было то? Недавно. А ныне уж пятый десяток к заре своей катится, и хоть с лица все еще молодуха, а сердце прогнило. И гниль та, по венам стекая, кровь отравляет, да тело хворью ломает. Где та девица, что у костра плясала? Вымерла, выстыла зимою вечною, сгорела дочерна. И тоска смертная, собакой бешеной в горло вгрызается. Права Морена, забыла Ольга, что не ей судьбы вершить, за то и страдает.

Только можно ль простить, то, что не прощается? Можно ль забыть, то, что не забудется? Сплавится ль все, предательство Улеба? Али выест душу червем сомненья? Забывается княгиня сном не спокойным, и в забытье сердце терзающим.

Поутру в светелку княгини киевской ранее, чем солнце сквозь марь туманную пробиться сумело, является сын ее кровный — князь Святослав.

— Добре ли утро, матушка? — Глаза красные потирая, княжич к Ольге голову склоняет, благость материнскую принять желая.

— Добре, покуда ты рядом. — Княгиня сына в лоб целует. — Об Улебе беседовать хочешь?

— О нем. — Святослав кивает.

— Не спал ночь эту? Глаза как у зайца, что по зиме пойман. — Ольга с нежностью руку княжича поглаживает. Не хочется ей разговор начинать, итог которого и без начала ясен.

— Не спал. Надежды тешил, что смекнет Улеб о том, что открылось нам, да схоронится на просторах Царьграда. Нет силы моей, решение правильное принять. Не дает сердце братское, мечу подняться.

— Нет хуже дела, чем совесть свою, за счет других чистить. Не думай, что решения избежать выйдет. Коль трусость явишь, навек холуем останешься. — Злится Ольга, что сын слабость кажет, уйти от ответа пытаюсь. — Ошибка то Улеба, но плату все вносить станем. Одно прошу, жизнь его сохрани. Земель лиши, наследников, сошли куда, да лишь бы жив был. Не видеть, но знать, что дышит где-то, рассвет встречает, да по земле ходит.

Не отвечает Святослав, лишь в пояс кланяется, мать одну оставляя.

Рассеялись туманы, и солнце вновь теплом одаривает, последние дни перед холодами осенними погреть желая. Дневное светило сильней все кочегарит, после дней промозглых тела людские теплом одаривая. И в день этот ясный, словно судьбы насмешкой, привозят Улеба сына Игоря, без почестей, поклонов, да дружины до полста перебитой. С руками связанными, да в рубахе исподней, не как дитя княжеское, а как убийца страшного. У ворот терема княжеского встречает Улеба брат его Святослав Игоревич, что кровью одной повязан с ним на века. С лица младший братец суров, да глазами далек, так что и не прочесть в очах тех, ни дум, ни мыслей.

— Здравья тебе, братец. — Издали Улеб Святослава приветствует.

— Твоими словами лишь беды кликать. — Не отвечает приветствием брат, лишь губы сильней поджимая. — Ты почто, как пес брехливый, супротив семьи, что тебя пасынка вырастила, лаешь? Как посмел, с врагами в заговор вступить, смерти нашей с матерью ища?

— Кому пасынок, кому сын кровный. Один отец у нас, тот, что князем был, а мы дети его, негоже словами паскудными кровь первородную звать, когда сам, младшим братом поперед старшего лезешь. Так ты ответа до сих пор ждешь, али можно желанье последние сказывать?

— Говори, коль оправдать себя не желаешь. Мать просила жизнь твою сохранить, да видно ты не дорожишь ею, коли под меч торопишься.

Может Улеб сказать, что жить хочется так как никогда допреж, да только знает он милости те, какими княгиня одаривает. Всех, кто дорог ему, как овец вырежут, сторонников лишая. Медальон княжеский с груди сорвут, да на высылки отправят. Ежели бы не Слада, что сына его под сердцем носит, согласился бы отшельником стать. Там глядишь, окреп бы, да наново жизнь начал, без сует княжеских, а, коли свезло бы, может вновь справедливости

искать стал. Ныне же, верить надо, что не оплошает Лют, да жену его и дитя не рожденное уберечь сможет.

— Сына Свенельда пощади. Не виновен Лют в ошибках моих. Уговорами да угрозами идти за собой заставлял. Мне-то все одно будет жить он, али нет, да старика воеводу, что грамоте меня бестолкового вразумлял, жаль. Коли сына — опору последнюю потеряет, в конец старости тело и разум отдаст.

— За друга просишь? А за девку свою брюхатую даже слова не скажешь? — Святослав кивает, с желаньем соглашаясь.

— А не впусте просьба та будет? До седьмого колена предательский корень рубят, что б отрошков не осталось, неужто наследника крови дурной в живых оставишь? — Усмехается Улеб, в тайне веря, что далече нынче Слада, Бог даст не достанут. — Коли не ты, а холоп какой братом мне был и того бы приговорили, но нет, я кровь дурная, а ты, хоть и плотью един со мной, все одно чист останешься. — И за улыбкой призрения полной, прячет Улеб страх свой, что роду Рюриковичей не пристал. Молится княжич приговоренный и Единому, который бросил в начале пути, и богам, которые с детства его сберегали. Да не о легкой смерти аль души спасенья, а о той, что в сердце не запав, животом дорога стала.

Померк свет для Улеба ранее конца молитвы длинной. Лишь стоит посередь двора брат его Святослав с мечом окровавленным. Не желая брата ожиданием казни мучить, даровал князь ему смерть внезапную, тем и легкую.

Крик птицы раненой над околицей разносится, то в горе своем княгиня бьется, вместе с сыном своим названным душой умирая.

(*Баламошить — балагурить, ералашить, приводить в беспорядок, дурить. Баламошка — слабоумный, дурачок, который делает все зря. — прим. автора)

(*Блазнится — в данном случае — кажется.

(*Сумерла — богиня подземного царства, жена бога Озема — прим. автора)

Глава 16. Слада. О выборах и выборе

Тот день Слада будет помнить, даже на смертном одре с внуками прощаясь. Лето уж к закату клонилось, море холодным стало, да по ночам сквозь ставни ветер студёный пробирался, когда в покои, где беременной отдыхать полагалось, вбежал Лют. Толком не объяснившись, велел вещи собрать, да поспешать, иначе корабль без них уйдет. Слада, на сколько живот позволял, суетно от сундука к сундуку бегала, покуда сын воеводы, под белы рученьки ее из светелки не вытолкал, даже дары греков забрать не дав. И покуда соображала женщина, как Люта умаслить, что бы хоть за жемчугом вернуться позволил, завел мужчина ее в коридоры гулкие, да темные, таща за руку с силой такой, что бежать приходилось. Торопливо ноги перемежая, поспешала Слада вслед за Лютом об стены холодные цепляясь. И казалось, что стонут они под пальцами, ночному ветру вторя в его заунывной песни. От бега быстрого, что после ленного существования во дворце имперском испытанием тяжелым оказался, к причалу Слада прибежала взмокшей, красной, да пыхтя, как барсук в период игр брачных.

Улеба женщина издали увидала, суровым правителем расхаживал он меж грозных махин кораблей деревянных, крича на матросов, да пинками подгоняя чернушек, которые, под ногами мельтеша, грузили походный скарб на корабль. Слада, было, бросилась к нареченному, узнать, что случилось, да почему они впопыхах таких Царьград покидают, который казалось бы добрым приютом и оплотом надежным им стал. Но княжич лишь гаркнул, что не сейчас, да велел Люту ее в покои корабельные отрядить. Не успела Слада глазом моргнуть, как в каюте оказалось, одна да запертая. А через миг, корабль от берега отчалил, тяжело из порта выруливая, на бок кренился, тошноту вызывая. Посему ясно было, что бегут они в спешки, иначе отчего прилива не дождавшись, да на отмель пузом сесть рискуя, уплывают темной ночью.

До самого утра Слада глаз сомкнуть не может, расхаживая по каюте в пять локтей шириной, живот наглаживает, дитя испуганно к сердцу матери льнувшее, успокаивает. Лишь после того, как от гавани отходят, в море открытое направляясь, к ней в каморку корабельную Улеб является. Весь вид мужа нареченного, вещает об усталости смертной, потому любопытство превозмогая, вместо того, что б вопросы рядить, девушка княжичу раздеться помогает, да омыться с кувшина водой стылой. Лишь опосля того, как Улеб в меру чистый, да голод сухим караваем утоливший, на лавку ложится, Слада на расспросы решается.

— Почему как тати, в ночи, с хозяевами гостеприимными не попрощавшись, бежим? Неужто опасность какая в коридорах дворцовых спряталась?

— Предали нас Слада. Плохи дела наши, даст Бог корабль причалит ранее, чем нас перехватят. Коли в море поймут, худо будет, а коль на земле, то держись ближе Люта. Он помочь обещался. — Улеб, живот Слады любовно поглаживая, дальше вещает: — У бога Единого сын есть, которого его же сподвижник за тридцать три серебряника предал. То по меркам христианским грех лютый. А меня и того паче, гнева Единого не убоюсь, дешевле продали. Матушка с царем Византийским за голову мою сторговалась. Уж чем страшила княгиня царя греческого не известно мне, да только весть доносчики принесли, что коль не

уйдем ночью этой, утро в казематах встретим. Ныне ищут нас в двух концах, да видит Перун, не найдут. Ты главное сына береги. В нем кровь от крови моей течет, я плоть от плоти отца своего. Рюриковичи мы. Не угаснет мой род, коли ты дитя сохранить сможешь. Лют спрячет вас, да дружину соберет. Найдутся те, кто сына моего в Киеве видеть возжелают. Главное помни, коли поймают тебя стражи Ольги, обезглавят, даже дитя родить не дав.

Долго еще князь Новгородский о роде своем речи ведет, но от усталости сомлев, все же сном тревожным забывается. Слада думам тяжелым предаваясь, сидит, мужа по кудрям черным поглаживая, песню колыбельную поет, что б и себя и его успокоить голосом чистым. Знала бы девушка, что разговор сей последним будет, глядишь и сказала б чего. К примеру, что любит она мужа своего не законного, да всю жизнь до старости о нем одном плакать станет, внукам своим о величии деда их сказки сказывая. Но ни ведомо никому судьба грядущая, ни та, что в скорости настанет, ни та, которую ждать век придется.

Средь ночи черной корабль, до берега немного не дошедший, на абордаж берут, кошками за борта цепляясь, лезут вояки княгини, на палубу "Крылатого". От криков жутких, да брани отборной Слада просыпается, спросонок понять, что случилось, силясь. Да только кумекать ей не дают. Сквозь лязг металлический, да звуки боя жаркого, крик Люта прорывается, в покой вбежавшего.

— Бегом подымайся. Плавать умеешь? — Глазами шалыми по сторонам шаря, ножик маленький, которым девушка яблочки чистила, мужчина хватает.

— Да я ж на сносях, куда плавать то? — Хлопает девушка ресницами, опасности не вразумляя.

Лют ответить не успевает, как в каюту, кровавый след оставляя, голова чернушки, что Сладе прислуживала, от тела отделенная вкатывается. Не кричит девушка, ужасом скованная, но миг спустя решается, Люта за руку хватая, вперед него бежит.

Воды морские на миг захлестывают, дух вышибая, но все ж отпускают бабу тяжелую. Рядом Лют выныривает, да, руку Слады на шею свою вскинув, в сторону берега скалистого грести начинает. Девушка в растерянности головой вертит по тьме ночной, огнем рассеченной, мужа отыскать надеясь. Но впусте все. Вода соленая по щекам течет, со слезами перемежаясь, понимает Слада, что бегут они бесславно, княжича на произвол судьбы бросая. Коли не дитя во чреве, воротилась бы девушка, что б подле мужа смерть свою встретить. Рука об руку, как дедами завещано в царство Озема вместе спуститься. Но душа не повинная, что к сердечку материнскому в страхе жметя, на позорное бегство подстегивает.

Спроси кто Усладу, как до берега они с Лютом добрались, не ответит. Но к рассветной мари к земле подплывают, да от воды отплевываясь без сил на камни падают. Гладит живот дочь кузнеца, дитю покой внушая, а у самой в горле комом еж свернут, да не прогнать, ни проглотить сил нет. Грудь печет, то ли от плаванья дальнего, то ли от слез не пролитых, да руки мелко вздрагивают, истерику предвещая. Видит Лют, что неладное с любовницей княжеской, помочь надо бы, но силы все на путь до берега отдал, ныне даже слова сказать от боли не может. Знает Слада, не место, да не время горю придаваться, оттого волю свою в кулаке сжимая, подняться пробует. Ноги, хоть хозяйку слушать не желают, да под упорством бабьем преклоняясь, подчиняются.

— Лют, чем помочь тебе. Нельзя нам тут отлеживаться, заметят, да искать кинутся.

— Нельзя... — хрипит сын воеводы, мгновений пару раздумав, к себе Сладу притягивает, шепча торопливо, покуда силы в конец не оставят: — Слушай внимательно,

женщина.... Тут Сурож недалече. Иди на восток, да близ моря держись, к граду и выйдешь. Спроси там гончара Ерему, можешь говорить, что женой сыну его старшему приходишься. Тот уж лет осемнадцать в граде морду не кажет. — Лют дух переводит, с мыслями собираясь. — Ереме скажешь, что сын его при князе Святославе службу держит, да в поход отправился. Тебя же к родителю отрядил, а недалече от града на обоз в лесу разбойники напали. Всех перерезали, а ты под телегой схоронила, а как опасность миновала, по тропе пошла и к граду вышла. Будут еще, что спрашивать, блажить начинай, слезами поливайся, животом прикрывайся. Дураков нет с бабой беременной слад искать. Коли выживу, за тобой вернусь, коли не судьба нам встретиться, не забудь, кого под сердцем носишь. То не просто ребенок, то сын князя и быть ему властителем земли русской.

С тем и прощаются. Слада юбки мокрые подобрав на восток уходит, стараясь не думать, что судьба ей уготовила. С каждым шагом сделанным, гонит прочь свои мысли женщина, что в голове роем пчелиным жужжат, на боли телесной сосредоточиться не давая. Каждый локоть пути пройденного, отдаляет ее от жизни той, к которой за год последний привыкла. Уходит Услава от мужа любимого, что лишь улыбкой одной душу успокаивал. Оставляет за спиной благополучие то, когда в шелках, на постели из льна беленого спать ложишься. Прощается с человеком, что погибнуть ей не дав, с корабля вытащил, своей жизнью возможно за деяние это поплатившись. И лишь об одном мечтает Услава, что не "прощай", а "до встречи" говорит она жизни прошлой, и как знать, даст бог, еще свидятся.

К полудню на тропу у подножья леса женщина выбирается. Платье уж высохло давно, солнцем жарким обожжённое. Ноги трусит, как у лошади загнанной, в ушах шумит, а во рту привкус соли, которой в море вдосталь наглоталась, нёбо высушивает. Коли не дитя, за жизнь которого, она Слада, ответ пред Родом держит, давно бы замертво пала. Тут же за тонкую нить сознания здравого хватается, хотя силы еще у берега покинули. Понимает девушка — не дойти ей до града. Пить охота, так, что голову мутит, еще и тошнота подкатывает, голодным стоном в животе отдавая. Совсем надежду утерав, как в мираже перестук копыт слышит. Горячей волной страх подступает, неужто догнали враги? Да неужели напрасны все муки, что терпела, с корабля убегая. По сторонам глазами девушка рыщет, спасенье ища. Да вот как назло, ни деревца чахлого, ни куста какого, где схоронится можно, окрест не видать. Отчаянье волнами подступает, грудину в тиски сжимая. Прощается Слада с солнцем ясным, да с ребеночком не рожденным. Но вот из-за горки повозка выезжает старая, мужичком дряхлым ведомая. Лошадь та, что телегу тянет под стать погонщику своему, вся крива да неказиста, и посему видно, помирать ей уж годков десять как пора, а она все из вредности бегаёт. Дочь кузнеца, счастьем своему не веря, на колени пред повозкой падает, руки к небу простирая.

— Постой, батенька, не брось в беде деву, чадо ждущую.

— Тпруу. — Мужичок лошадку останавливает, слеповато щурясь, на девушку смотрит. — Ты что же милая тут одна делаешь? Да не лежи ты на земле пузом. Забирайся скорей. — Дедушка, подняться приглашая, по облучке ладошкой хлопает.

Напившись воды, что ямщик подает, Слада рассказ свой начинает. Все, как Лют велел, описывает, причитаниями рассказ свой перемежать не забывая. Казалось женщине, что во век уснуть не сможет, после ужасов пережитых, но мерной поступью кобылы колченогой убаюканная, смежает веки уставшие, беспокойным сном забываясь. И блазнится девушке, что не было страхов и печалей в днях прожитых, лишь радость, которую муж с верхом дарил. Будто не сбегала она из дома отчего, а как дедами завещано, рука об руку с князем

новгородским Ладе кланялась, да у Рода благословенья просила. Снится Сладе, как мать плачет, в сарафане свадебном дочь увидеть, и как отец горделиво головой соседям кивает, мол смотрите какого мужика девочка привела. Чем тяжек сон счастливый? Наверно пробуждением, что из грез потаенных с головой в омут реальности окунает. Разлепив веки не послушные, замечает Слада, что солнце уж полдень миновав, к вечеру клонится.

К городу на закате прибывают. Услава, от мыслей горестных отвлекаясь, с любопытством Сурож разглядывает. Уж сколько градусов за год последний повидала, а все диву дается, до чего же похожи меж собой улицы, избами деревянными, а порой и землянками кособокими утыканые. Как угрюмы и не приветливы крестьяне, работой утомленные, да грязны и веселы их дети, горестей жизни взрослой не ведающие. И Сурож похож на города другие, покуда по верх смотришь, но стоит приглядеться и ясно становится, что все же разнится он с поселениями, в которых Сладе бывать приходилось. От ворот массивных, что путников в град пропускают, к центру Сурожа ведет дорожка, золотым песком посыпанная, да так ладно, что глаз не отвести от блеска песчинок, в закатном солнце переливающихся. В каждой избе у околицы, аль на крыше просмоленной, сети сохнут, словно зная, вещающее о том, что море людей здесь кормит. Чем ближе к дому гончарному подъезжают, тем сильнее рыбой и солью в воздухе веет, близость порта предвещая. От запаха того, у Слады живот спазмом стягивает, коль не было б брюхо пустым, наверняка еду бы выкинуло.

Рассказ невестки новоявленной внимательно выслушав, гончар Ерема в недовольстве губы поджимает, виданное ли дело, на закате лета нахлебницу новую привечать. Но хоть и не рад мужик прибытию рта лишнего, но в избу пускает, да ужином стылым потчует.

— Ни слуху ни духу от сынки не было, а ныне жену брюхатую присылает. С чего бы то? — Из-за печки старушка-мать выходит, на клюку опираясь. — Ты кушай, дочка, кушай. Назад не погоним. Что ж мы звери кровь родную из дома гнать. Да только, странно то больно. — И с подозрением на Сладу, пироги уминающую, поглядывает. Девушка, науку Лютову упомнив, за живот хватается, слезами горячими заливаясь. Сначала для дела, чтоб с расспросами по отстали, а потом и взаправду рыдать начинает, себя жалея, да по любимому убиваясь. И в горе том, вся боль, что за день копилась, из души выходит. Волнами выплескиваясь, грудины рвя, сбегает тоска, слезами сердце очищая.

Старики в испуге суетливо бегают, невестку успокаивая, виданное ли дело бабу на сносях до родимчика довести, коли соседи прознают, со свету сживут, али еще паче петуха красного в дом подкинут. С трудом до лавки Сладу доведя, убаюкивают свекры добрые невестку уставшую сказками, песнями, да касаниями ласковыми. А дождавшись, когда дыхание женщины ровным станет, и сами почивать отправляются.

Странные сны Сладе снятся, будто зовет кто, разбудить пытаюсь. Посреди ночи темной, она просыпается, чудится ей, что смотрит на нее кто-то глазами желтыми из угла за печкой.

— Кто здесь? — Женщина спрашивает, на ответ не надеясь. Но от стены, кизяком подбитой, тень отделяется, и вот уж у лавки, лучину запаливает женщина странная. В платье дорогом, но будто не по времени сшитом, такие еще прабабка Услады носить любила, да платком подвязанная на манер такой же, как барыни знатные под кичку свадебную вяжут, только вместо шапки рогатой по верх полотна белого на женщине венец из камней самоцветных поблескивает. Да чудной такой, от каждого камня не теплом, как бабы любят, а холодом морозным веет.

— Я здесь, Услава. Не стоит бояться, не то я зло, что для тебя опасности таит. —

Пришлая косу черную через плечо перекидывает, да подолы платья, золотом вышитого, подбирая, близ Слады присаживается.

— Кто ты? — Хоть страх и не уходит, но все покойней становится. Страшит не известность, а то, что видно, уж не так ужасает. Да и чего бояться тому, кто давеча в пучине битвы страшной побывав, живым выбрался.

— Не те вопросы, ты девонька, задаешь. Неважно кто я, важней, зачем явилась. Послушай меня, милая, да подумай крепко, над тем, что сказано. Под сердцем носишь ты, дитя богами целованное, но лишь тебе решать, какой судьба его станет. Коль исполнишь обещание пред мужем твоим названным, да супротив Ольги с чадом на руках выступишь, то может и выйдет, что Киев поклонится, да только страшна судьба правителей. Всегда найдется тот, кто хитрей да умней окажется, кто место под солнцем с ножом добывается. Война не так страшна, как победа. Ибо не одержать, а удержать важнее. Но видится мне, что не выстоишь ты, супротив Ольги. Погубишь и себя и дитя свое. Не знаешь пока, как страшна смерть ребенка своего видеть, вот и молись богу своему, что б не пришлось. Подумай о том, чего сыну желаешь. Дома мирного, детства радостного да старости тихой, али страха вечного за жизнь свою да близких? Не отвечай, не надо ответа знать мне. Держи подарочек прощальный. — На руку Сладе бусы падают. — Взднешь их, и никто не упомнит, откуда пришла, да куда делась, в чем была и как выглядела. — Сказав, исчезает ведьма, лучину погасив, да девушке спать велев.

А по утру гончар со своей старухой невестки не находят, что давеча в дом их прибыла. И вот ведь старость клятая, не могут упомнить, ни имени ее, ни внешности.

Лют, к столбу бечевкой накрепко привязанный, казни дожидаясь, на отца поглядывает, да жизнь свою короткую припоминает. Старика жаль, конечно, сколько пережито, да отвоевано им было, ныне же увидит, как голова сыновья по ступеням близ терема княжеского скакать будет. Да и не врагом башка дурная отнята будет, а своими же за дело гнусное. Когда волокли Люта по площади, как корову связанного, отец не глянул в сторону его, то не злило, скорей досаду вызывало. Неужто, дела княжества важней для воеводы старого, чем кровь от крови, родней которой нет?

Помнил Лют, как со Сладой прощался, да наставления давал, а потом умом уплыл в степи дальние, в каких и бывать-то не приходилось. Думал помер совсем, когда ведения садов прекрасных, да чувство полета его захлестнули, ан нет, не время. Очнулся уже, когда к Киеву подъезжали. Его! Сына воеводы великого, как медведя дикого, что на потеху детворе выставляют, везли меж домов града стольного в клетке из прутьев ивовых. Думал Лют в миг тот, что хуже стыда быть не может, да опять ошибся. Ныне вообще, как баран к убою приготовленный, к столбу позорному привязанный смерть ожидает. Через частокол, что площадь от толпы любопытной отрезает, ребятня выглядывает, да камнями и грязью в Люта кидаются. Но любые мученья конец свой имеют. К сыну воеводы освобождение в лице Святослава является. Держит княжич в руке меч, кровью обагранный, и не хочет Лют думать о том, чья голова только, что от тела отделилась.

— Здравствуй, сын человека великого. — Святослав взор орлиный на Люта направляет.

— И тебе здравствовать, потомок Рюрика. — Нет желанья у Люта вежество вспоминать, да пред сыном Ольгиным раскланиваться.

— Осмелел ты нынче, али смерти не боишься? — Князь любопытство проявляет, беседе странной лад дружеский давая.

— Пугает то, что не пришло пока, а что пред очи явилось, уже не страшит. — Смеется Лют, весельем странным, что больше юродивым свойственно, да как знать, может, повредился умом сын воеводы, коли стоит ныне у столба позорного.

— Смел ты, сын человека великого, да упрям не в меру. — Не понять серчает княжич, аль напротив смелости дивится.

— Коль ишак ишаком родился, никто винить его не может, в том, что он летать не умеет. — Лют улыбается, чувствуя, как толчками горячими кровь в голову бьет, остатки страха вместе с разумом унося. Быть может с ума сойти и есть благодать, богами дарованная. А что? Глупцам нет дела до мира того, что извне от них находится.

— Отца твоего я видал, так он на осла не шибко похож, видать в матушку уродился?

Рычит Лют, на слова княжича серчая, да ответить нечем.

— Полно тебе, повеселились и будет. — Святослав вновь серьезен становится. — Умер Улеб, рукой моей казненный, но пред смертью за тебя просил больно. Не могу я брату кровному в посмертие отказывать, потому жизнь твою сберегу, да только какой ей быть, от тебя ныне зависит. Либо помощь мне окажешь в поиске бабы одной, за то волю получишь и от службы отстраненным не станешь. Либо и дальше ишаком рядись, да в темнице крысам байки сказывай. Коль захочешь с жизнью проститься, так и знай, что не выйдет. Покуда жив я буду, тебе сдохнуть не позволю.

Ясно Люту какую бабу Святославу надобно, коль от бремени разрешилась, то сама и не нужна будет, а дитя неразумное на смерть отправят. Коли скажет Лют, где Усладу искать, то отпустят его, Святослав слово держит. Да только сможет ли сын воеводы жить с бременем тем, что на душу ложится? Коль не скажет, то жить ему долго, да горестно в казематах, где солнца луч ни проникает. Коль боги смилуются, издохнет ранее, чем сказанным станет.

— Не могу я княжич помочь тебе, не ведаю. Скорей всего сгинула в пучине морской, когда от нападения вашего отбивались. Я то духом слаб оказался, как понял, что не выйти с победой, в воду кинулся, берега ища. А женщина Улеба, до конца близ него стояла, видно подле него смерть свою и встретила. — Тяжело решение то, что принято, и скорей неверно оно, чем праведно. Но слов назад не воротишь, а то, что сказано держать требуется, а коль слово свое предал, разве можешь мужем зваться?

— Твой то выбор, Лют. — Святослав плечами пожимает. Ему давеча доложили, что не было на корабле бабы никакой, ни брюхатой, ни без бремени, а значит врет сын воеводы, жену князя своего покрывая. — И без тебя девка найдется, много ли пузатых по деревням без мужа мотаются? А вот лгать не стоило. Не один бой ты подле Улеба прошел и ни разу не дрогнул. Сколько раз ради него на лезвии ножа оказывался, но ни разу не бросил. Ныне же, испугался? С чего вдруг?

— Не знаю, у каждой войны предел есть. Вот и дрогнул, о чем сожалею, да не воротишь время. — Лют голову опускает, раскаяние кажа, но не верит Святослав, допрос продолжая:

— Не было бабы на корабле, как только бой начался, те, кто посланы за ней были, голов лишились. Молчишь, окаянный, ну да дело твое, сам выбор сделал, теперь довольствуйся.

Сына воеводы, мечом в спину подбадривая, в подвалы терема княжеского отправляют. То только сверху красив да пригож дом господский, а в казематах стыло, темно, да мокро. А под лавкой мыши шуршат, то ли остатки пайка тюремного доедая, то ли кости людей приговорённых обгладывая. Мышей-то Лют не боится, но надеется, что укусит какая-нибудь чумой зараженная, да помрет он ранее, чем душу предать решится. Знает Святослав, куда ссылать надо, меж запахов нечистот, да соломы прелой, в темноте да одиночестве человек общительней становится и к разговорам душевным благосклонный.

Много народу в каземате у Люта за седмицу побывало. Ни затворничества, ни одиночества, как на дворе постоялом, что не день то прихожане новые. И каждый душу норовит вынуть, да в узел закрутить, так что б от боли в сердце язык развязался. Свободу сулят за жизнь ребенка Улеба. Да только может ли воин бывалый за свою жизнь такую цену уплачивать? От того и молчит Лют, зубы стискивая. Ночь ли день ли, все смешалось, и не чает уж мужчина солнце увидеть, когда в коридоре гулком, огонек зажигается. Морщится Лют, глаза, от света отвыкшие, потирая. А прозрев, смехом заливается. Стоит пред ним ведьма желтоглазая, с любопытством разглядывая.

— Хороший ты воин, да человек глупый. — Морена шепчет, солдат, у выхода спящих, потревожить боясь. — Чего упрямишься, коли знаешь, что все одно рассказать придется. Святослав ждать не станет, коль уговорам не поддаешься, под пытками птицей петь станешь.

— Я знаю тебя. Мы с Улебом детьми еще разговор ваш с Ольгой подслушивали. О чем болтали и не упомню ныне, да только видно было, что дружбу водите. Скажи мне теперь, с чего я отца родного не послушав, с тобой говорить стану?

— А ты не говори, ты внемли, да рассуждай. Знаю я, где девка твоя прячется. Более того знаю, что в Сурожье нет ее, ослушалась тебя Слада, да от Еремы сбежала. — Смеется Морена.

в глазах Люта удивление читая. — Думай служивый, как жизнь свою сберечь, а о девке не томись, она справится. А где не справится, там я помогу.

— Зачем тебе это? Ты ж с Ольгой дружбу водишь, к чему помогать врагам ее? — Удивляется Лют, словам ведьмы не веря. Но Морена оправдываться не спеша, разговор странный заводит:

— Много лет мне уже, когда живешь столько добро али зло, все на лицо едино. Оно же, как бывает, коль тебе хорошо, то благом кажется, а, глядь, кому-то худо от дел твоих. Ольга жизнь однобоко видит, лишь о требах княжества печется, окромя семьи своей, ничего знать не желая. Я же немного иначе жизнь принимаю, более того знаю, что порой и смерть и болезнь во благо быть могут, а иной раз и пряник во вред. Потому не ищи в делах моих подвоха, уж минуло время то, когда лишь о себе заботилась, ныне кроме порядка, да суда справедливого, не волнует ничего сердце мое. Потому и верую в искупление и в людей, что безнадежными кажутся, ведь если в душу глянуть сумеешь, то разглядеть можно, что белила и сажи в нас поровну, а как их смешивать каждый сам решает.

С тем и пропадает ведьма. Только тут пред очами стояла, и исчезла, словно привиделась. Не успевает Лют в разум вернуться, как в его казематы Святослав спускается. Словно специально ведьма желтоглазая миг подгадывала, чтоб на раздумье Люту времени не дать. А подумать есть о чем, коли известно подруге Ольгиной, где Улада прячется, значит и самой княгини то скоро ведомо будет. С другой стороны, коль желала бы женщина странная жене Улеба дурного, то и Лют для того без надобности был бы, сама бы Ольге и донесла, где невестку брюхатую искать. Странно то, но одно ясно, что тайну, которая и не тайна уже, хранить без надобности. Махнув рукой, решается сын воеводы внять совету женщины желтоглазой, да рассказать княжичу, как с корабля уплыли, да куда Сладу отправил. Святослав, мужчину выслушав, уходит, на прощание сказав, что коли правдивы слова Лютобора, то по завершению дела этого, выйдет он на свободу, подвал сырой да темный на век забыв, лишь в страшных кошмарах припоминать время это станет. Но ежели обманул, да по ложному следу пустил ищеек, то жизнь, что в каземате проходит сказкой покажется. Мечется Лют по темнице своей, места не находя. И страхи разные да противоречивые сердце схватывают. То блазнится мужчине, что Сладу в кандалах на плаху ведут, а она живот тяжелый поддерживая, его — Люта проклиная. И проклятья те глыбой не подъемной на душу падают, и не отмыться от них, не отчистится. То, напротив, Святослав озлобленный мерещится, что на месте, которое Лют указал, Сладу не найдя, в припадке ярости страшной, тащит сына воеводы еще глубже в подвалы темные, в места те из, которых нет возврата. Страшна участь, та, что ожиданием да неизвестностью полнится, но благо то, что любое ожидание рано или поздно кончается.

Спустя три седмицы Люта на волю выпускают, да в веси дальние отправляют, врагов громить, да земли отвоевывать, во славу княжича Олега Святославовича место княженья ему готовя. Как поведали сыну воеводы дружинники, что вместе со Святославом на поисках были, в Суроже Сладу не нашли, но гончар старый подтвердил слова пленника, рассказав, как в вечер памятный ко двору его девка тяжелая прибыла, невесткой назвавшись. Пирогов за троих съев, да скандал устроив, спать завалилась, а по утру пропала будто и не было, и куда делась, никто не знает.

За отъездом Люта Ольга из окна светелки своей наблюдает. Злится в бессилие сделать что-то, понять пытаюсь, как баба брюхатая всех провести сумела. Да и приспешник сына

старшего, явно знает чего-то, да умалчивает. Неужели за несколько дней в темноте проведенных, тайну открыть решился, ту, что под страхом смерти умалчивал. Разве только знал, что ко времени тому, не будет Славы на месте указанном. Но откуда знал? Ранее сговорились, али потом, кто донес, что боятся нечего? За дни последние Ольга стражей всех допросила, но никто ничего не видывал, да не слыхивал. Люди ходили разные, да с разговорами одними. Просьбами да угрозами, разговорить Люта пытались. Эх, Ольги бы волю дали, не пустила бы сына воеводы, уговором али силой, но дозналась бы, что скрывает. Только Святослав не позволил, сказал, что слово дважды дал и сдержать намерен. Первый раз, когда Улебу перед смертью жизнь Люта сохранить обещал, второй, когда самому воину свободу на правду выменял. Подле княгини Морена сидит, ногти свои разглядывая, над Ольгой посмеивается.

— Тебе лишь бы потешаться! — Княгиня в гневе к ведьме обращается. — Ты мне скажи, как смогла девка, бременем не разрешившись, бежать так, что лучшие воины найти ее не в силах?

— А я не должна говорить, на то у тебя бояре в совете сидят, что бы мудростью своей с тобою делиться. А коли подумаешь, сама поймешь, чтоб дитя сберечь, баба и не так схоронится. Тебе ли не знать, как сильна воля материнская, да не дюж ум женский, когда ребенок в опале?

— Да неужто считаешь ты, что дитя не рожденное убить смогла бы? — Ахает Ольга, слова Морены услышав, та же, внимания не обращая, дальше мысль свою рассказывает:

— Коль не ты, так другой кто избавился. Ибо оружием страшным ребенок тот в руках недруга делается. Не все в княжестве Святослава твоего любят, а тебя и по давню, уже давно лишь терпят, из-за уважения дружины побаиваясь. А тут кровь Игорева, да в жилах дитя несмышленого, от имени чьего казнить да миловать можно. Всю силу под себя подгрести, ребенка, как щит используя.

— То и оно, коль мы не найдем, другие найдут. Подле меня опорой дитя станет, а вдалеке обузой. Как родного внука бы воспитала, душу б свою вложила.

— Ты уж одного, как родного сына, воспитала, где ж голова его ныне? — Усмехается Морена, терем княжеский покидая, княгиню как всегда с мыслями не радостными наедине оставляя.

Ольга досадно в след ведьме ругается, да словами такими, что женщине знать не должно. И в ярости неистовой забываясь, в след ведьме плоской глиняной кидает, да в дребезги ее расколачивает. Собирая осколки, да пальцы ими царапая, кричит княгиня, богов проклиная. За сим занятием не благородным Ольгу Малфред, ключница ее, застаёт.

— Матушка, смилуйтесь, да разве ж можно словами срамными к богам обращаться? Пусть и к таким, которым жертв не приносим, а все одно озлобиться могут. А коль услышат, да проклянут? — Малушка, в ужасе рот ладошками прикрывает.

— Ведьма она, сама проклятая, да меня вслед за собой тянет! Пусть слышит, нечего скрывать мне. Коль хотят боги, они и без сказанного поймут все, а коли отвернулись, так и мольбы не помогут! — Словами, высказанными, княгиня успокаивается. То в молчанье гнев изнутри съедает, червем в сердце вгрызаясь, а то что с болью выговорено, от ярости лечит. — Ты почто явилась? Мне уроки вежества давать, али все ж дело имеется?

— Гонец от грека явился. Королеву Ругов требует, со мной беседу вести отказывается, лишь загадками потешается над простотой моей.

— Загадками? — Дивится Ольга, не замечала она ранее дерзости такой от послов

византийских, что б над рабынями княжескими смеяться.

— Сказал, что вернул охотник волчонка в леса родные, и что ныне должок за медведем числится. — Малфред послушно слова гонца пересказывает. И чем больше говорит, тем темнее очи княгини становятся, тем колючий да злей взгляд из-под бровей кустистых.

— Что ж охотник цену свою назвал ли? — Не голосом, но шипением Ольга спрашивает.

— Не знаю, матушка! Молчит, окаянный, княгиню требует.

— Коль требует, то будет, негоже друзей дорогих ждать заставлять. — От улыбки той, что на устах княгини при словах тех является, вздрагивает Малфред, думая, что коли так друзей Ольга встречает, то не хотелось бы ключнице с ней дружбу водить.

Беспрестанно кланяясь, сбегает служба с покоев княжеских, от греха по дальше, решив на глаза сегодня Ольге не попадаться.

Как важен и напыщен тот, кто силы да власти своей не имея, величием господина прикрывается. Гонец, что от грека прибыл, из тех был, что гордо слово царское несет, да тех, кто от повелителя его хоть каплю зависит, за людей то и не считает. И как тут не кичиться почетом, что византийский престол на гонца возложил? К самой архонтессе русов с требованиями отправил, да такими, что нет у княгини выхода, окромя как склониться пред греком.

Для важности пущей гонец голову гордо задирает, да голосом таким, будто не донос читает, а яд в бокал сцеживает, требования выдвигает:

— Почтенный царь престола византийского — Константин Багрянородный, указом своим постанавливает....

— Не в том положение император ваш, что б мне указы рядить. — Ольга гонца прерывает. — А коли голову высоко задираешь, знать о шее своей не волнуешься?

— Вы не посмеете тронуть гонца из Царьграда! — Спеси своей не теряя, мужчина в глаза княгине смотрит, гнева не боясь. Ему по отбытию наказ дали, достойно держаться, чтоб мысли княгини смутить, да острастки навести.

— Ах, кто же сказал, что тебя трогать стану? — Ольга с место своего поднимается, бедрами двигая, словно лисица хвостом метет, к гонцу приближается. И, глядя в глаза, с расстояния пары локтей, тихим голосом княгиня говорить продолжает: — Места у нас дикие, леса глухие, да волки голодные. Кто знает, что может с гонцом приключится, который троп всех не ведает?

Мужчина намек понимает и, шумно сглотнув, уж с почтением читает:

— Царь византийский, в уплату долгов, что за помощь обещана, просит от Ольги всего лишь визита дружеского. Для решения проблем, да заключения союзов выгодных.

— Скажи царю своему, пусть ждет, до морозов прибуду. — Решением скорым удивленный, посол византийский с места срывается, поклоны отвешивать не забывая, исчезнуть с глаз архонтессы русов спешит.

Как только гонец из виду скрывается, Ольга, улыбаясь по хитрому, прислугу кликает, наставление давая:

— Собак спусти, что б гость дорогой задержаться в пути не надумал.

Вот и осень в разгаре самом, на лугах и полянах в полесье зажигают костры свадебные, да поют песни душевные. Деревья, как жены бояр знатных, в золото обряжаются, цветами яркими с сарафанами девиц спорить желая. Леса густые грибницами обрастают, да кругами ведьмовскими. Бывало, идешь по тропинке, а она тебя к опушке выведет, на которой грибов

видимо, не видимо, вот на радостях то дары леса собираешь, не замечая, как леший уж хороводить тебя начал. Оттого и зовут места эти кругом ведьмовским, что плутать тебе век на месте одном, как скоморошья кобыла по кругу ходя.

Все равно, хорошо на Руси в это времечко — урожай уж почти весь собранный, значит, в скором дни наступят праздные, а потом по весне и голодные. Ныне же свадьбы играют с размахом, о грядущем за зря не тужа, дома новым семьям отстраивают, где к зиме брюхатые женушки будут ткать для деток приданое.

Ольга мимо домов городских проезжает, так, что б людям на глаза не казаться. Нет желанья поклоны глядя, молодым за их счастье завидовать. Знает женщина, что судьба ее — жить одной до встречи с Оземом. Нет в жизни более мужчин ее, что часы и минуты красили.

Глава 18. Царьград

О величии столицы византийской, часами может говорить тот, кто хоть раз причаливал к берегам Царьграда. Омываемый двумя морями, что соединены меж собой лазурными водами Босфора, Константинополь град уходит в высь зелеными холмами, с которых пустыми бойницами величественно глядят крепостные стены. Завораживая усталых путников, приковывают к себе взгляды густые туманы, что ведьмовской дымкой подддерживая верхушки деревьев, искажают очертания сероватого неба. Осень, уже вступив в свои права на землях Царьграда, усталой моросью капает на каменные мостовые, вымывая меж кладкой глинистую грязь. Кутаясь в промокший мех, стоит княгиня у капитанской рубки, в ожидание, когда корабль, скрепя отсыревшими за долгое плаванье досками, причалит к пристани, на долгие месяцы встречаясь с землей грека. Здесь уставший от длинной дороги "Красный петух", бросит на дно тяжелый якорь, позволяя портовым мастерам оттереть гниль и морскую зелень с деревянных боков, выморить корпус от вездесущих клопов и свежими красками обновить корму.

Сойдя с корабля, да по привыкнув маленько к тверди земной после утомительно долгой качки, вышагивает Ольга поступью степенной, по дорожке каменной к стенам дворцовым направляясь. Как и положено обычаями давними, почетных гостей встречая, вдоль тропинки к входу ведущей, с двух сторон стоят воины brave, да челядь строится, в поклоне приветном склоняясь. Внимания на них не обращая, княгиня глазами ищет того, кто в палаты дворцовые проводить ее должен. А заметив, шаг ускоряет, от сырости промозглой быстрее скрыться надеясь. Вслед за Ольгой бредут караваном бояре, что мудростью стары; счетоводы, дружина да слуги — эти в телегах везут подарки. У двери в бурой мантии лисьей, что порядком от дождя истрепалась, их встречает логофет* византийский, не довольнo брови хмурая. От того что гости северные к отливу прибыли, да не менее двух часов в порт зайти не могли, управитель, ожиданием мучаясь, слишком долго под дождем пробыл.

Деловито направившись к Ольге, не страшится логофет сопровождения ее ратного, да главы в приветствии не склоняет, словно не королева пред ним, а девка безродная. Княгиня, уважения к встречающему тоже не кажет, с горделивостью, лишь архонтам свойственной, мужчину разглядывая. Сухопар, да бледноват. Сразу видно не воин, но управитель знатный. Близ логофета стоят старые евнухи, пример с господина своего беря, не любезно к княгине приглядываются глазами черными, словно прицениваясь, сколько откуп за бабу потребуют, коль случится с ней что на чужбине. Переглядами потешаться кончив, провожают Ольгу со свитою в зал, где их примет царь византийский, но у входа останавливают, статус гостей принижая, приглашения ждать заставляют. Замечая смешки старых евнухов, что унижением русов упиваясь, за спинами их перешептываются, отправляет княгиня слуг своих восвояси, взмахом руки властной, а сама, не спросив позволения, смелой поступью в тронный зал не званной заходит. Слышит ропот идет меж прислугою, что покой дворца охраняет, но никто ей дорогу перекрыть не пытается, видно русских здесь все же боятся. Пред царем и главы не склонивши, Ольга речь свою начинает**:

— Мир землям твоим, император византийский. Я — княгиня русская Ольга, желаю здравствовать тебе, жене твоей, — кивком головы императрицу приветствуя, далее продолжает — да детям вашим, что по воли бога, в которого веруете, будет у вас бессчётное

множество. По неведению, али не разумению, рабы твои, почестей должных мне не выказав, ждаты заставили, за что надеюсь, понесут наказание.

Не смотря на рушение традиций, да устоев двора Византии, Константин, лица не теряя, дружелюбно Ольгу встречает:

— Мир тебе, архонтесса Русов, мы тебя давно ожидаем. Говорят, что леса на Руси дремучи, может, слышала, как волки там гонца моего подрали. Он от них кое-как отбилсЯ, весты чтоб мне донести с уметИ. — Император на Ольгу поглядывает, та лица своего не меняет. Не дождавшись раскаяний должных, речь свою Константин продолжает: — Мы в надежде, что вас минули, неприятности, что в дороге бывают.

— Кто не знает, какими тропами ступать следует, тот всегда неприятность встретит. А коль дорога известна, то и бояться не о чем. — Непонятно княгиня отвечает, думать царя вынуждая, то угроза какая, аль болтовня пустая, а может и впрямь не причастна Ольга к тому, что в лечебнице ни одну седмицу гонец его провел, кусков плоти в бойне со зверем лишившись. Только вот божится подранок, что не волки то были, а собаки натасканные. Приблизилось?

Долго в день тот вопросы решались, еще дольше споры спорились. Лишь к вечеру позднему, Ольга в покоях, что гостям были выданы, оказывается.

К ней, в юбках платья длинного путаясь, Малфред верная подбегает.

— Утомилась, поди, матушка? Приказать ли воду готовить?

— Обожди, не суетись понапрасну, в ум вернуться бы, после тех споров. — За голову княгиня держится, туман в голове не ясной разогнать надеясь. Неужто, на столько плохи дела в Константинополе, что правителя державы дружественной опоить в застолье решили. Хотя вряд ли то зелья были, скорей просто вина их дурманные с непривычки в голову ударяют. Еще раз кудрями тряхнув, да взгляд в даль устремив, в задумчивости спрашивает Ольга у ключницы своей: — Вот скажи мне, Малфушка, то гоже — императору в мужья к нам проситься?

— Где же гоже? С женой ведь, за столом рука об руку восседал он. Ох, неужто прям сватался? Императрицы не убоявшись? Хотя баб они тут ниже псов дворовых считают, вот видать языком и молотит....

— Тише, тише, вот ведь задор-баба! Говорил император загадками, вроде ясно то, да не полностью. Но жена его сына родила, значит жить им вдвоем до старости. Видно царь Константин больно жаждет Русь подмять сапогом кожемятным, коль жены своей не пугаясь, полусловом союз предлагает. — Ухмыляется Ольга довольно, внимания на боль, что в виски распирает не обращая, дальше рассуждает. — Всяко может случиться ныне. Не у нас одних в лесах страшно. Может так приключиться, что царица с коня вороного, зазевавшись, свалилась в яму? Или ягодами отравится? И тогда император свободный, и к женитьбе уже сгодится.

— Ой, да он же ведь страшный! Борода у него козлиной, сам весь щуп, как в голод родился, да и стар уж....

— И я не молодка! — Ольга служку перебивает, да рукой уходить ее просит. А сама у окна присев, песнь, что Игорю в день свадьбы пела, затягивает. Помнит все душа женская, как козой молодой скакала, как рыдала меж кладки с поленьями, от судьбы своей убегая. Как нашел ее там княжич — суженный, да целуя в уста, успокаивал. Как смеялась она залиvisto, на колени ему присаживаясь.

— Как же любишь ты, Олюшка, горю горькому придаваться. Словно солнце не выйдет на зорьке, если слез с ведро не наполнится! — Рядом с Ольгой Морена присаживается, ногу на ногу чинно закладывая.

— Не ждала я тебя на земле чужой, разве можешь ты тут появляться? — Удивленно княгиня спрашивает, злое слово от сердца отбрасывая. За те годы, что волей и по вынуждению ей общаться с Мореной приходится, попривыкла женщина, к словам грубым, которые из уст ведьмы смешливой частенько выскакивают. Коль была б она простой бабой, не спустила б ей Ольга такого, но с богиней морозов лютых, не пристало даже княгине спорить.

— Что могу я, тебе не ведомо, но есть правда в твоих рассуждениях. Тяжело мне в граде этом, здесь земля меня отвергает. — И в окошко меж ставен глядя, передергивается Морена, отвращение к земле не родной выказывая.

— Коль явилась, скажи, исполнится, что задумала? Аль не стоит бередить понапрасну?

— Время скажет. Но дело то верное, ворога бить его же оружием. — Поклонившись княгине, как равной, исчезает Морена в тумане. Ольга, в силу свою уверовав, для отхода ко сну умывается.

По утру, освежившись с кувшина, просит встречи с царем византийским. Просьбу ту лишь к вечернему часу император удовлетворяет. А до вечера мечется Ольга — беспокойно ей в ожиданье ответа, но отсрочка та на руку даже, время есть, что б еще раз все взвесить. Как сказал бы сынок ее младший — меч в руке лишь спокойный удержит, кто ярится понапрасну, оружием вреда себе боле наносит, чем врагу угрожает.

Тронный зал византийского царства, поражает своим размахом. Пол уложен мозаичной фреской, что причудливо кусочками собираясь, лица царей, некогда правящих землями этими отображает. К центру зала, где послов принимают, немного левее стоит древо из позолоты, на ветвях у которого, вот же диво дивное, чинно птицы гнездятся из бронзы. Чудные птахи, словно желая, спорить со своими живыми сестрицами, песни чирикают ладно, да у каждой свой звук выходит, оттого, в переливчатом гомоне, словно в байке калики музыка родится. Сразу за древом не обычным тронное кресло стоит из меди, златом подбитое, сделано так, что глазу не видно есть ли под ним подставка какая, али силой ведовской зачарованное, парит оно в воздухе, законам земным не подчиняясь. С каждого бока от кресла имперского — львы неизвестного сплава, словно ожив по велению правителя, пасти свои широко открывают, хвостами о пол не довольно постукивая.*

Ольга от роскоши глаза округляет: кто же тот мастер, что сделал все это? Вот диво то, неужели людская рука может создать то, что, казалось, лишь богам и подвластно. С силой собравшись, уверенным шагом, да по сторонам не глазеть стараясь, ступает к имперскому месту княгиня, будто не трогают разум ее чудеса, что вокруг творятся.

Кивком головы Константина встречая, здоровья желает, да дворец скупно хвалит, словно скряга купец, что злато свое берегает, Ольга слова лишнего говорить не хочет. После любезностей, что в любом разговоре, перед делом положены, к цели своей разговор приводит.

— Долго я думала, да все же решилась. Как известно тебе, Царь Великий, язычница я, дочь язычников, жена язычника, да сын мой тоже многобожник. Но слушая речи твои духовности полные, уверовала, что есть единый Бог, с ним и желаю жить дальше. Не откажи в милости император Константин сын Льва. Окрести меня по правилам вашим и канонам, да сделай дочерью своей во Христе.

Тишина, что в зале настает, лишь последнее слово камнем тяжелым на пол падает, осязаемой становится. И чудится, что коли нарушить немоту эту, разобьется воздух в зале, тысячью осколками замок покрыв.

Не отказывают в милости такой, вот и царь отказать не сумевши, крестит Ольгу — княгиню русскую, Еленой в святцах нарекая. В этот раз к храму божьему дорогих гостей ведут дорогой короткой, и уж с большими почестями, чем сыну княжескому оказаны были, посвящают Ольгу в таинство крещения. А в наставники духовные, что б вопросы спорные решать, да веру в сердце поддерживать, сомненья в истинности слова божьего разрушая, Константин княгине священника Григория отряжает. Мужика ушлого, да в Бога верующего, тогда когда им же и прикрыться удобно. Тот, конечно, желаньем в земли дикие, языческие, к варварам ехать не желает, но отказать царю своему не осмеливается. Что Ольга в крещение свои цели преследует, Григорий сразу смекает, но злато в кошеле холщовом позвякивающее, из рук княгини полученное, на корню правдолюбие в нем искореняет.

Из неизвестных и, наверняка, не существующих дневников
Императора Константина Багрянородного.

Странен и скорей не добр день был, когда явилась пред очи мои Княгиня Киевская Хельга во второй раз. Лишь взглядом мазнув по чудесам тем, что гордость за народ мой в душу вселяет, будто и не было необычного ничего в птицах механических, которые чирикают, будто самым творцом созданы, приступила к делу без оды похвальной, мастеру их создавшему. Вновь забыв, а, может, нарочито не желая, поклон сделать, попросила Хельга окрестить ее, да стать отцом ей пред Богом. Сначала возрадовался я тому, что вера наша в Русь просочится, сперва ручейком тоненьким, а там, глядишь, и рекой полноводной. Да только, понятно мне вдруг стало, чем вызвано желанье то. Допреж, полусловом обмолвился, что честь государству нашему была б, коль во главе империи, такая царица встала. Жена моя — Елена Лакапина, дочь царя-узурпатора, что меня малолетнего, да политикой не интересующегося, от власти отодвинул, не по праву трон византийский заняв, многим в Царьграде костью в горле встала. Потому, обузу такую, от дел государственных отстранили бы, не поморщившись, лишь намеком смел бы выдать желание на трон византийский царицу русскую усадить. И на том многолетние стычки, между нами совсем бы уладились. Русь уже не врагом, но другом преданным Византии стала бы. Но княгиня, вот же шельма хитрая! Умней оказалась, окрестилась, отцом во Христе меня сделавши, и теперь уж женой мне стать ей закон божий не позволит. Обвела вокруг пальца, как детей не разумных, ум такой уважение вселяет. Об одном сожалею ныне, что не то государство женщину эту родило, с такой царицей Византия воспрянула бы!

С Византией прощаясь, грузят русские дары на корабли мощные, к отплытью готовясь. Всю долгую зиму провели они гостями при дворе греческом, по тому в дорогу с особой радостью снаряжаются. И каждому свое грезится. Кто о встрече с женой да детишками мечтает, а кто о том, как, чарку хмеля испив, дочь мельника к сеновалу утащит. У каждого свое счастье, оттого и разные люди, но так друг на друга похожи.

Ольга, в платок кутаясь, по кораблю расхаживает, соленый воздух носом втягивая. И думается ей, что, пожалуй, тосковать по морю придется. Вот бы летом, в тепле, под крик чаек, помочить в воде усталые стопы, да украдкой оглядевшись, в исподнем в пену

окунуться. А потом лаской волн наслаждаясь, на камнях у воды развалиться, что бы не думать о Руси, о печалях, только счастьем вдосталь упиваться. Улыбаясь беспечным мыслям, снова в явь возвращается Ольга. Суда под завязку забиты, в этот раз добра будет много. Видно с радости о крещении, в подношениях ей не скупились. Только вот погрузить бы скорей дары те, да ко дну с этим всем не отправиться.

Корабли, от натуги поскрипывая, словно кони, шпоры ждущие, бока волнам подставляют, на путь дальний настраиваются.

От хлопот бытия отвлекается Ольга, ко двору византийскому мыслями возвращаясь. Желанье Константина, стать мужем ей, да регентом земли русской при Святославе по праву супружества с матерью его, она понимает, да смысл в деяниях тех находит, ведь взрослый уже сын ее, а, значит, и в советах, что старшие дают не нуждается. Хотя ладно то было бы, коль кровью скрепился союз меж державами, да только не ценой непомерной для Руси, а напротив, выплатой византийской. В первый прием, помнит Ольга, подле царя сын его стоял со своею супругой. Княгине птички тут же напели, что отпрыски в зал допускаются, лишь после появления собственных наследников. Руки подмаслив челяди жадной, Ольга дозналась, что сын есть и дочь у Романа Константиновича, царевича всея Византия. А коль есть девка, мужик ей найдется, так чем Святослав не жених особе кровей благородных? Конечно, мала еще девочка, да подрастет, а покуда дитя она еще, так и ум свой в ее головку вложить можно будет.

И в предвкушение дел великих, княгиня заранее радуется. Эх, только бы княжич, по обыкновению своему, не спорил с матушкой, а с угрюмой молчаливостью принял волю навязанную.

(* Логофет — чин в Византии. В данном случае имеется ввиду Великий логофет, что исполнял при дворе дипломатическую миссию. — Прим. автора)

(Вопиющее нарушение правил византийской дипломатии. Все иностранные послы и правители, прибывающие к царю, ожидали приглашения в тронный зал за шторой. После разрешения, иностранных дипломатов вводили под руки евнухи, заставляя сделать праскипеспс — упасть ниц к императорским ногам, и только после этого начиналась аудиенция. Ольга нарушила заведенный порядок, войдя одна без разрешения, сопровождения и не сделав поклона — прим. автора).**

(* Описанные чудеса действительно имеют место быть в тронном зале Магнавра при дворце в Константинополе (он же Царьград). Это место описывали многие послы, прибывавшие в Византийскую Империю. За точность описания автор не ручается, ибо собственными глазами этих чудес не видел, а воспользовался впечатлениями некоторых посетителей. — Прим. автора)

Глава 19. Слада

После ухода женщины странной, Слада долго уснуть не может. В руках бусы теребя, убедить себя старается, что привиделась ей ведьма желтоглазая. Тяжело по первой решения принимать, коли до того, за тебя все делали. Матушка да батюшка с младенчества за нее определяли, куда ходить, да с кем дружить, чем время свободное занимать, да за кого замуж отправляться. Лишь раз Слада сама все сделала, когда зимой в братцевых валенках за служивыми кинулась, к княжичу отправляясь. Верно ли решение то было, не ведомо женщине, но коль второй раз выбирать пришлось, все одно так же поступила бы. А уж потом, когда она в тереме княжеском оказалась, Улеб на себя заботы о ней принял. Решая, что есть, что носить и даже когда в покои к нему являться. Ныне же самой решиться надо, в пропасть шагнуть или на корабле тонущем остаться, что б и себя сберечь и чадце, что под сердцем носит, не загубить. Тяжело впервые ношу ответственности за поступки свои взваливать, зная, что не только за себя, но и за младенца не рожденного в ответе. Еще раз бусинки в руках покрутив, да пересчитав их зачем-то, на шею украшение даренное одевает Слада, и на цыпочках, что б хозяев дома гостеприимного не потревожить, вон выходит.

Темны ночи в городах и селениях, когда небо туманное, месяц растущий прячет. За три локтя уж ни зги не видать, лишь собака где-то воет, ветру прохладному вторя.

Страшно в ночи по улочкам тихим в одиночестве бродить, зная, что во время это лишь лихие люди встретиться могут, но еще страшней участь та, о которой ведьма сказывала. И объятая страхом малопонятным, в тревоге за дитя свое, бежит женщина к морю, с городом ее приютившим прощаясь.

Близ гавани портовой, Сладу паника настигает. Помнит женщина, как страшны да суровы люди, что по морю плавая, годами семьи не видят. Вдруг на пути ей бородач такой попадется? Что с ней сделает человек тот страшный, Слада придумать не может, но заранее знает, что-то очень плохое. Оттого, передумав по морю бежать, в сторону леса направляется. Велес батюшка поможет, душе заблудшей дорогу найти.

Покуда металась Услава по Сурожу, путь верный выбирая, уж рассвет наступил. С солнцем первым сомненья пришли, светом дневным страхи ночные выветривая, глупость побега показывают. Не обдумав, да запасов еды не взяв, за пару седмиц до появления наследника Улеба, сбежать, следов не оставляя, как воровка али женщина падшая, когда как словно княгиня, должна была на месте сидеть, Люта дожидаясь, да сподвижниками себя окружать. Как смогла ведьма желтоглазая, двумя словами с пути истинного сбить, в цели существования своего усомнится заставляя? Да и куда бежать то? Назад в Новгород, где точно недруги ждут? Аль к родным брюхатой воротаться, где еже ли и не отыщут вороги клятые, то односельчане все равно жизни нормальной не дадут. А с другой стороны, коли вернется? Вдруг права женщина, что ночью приходила? Ей ли, Сладе, что при дворе Византийском лето провела, не зная, как сурова да неприглядна участь правителя. Даже когда на ногах, казалось бы, крепко стоишь, найдется тот, кто у подпоры ножки подпилит, али в еду яду бросит. А коль младенец не рожденный к трону приставлен будет? Кто от имени его говорить станет? Ей то точно никто слова не даст. И оставят ли вообще Сладу при сыне, али убьют за ненадобностью. Вот бы быть посмелее немного, что б как Ольга с детьми на руках в бой выступить. Только где же ту силу взять, что на подвиги подталкивает? А коль

случится Усладе девку народить? Станет дочка монетой разменной в играх тех, что мужчины, эго свое потешая, играют. Нет, права была ведьма, даже если и выстоит Слада супротив княгини киевской, все одно счастья дети ее не увидят, коль не помрут в младенчестве. И рукою пузо тяжелое придерживая, смело женщина в лес двигается, на ходу прося Велеса, пощадить ее, к селению какому вывести.

Но не слышат боги мольбы женщины, вместо помощи кругами водят, с пути сбивая. И уже не ясно Сладе, где град Сурож, а где тропка ловчая, что охотников к дичи выводит. Все деревья с лица едины, не понять, куда дальше двигаться. Жажда мучает женщину, да желудок от голода сводит. Неужели пройдя путь столь длинный, в море пенном спавшись от погони, помереть суждено ей на землях родных, в лесу по поляне хороводясь.

От усталости, да боли в стопах, что до крови натерты, на колени падает Слада, отдышаться не в силах. Смотрит в небо, о помощи взывая, да у земли милости прося, глаза долу опускает. Но миг спустя в ужасе вскакивает, на юбки от крови багряные глядя.

— Нет, нет, быть не может. Берегиня, за что казнишь меня, дитя отбирая. — Шепчет женщина, в безумии подолы многослойные задирая, что бы в том, что и без того ясно было убедиться. По ногам тонкой струйкой кровь течет, смерть младенцу предвещающая. Сквозь слезы, что глаза застят, видит Слада за деревом тень неясную. Руки в мольбе вперед выкидывая, на коленях ползет Услада к женщине, что зачем-то от нее меж деревьев прячется. Тень, как будто рукою машет, за собой в чащу заманивая. И в оцепенении странном, встает Слада, на зов тот двигаясь. Смиловилась Брегиня, мольбам женским вняв, из леса бабу тяжелую выводит, мимо града, что не далече был, как оказалось, к избушке, что поодаль от Сурожа стоит. От дома того за версту травами дурманными тянет, видать знахарка поселилась. Слада, от болей, что тело пронзают изнывая, избу ту увидев, слезами счастливыми разражается. И, руками за воздух цепляясь, с последними силами туда путь держит, в надежде помощи сыскать, али упокоения, все одно, лишь бы боль ту, на части тело рвущую, более не чувствовать.

Глава 20. Святослав

Княжич, о замыслах матери, что уж супругу вторую ему сыскала, не разумея, веселится с дружинниками, глядя на бои потешные, что новобранцы между собой затевают. То, что мать неспроста, под конец осени, не боясь морозов близких, в путь снарядилась, грека навещать, Святослав догадывался, но по старой привычке, с детских лет привитой, вопросов лишних не спрашивал, предоставив Ольге самой разбираться в тонкостях дипломатии. Сам княжич, брезгуя разговорами не понятными, прямоты военной лишенными, в эту сторону правления своего никогда не заглядывает. Что за радость кружево слов выплетать, в надежде умаслить кого-то, да выгадать блага не ясные? Коль меч в руках крепче соседа держишь, то и будут тебе милости сыпаться, а коль одряхлел, что оружие с рук валится, то и слова тут не спасут от гибели верной. Мать, рассуждения его слушая, только головой качала, да, бывало, говаривала, что слово, тяжелей топора быть может, коли знать когда сказать надо, а когда помалкивать. Рассуждений таких не разумея, Святослав с совестью чистой, передал Ольге бразды правления, себе солдатский котелок оставив. Который, к слову сказать, ему так же без надобности, так как в походы княжич всегда налегке отправляется, не беря с собой ни шатров разномастных, ни утвари кухонной. А на привалах, изжарив мяса над огнем открытым, седло под голову подложить можно, да отдыхать на звезды любуюсь, покуда сон не сморит.

Гонец, раскрасневшись от бега быстрого, к Святославу подбегает, от зрелища занятого отвлекая. Челом об землю стукнув, да лица, в грязи весенней вымазанного, не отряхнув, в спешки затараторил:

— Корабли плывут, княжич! Наши по Днепру возвращаются, а там льды не сошли окончательно, что делать то? — И будто нет судьбы горше, чем ныне, чуть не рыдая, гонец вновь челом в грязь падает, да там и затихает.

— Не утоп он там, в жиге этой? — Добрыня, друг Святослава верный, да дружинник ратный, со смешком спрашивает.

— Такие не тонут. — В тон ему княжич отвечает. — Вставай, скаженный, хорош блажить, будто беда приключилась. Пошли мужиков, пусть лед рубят, да кораблям дорогу освободить помогают. — Сказав то, сам к терему выдвигается, надо бы чернушек кликнуть, пусть княгиню встречать готовятся.

Добрыня, новости услышав, тоже оживляется, с тоской о сестре любимой, что к Ольге на службу приставлена, подумав. Как уплыла Малфушка вместе с княгиней к греку, так не покойно на сердце брата было. А ныне возвращаются, и коль Семаргла* в душе сберечь сумели, то во здравии и благополучии явятся.

Три дня еще корабли на Днепре стояли в ожидание, покуда молодцы brave лед разобьют. Ольгу же со слугами приближенными, на берег санями переправив, по земле к терему перевезли. Там, с дороги отдохнув, да после качки к почве твердой попривыкнув, княгиня, дел в дальний ящик не откладывая, сына к себе призывает.

Целует Святослава, на миг залюбовавшись, как хорош да пригож княжич стал. Жаль нет времени, посидеть вот так рука об руку, о пустяках сплетничая. Помнит Ольга, как дитем не разумным будучи прибежал Святослав в покои ее по среди ночи темной, на кошмары ночные сетуя, да засыпал сном покойным, у груди материнской пригревшись. А старше став,

перестал в ночи бегать, но привыкнув к беседам полуночным, стала Ольга сама в покои сына заглядывать, где однажды увидела, как прячется Святослав под перинами, грозы разгулявшейся боясь. Не стала тогда княгиня, говорить сыну о том, что видела, но седмицу спустя, повела его в поле, давешней грозой вспаханное, да борозды выжженные показывая, рассказала, что не стоит бояться гнева Перуна, молнии мечущего, коль заветов его не нарушал, да до предательства не опускался. В день тот долго беседу вели мать с сыном, опасениями своими делясь, да страхи друг друга рассеивая. Чудно время то было, а ныне как не встретятся они со Святославом все о делах, да в спешке разговоры ведут. Но грустить долго не приученная, Ольга, сына еще разок обняв, разговор важный заводит:

— Хороша ли Предслава для тебя сынок? Послушной ли женой стала?

— Все в порядке, матушка, не пойму я заботы той, ты ж сама для меня ее выбрала?

— Печалит меня, что не дала до сих пор тебе жена наследников. Аль разлад меж вами, о котором я не ведаю и не гость ты более в ее покоях? — Ольга с прищуром на сына смотрит, углядеть обман надеясь, коль решится княжич утаить чего.

— Полно, матушка, не здесь и не с тобой о таком судачить. Пустое волнение твое, коль милостив Род ко мне будет, появятся вскоре детишки. — Святослав хмурится, правоту материнскую в тайне признавая. Давно к жене молодой не ходок он. Наскучила, разговорами глупыми, да холодностью в делах супружеских. То ли дело, Малфушка, что у дверей Ольгиных его улыбкой встречает. Хороша девица, как цветок весенний, с грудью полной, да бедрами крутыми. Лицо здоровьем румяно, коса толще руки Святослава будет. Предслава подле бабы такой, куропаткой замороженной морозами зимними кажется. Вот только Малфред в сторону княжича и глаз не кажет, а упорством взять дружба с братом ее не позволит. Вот и ходит Святослав, о девке, как мальчишка грезя, на жену от того еще меньше внимания обращая. Да и злит его степенность та, которой дочь барская славится, словно рыба глазами в пустоту глядит, да голову послушно склоняет, когда княжич к ней обращается. Кровь горячая, что в жилах Святослава течет, не приемлет покорности такой, оттого и не ходок он более в покои супруги законной, все более девками продажными потешаясь.

— А коль в немилости ты у него? До каких пор дитя ждать?... Ладно, не о том я говорить хотела. Нынче поездка к грекам тяжелой была. Из-за мыслей о благополучии княжества, да страхась сватовства царского, окрестилась я, веру в Иисуса приняв, дочерью духовной Константину стала. Ну да то, тебе уже известно, из вестей, что я в Киев слала.

— Ты знаешь, не любы мне разговоры длинные, не надо присказку, сказку давай. — Нутром Святослав чует, не сулит разговор этот блага ему.

— Не сказка то, но быль. У Константина внучка есть. Годков десяти будет, но то не проблема, вырастет. Хотела бы я, тебя ей сосватать, что б Византию крепче привязать. Что б о жизни внучки, да дочери печалась, вперед дел вражеских, крепко думали. — Ольга замолкает, на сына поглядывая, тот молчит, лишь желваки на лице еще сильней надуваются.

— Ты меня, как коня на ярмарке, где еще только продать и не пробовала! — Святослав беленится, планов материнских не понимая.

— Помолчи, коль ума нет, то моим пользуйся! Будешь мужем принцессе, зятем трону византийскому. У тебя перед ними руки свободны, греки же, за дитя своё боясь, лишний раз навредить не посмеют. Ну а коли война нагрянет, то с победой, земли византийские тебе достанутся. Кровью жены, в чьих жилах руда имперская течет прикрываясь, законным наследником на престол взойдешь! А что мала совсем девица, так то лишь нам на руку. С детства дочерей цари учат, что коль отправятся женой в земли заморские, интересы родины

своей поперед дел мужниных ставить надобно. Кто детей растит? Женщина! А значит, как внушит она сыну, так и будет. Скажет отца почитать и землю, что жилу дала, любить — так и будет, а коль внушит, что худ отец и лучше деда по линии материнской слушаться? Власть женская по более будет, чем вы мужчины думаете. А так молода девчонка, да ласки от рожденья лишена, в силу того, что матери ее не до нее было, она за сыновей своих больше болеет. Ты ж мужчина знатный, да бабам многим люб. Затуманишь голову девке чепухой любовной, из рук твоих есть станет, да лишь твоему дому псалмы петь!

— Дивлюсь я порой, от чего мне от ума твоего лишь полущка досталась? — Княжич успокаивается, с доводами соглашаясь. То одна жена была, а тут две станет, много ль разницы, лишь бы не докучали. — Делай, как знаешь, но не мечтай, что в ноги царевне кланяться буду. — С тем и уходит, мать довольной оставляя.

Ольга, слов на ветер не бросая, да дел далеко не откладывая, гонца призывает, с посланием в Византию отправляя. В послание том, приватном, предлагает княгиня императору союз сердец юных, да пользу от брака того описать не поленившись, знай сына своего нахваливает. И посему выходит, что Русь лишь из любви большой да благоговенья пред греками, идет на шаг столь для русских не выгодный (но очень спасительный для престола византийского), отдавая руку и сердце княжича на растерзание царевне малолетней.

Опреж разговор сакральный начать, по сторонам оглядеться стоит. Очумев от дороги длинной, не замечает княгиня, что покуда они со Святославам о женитьбе толковали, подле двери приоткрытой страж, покой княжеский охранять призванный, наострив ухо лопоухое, подслушивал. А дождавшись собрата по службе, что на подмену ему приходит, в трапезную пошел, где его уж девица дожидается. Как всегда, за пару поцелуев и возможность прелести женские пощупать, ведает ей страж бравый обо всем, что нынче разузнать удалось.

Предслава, шагами нервно светелку меряя, придается думам не радостным. С минуту назад прибежала к ней Белава, рабыня, что еще в отцовском доме княжне юной прислуживала, да впопыхах поведала, что донес ей Всерод — воин, покой княгини охраняющий, что призывала Ольга к себе Святослава, да толковала о женитьбе с царевной заморской. А как княжич матушку покинул, та тут же за гонцом послать велела. И, наверно, гонец с посланием в Византию уже торопится, пока Предслава, вести дурные обдумывая, бездействует. Как могла свекровь, о доле женской зная, такую свинью боярской дочери подложить? Ведь коли появится в тереме баба другая, то муж ее, что и без того не частый гость в покоях супружеских, в конец от жены отречься может. Хмурится девушка недовольно, но, решение приняв, за дверь кричит:

— Белава! Поди сюда! — И дождавшись, как войдет рабыня, шепотом приказывает: — Беги к Могуте старому, по сему видать, гонец, прежде чем в путь пускаться, к нему в кабак заглянет, чарку пропустить, да щей хлебнуть. Делай, что хочешь, а узнай, какие вести княгиня передать велела! — И серебрушку девке кинув, за дверь ее выталкивает.

До ночи темной, спать не ложась, все к шагам в коридоре Предслава прислушивается, да о судьбе женской размышляет. То, что забыл Святослав дорогу в покои ее, вина лишь на ней лежит. Не смогла скромная дочь боярина, огня в сердце мужа разжечь, за то одиночеством и платит виру непомерную. А коль невеста новая к терему прибудет, то и вовсе позабудет муж дорогу в покои ее. Эх, хоть бы удалось Белава выяснить чего, а коли нет? Помнится, говорил

батюшка, Предславу поучая, что не гоже на помощь чужую надеяться, коли хвост прижало, самому действовать должно.

И обуреваемая смелостью, так ей не свойственной, надевает Предслава сорочку новую, да босиком и простоволосой за дверь выскальзывает.

Святослав на лавке отдыхает, руки за голову закинув, о словах матери думает. То, конечно, верно, что с царем породнившись, горло имперское в кулаке зажать можно, только что ему с женой юной делать? Десять лет! Ребенок совсем. Не надеется же мать, что хоть пальцем к принцессе Святослав прикоснется? Как сказала Ольга? Голову задурманить? То, конечно, можно, коль морочить девушку прекрасную, а не ребенка глупого. Уговаривая себя, что пусты мысли эти, так как пока сосватают, пока поженят, девочка уж подрастет, а коль не успеет вырасти, пойдет княжич в поход долгий, покуда жена молодая, хотя бы грудью не обзаведется. Вон хазары снова голову поднимают, да и мало ли какие еще дела у князя возникнуть могут? Успокоив сердце свое мыслями такими, Святослав вновь о Малфушке грезить начинает. Вот ведь вертихвостка! Сегодня, из покоев матери выходя, не сдержался князь, да ущипнул сестру Добрынину за ягодицу округлую, а та вместо того, что б зардеться, да глаза опустить долу, как другие рабыни делают, усмехнулась да обещала брату наябедничать. Пусть пожалуется, Святослав уж давно разговор с другом завести собирается, а тут и повод появится. Уж почти в сон мужчина погружается, когда тихонько дверь в покои его, скрипнув, отворяется. Многолетняя привычка, войной извечной возвращенная, Святослава с лавки поднимает, подобраться хищно заставляя. И вот он уже меч к горлу посетителя ночного прижимает, в лунном свете черты не врага, но жены своей признавая. Та, побелев от страха, но уверенности не растеряв, рукой лезвие от себя отстраняет, словно не его Предслава скромная перед ним в исподнем стоит, а воительница отважная с земель горных, что блеска стали не пугается. И не вымолвив ни единого слова, не послушными пальцами женщина тесемки на рубахе своей развязывает. Святослав, опешив, за движениями Предславы следит заворожено, чувствуя кровь, волной приливающую к местам сокровенным. Его ли жена, что краснела, да глаза прикрывала каждый раз, как он касался ее, стоит пред ним обнаженной в свете лунном? Его ли Предслава, покои которой он посещать зарекся из-за чувства, что не женщина, а полешка лежит подле него, сейчас так заманчиво влажным языком сухие губы смачивает? Та ли женщина, что в первую ночь с ним руками грудь прикрывала, ныне не стесняясь, с него рубаху тянет? Чудна ночь весенняя, но приятна, определено.

По утру, еще до того как солнце взошло, из-под руки княжеской вывернувшись, одевается Предслава, в покои свои вернуться собираясь. Зайцем пуганым по коридорам гулким скачет, ни с кем не встречаться стараясь. По углам прячась, да каждого шороха пугаясь, все же никем не замеченной в светелку свою возвращается. И уже там, отдышавшись, на перину падает, в мягкой теплоте постели зарываясь. Путаны мысли, одна другой хлеще. Вроде и к мужу ходила, а украдкой, словно не жена, а полюбовница в ночи темной соблазнять мужчину чужого пришла. Как посмотрит на нее утром князь, когда, по прихоти княгини, за одним столом на трапезу соберутся. С детства в Предславе скромность возвращали, теткой гулящей пугая, говорили, что распущенность к беспутству приводит. Думалось девушке, что не вернется более мир на круги своя, после дерзости той, что свершить посмела. Это ж надо было удумать, впотьмах, в одном исподнем, по коридорам

блуждать. А коли заметил бы кто? Во век от пересудов служек, да чернушек не отмылась, а те б еще и родне растрезвонили, что княжна Предслава, как баба гулящая, голяком по терему шастает, за колонами расписными прячется!

Долго еще могла девушка на себя пенять, в разгульности обвиняя, да сон спекает, не долгое забвение принося, после ночи бессонной. В обед, проснувшись, удивляется княжна, что на трапезу ее не позвали, да решить не может толи рада, что Святослава видеть не придется, то ли печалиться, что не встретятся сегодня....

Князь же на утро вспомнить не может, то ли привиделась жена, в ночи приходившая, то ли взаправду соблазнять его являлась. Чудно/ как-то, но все равно приятно.

Месяц спустя от ночи той, когда жена негаданно в покои к Святославу явилась, у князя молодого день по-иному начинается, уже не столь приятно, а скорей тревожно. С первыми лучами светила дневного, в покои его слуги скребутся, потревожить князя сурового боясь, но приказ от княгини — позвать сына немедля, исполнять надо. Нехотя встает с лавки Святослав, про себя замечая, что, пожалуй, разленился он за время, что в Киеве сидит. В походах, бывало, раньше солнца вставал, а то и вообще за ночь глаз не смыкал, дозор неся. Рубаху грубую из ткани холщовой натянув, вниз в трапезную спускается, где в шелка византийские обернутая, сидит мать, с головой по-царски поднятой. Смотрит Святослав на Ольгу, стати и мужеству женщины пожитой восхищаясь. Вроде лет уж немало землю топчет, а на лице морщин не прибавляется, словно ни забот ни тревог у матери нет, лишь жизнь праздная, сытая и довольная. Только тот, кто близко княгиню знает, привычки да манеры ее изучил, заметит, по глазам потемневшим, да губам в нитку сжатым, что тревоги сердце княжеское на части рвут. Глядит Святослав на мать свою и все ясней понимает, что не будет ныне вестей благих.

— Солнца ясного, матушка, что опечалило тебя в день погожий? — Решив сразу рубить, а не ждать, пока мать жилы тянуть по нитке будет, вопрос интересующий князь задает да подле Ольги присаживается.

— И тебе, родной, света теплого, — зная, что не любы сыну разговоры долгие, после приветствия княгиня к делу переходит. — Получила я ныне послание, от царя византийского, от того и не радостно на душе моей, что заранее знаю, не примешь ты ответа его. Но, опреж ты ругаться начнешь, хочу мудрость тебе одну поведать. Не стоит на месте время, да никогда не стояло. Все меняется, да вперед движется. За зимой весна красками расцветает, а по осени природа увядает, смертью своей зиму предвещая. Нельзя на месте стоять, кто забылся, да в болото увяз, уж никогда под ногами почвы твердой не почует. Об одном молю тебя, не застрянь в трясине вечной, дай волю сердцу своему дальше двигаться. Заветы, что дедами оставлены, хороши, да ко времени нынешнему не годны. — Ольга замолкает, с мыслями собираясь. Знает женщина, что не склонить ей сына, на путь тот, что, по мнению ее, верен, да попытаться стоит. Оттого силы собрав, дальше продолжает. — Покуда добирались мы из Царьграда в Киев, старый царь умер, место свое сыну уступив. Роман, император нынешний, рад союзу с русскими, и дочь свою, к нам отправить готов, да только есть условие одно, что объединению сердец ваших помешать может. Царевна византийская, как и все подданные престола того, в христианство обращена, а ты, сын, многобожник, по их мере, человек почти дикий, да к венчанию с девою юной по законам божьим не годный. Вот коли согласишься веру принять, да к Единому в храм прийти.... — Не успевает Ольга мысли своей окончить, как вскакивает князь со стула, да кулаком

пудовым по столу ударив, на мать зло глядит.

— Молчи, женщина! Да как ты смеешь меня просить о таком? Отец мой, и дед мой, жертвы Перуну приносили, в боях благословления прося. Всю жизнь я был дитя Велеса, и стать рабом Божиим не намерен! — Страшен Святослав в гневе, да Ольга его не боится. Слаба та женщина, которую плод ее же чрева напугать может. Голосом спокойным, да ледяным, как вода в проруби по зиме, сына останавливает:

— Сядь! Негоже сыну княжескому, как собаке дворовой на мать лаять! Не быть тебе князем, покуда ярость свою в узде держать не научишься, а ежели кричать на женщину, что в животе своем тебя выносила, себе позволяешь, то, верно, духом вовсе ослаб.

Святослав, правоту слов Ольгиных признавая, смолкает, да на место присаживается. Спокойным голосом, каким и должно князю беседы вести, разговор продолжает:

— Прости, матушка, слова мои дерзкие. Права ты, ярость во мне огнем живым хлещет, ум затмевая. Но от слов своих не откажусь, как не сказаны они были, а все одно — верны. Более того, не примет дружина князя, что веру свою предал. Кто богов, которым всю жизнь верностью клялся, оставил, так и воинов на поле брани кинуть может, мук совести не убоясь.

Качает Ольга головой, но более не убеждает сына. Знает женщина, как упрям и не сговорчив, тот в ком кровь Рюрика течет. Силен духом Святослав, да в убеждениях тверд, еже ли настаивать, да неволить, как есть разругаются, ни к чему не придя.

Князь тем временем, все не довольней становится. Отказ царя, да слова матери, что его за дикаря греки держат, глубоко в сердце оседая, горькой обидой в душу вгрызается. И уж не упомнит мужчина, что затее с женитьбой той не рад был и желал, что бы планы княгини, да намерения ее благие, стороной обошли. Ныне же сидит, кашу ложкой деревянной черпая, месть страшную для византийцев думает, будто не Ольгины мечты, а его собственные о борта византийского упрямства разбились.

Два месяца минуло с той поры, жара июльская силу набрав, ленной поступью по земле русской прохаживает, поля сохнувшие выжигая. Душит воздухом тяжелым, разум в узел тугой затягивая. Солнце горячее к обеду, как меч Чернобога, усталого путника повсюду найдет, и блажен тот, кто в дни эти жаркие у ручья под сенью листвы зеленой прикорнуть может, а не в поле мотыгой махать, урожай спасти надеясь. Святослав, в тени деревьев разлегшись, травинку пожевывает, размышляя, что давненько уж в Киеве засел, меч забросив. Пора бы дружину встряхнуть, пыль домашнюю выбивая, да в поход снарядить, покуда стать свою в обжорстве да блюде не растеряли. От скуки да лени, горюет воин, подле юбки материнской просиживая. Уж гудит стольный град, от бесчинств дружины праздной, стеная, да князя молят, отвадить воинов своих куда по далече, что б по тише на улицах стало. Да и хазар вновь голову поднял, не веря, что осмелятся русы к нему с мечом явиться. Коли с севера зайти, пока границу не пересекут враг и не поймет, что к нему в дом беда явилась. Думы сладкие о войне предстоящей, Святославу крик девичий прерывает. От дремы праздной оторвавшись, вскакивает Святослав, на крик кидаясь.

Пред очами мужчины, от бега быстрого запыхавшегося, предстает картина потешная. В мелководе пруда, что близ терема воды раскинул, стоит Малушка, ключница матушки, в рубахе нижней, да верещит, так, что уши закладывает.

— Чего голосишь, скаженная? — Смехом давясь, Святослав спрашивает. Девица, спасенье в лице князя увидав, козой молодой к нему скачет. Руками цепкими за мужчину хватаясь, трясется и вздрагивает, губами побелевшими лепечет:

— Исккупаться хотелось, жарко нынче, да ток в воду зашла, а она из кустов.... И глядит, глядит.... А глазища то, глазища! Вот такие! — Девушка жестами размер глаз показать пытается, при том мужчину из рук не выпустить.

Ничего не понимая, Святослав Малушку встряхивает, да уж жестче спрашивает:

— Кто она? Да успокойся уж, окаянная! Водяница тебе что ль примерещилась?

— Змея! Огромная, точно чудище морское! — Малфред, в грудь Святослава носом, от слез сопливым, утыкаясь, продолжает по бабьи всхлипывать. — Мне давеча Добрыня байку сказывал, что живут в пруду этом гады древние, что раньше дедов наших появились! Вот как есть, такого и увидала!

— Ну, полно тебе, по рыдала и будет. Змея та, коль и была, если не сбежала, от воплей твоих, то наверняка издохла оглохнув. — Не привык Святослав девиц жалеть, от того не умело по голове гладит, словно не женщину перепуганную, а собаку дворовую побаловать лаской решил. Плавнo мысли князя от змеи, так девушку перепугавшей, к самой Малфуше перетекают, да коли совсем честным быть, то даже не к ней самой, а к той близости, что неожиданно случилась. Стоит девушка, всем телом к нему прижавшись, в рубах мокрой, к телу голому липнущей, да не думает, о том, что в голове у мужчины крутится. Святослав легко девушку отстраняет, слезы девичьи пальцами шершавыми утирая, да к устам со страха покусанным склоняется, поцелуй даря. Льнет девушка к князю, телом горячим теснее прижимаясь, в объятьях его страх забывая, а тот и рад, потихоньку с Малфред одежду мокрую стягивая, подумывает, что, пожалуй, благодарен он змеюки, что в пруду завелась, за подарок такой, и еще, на задворках сознания, мысль мелькает, что побьет его таки Добрыня за сестрицу свою. Но то потом будет, зачем заранее тревожиться....

В терем князь возвращается в настроении приподнятом, песню залихватскую насвистывая, в руках ленту крутит, что в момент близости с волос Малушки снял. Теперь вечерами тоскливыми в походах военных будет греть его сердце кусочек красного атласа. Легко да светло на душе Святослава, от того, что девушка та, что хвостом пред ним крутила, наконец, этот хвост прищемила, да в объятьях княжеских оказалась. А в покоях мужчину сюрприз ждет. На лавке деревянной, в сером платье домашнем, сидит Предслава — супруга законная, о которой уж подзабыть успел муж не верный, руками завязки поясные теребя, да губы кусая. Неужто, подвиг свой спустя три месяца повторить решила? Потеха, конечно, да не может Святослав, от одной бабы только уйдя, к другой в постель лечь. Настроение радостное на убыль идет. Нет желания жену расстраивать, и так скромна до безумия, но и ночь с ней проводить не охота, после поцелуев жарких, что Малфуша у пруда ему дарила, супруга законная еще холодней кажется.

Предслава, тем временем, князя заметив, привстает, да ногу для шага заносит, потом, передумав, на место возвращается, речь приветственную начиная:

— Тихого вечера, князь.

— Не быть ему тихим, коль ты пришла. — Святослав сурово на жену поглядывает, по лицу ее видя, что не за долгом супружеским благоверная явилась, а для разговора приватного, да по сему видать не приятного.

— Твоя правда. Я с вестями благими, вскоре наследник у тебя появится. — И видя, что словам ее не верят, торопливо продолжает. — Повитуха приходила, сказала дитя ждать. Почему молчишь? Али прогневала тебя весть сия? — Предслава молчанья княжеского понять не может, видит лишь, как Святослав брови хмурит, да кулаки сжимает, будто из сил

последних ярость сдерживает. Ничего ей муж не отвечает, развернувшись вон выходит, в недоумение девушку плакать оставляя. Неужто так не любя ему супруга, что даже дитя из чрева ее не в радость? Так зачем живет подле нее, коли не ради продолжения рода?

Святослава тем временем злость неистовая обуревают. Бежит по коридорам, чернушек распугивая, а в голове трубным зовом слова Добрыни звучат. Был меж ними разговор давеча, где друг толи в шутку, толи всерьез, говорил, о том, что долг княжны любой, наследника князю подарить, и даже если тот глаза не кажет в покои супружеские, где хошь дитя достань, и к подножью кресла княжеского торжественно возложи. Вот и сидит ныне в голове Святослава, червем разум выгрызая, то самое "где хошь". Неужто осмелился кто жене его дитя сделать? Да своего выроodka князем поставить? Аль все же в ночь ту, что Предслава сама к нему явилась зачали? Или уж брюхата была, вот и пришла, что б глаза ему застит? То-то странно Святославу было, что сама девка в покои явилась, хоть до того даже от слов любовных алела щеками? А тут смелость, да дерзость совершить решилась, лишь бы дитя во череве прикрыть! И почему сообщила поздно так? Боялся, что к ведунье вместо повитухи отправит?

Подгоняемый мыслями не радостными, Святослав в горницу влетает, где челядь уборку затеяла. Схватив одну из полумоек за плечи, требует привести к нему служку, что к Предславе в помощь приставлена была.

Белаву, точно козу на убой, силком тащат, к ногам княжеским бросая. Девка, до последнего упираясь, идти не желает, не понимая, чем гнев господина вызвать могла. Подозрения в не ладном у Святослава крепятся, разве тот, кому скрывать нечего, прятаться, да убегать станет? Суров князь в гневе, за горло рабыню хватает и держит, с каждым мигом сильней руку сжимая, дух чернушки выпустить намереваясь, коли молчать удумает, хозяйку свою покрывая. Услыхав вопрос, на который ответ знает, рассказывает Белаву князю все, и даже то, о чем помалкивать бы следовало. И о войне, который покои княгини охраняя, за ласки простые Белаве разговоры тайные пересказывает, и о том, что Предслава давно за семьей княжеской следит, за место свое боится. И даже о том, как гонцу постель согрела, дабы разузнать с чем он к греку направляется. Соловьем поет девушка испуганная, за жизнь свою боится, о чужих головах не думает. Отпустив чернушку, хозяйке жаловаться, Святослав садиться в задумчивости. С одного края на душе просветлело от знания, что верна ему жена, и не ходит он сын Игоря в дураках, как простофиля какой-нибудь. А с другого почернело от мыслей, что за его спиной дела такие проворачиваются, а они с матерью ни сном ни духом, да и то, что Предслава не в свое дело нос длинный сует, тоже не радует. Этак сегодня гонца перехватила, а завтра воинство собирать подле себя начнет, да мать отварами травить. Одно во всей этой канители ясно, его ребенка под сердцем жена носит, а, значит, беречь ее надо, да нервничать не давать, покуда от бремени не разрешится. А как наследником здоровым разродится, можно будет и по душам потолковать, да разъяснить как жене княжеской вести себя должно.

Почесав в раздумьях голову, Святослав чернушку какую-то кличет, да в покои княжны Предславы отправляет с приказом дары снести те, что он подготовит, пусть знает благоверная, что радостно сердце мужа положением ее.

(*Семаргл — (смерад, смерть, Цербер) огненный волк с сокольной головой и крыльями, отождествляет силу русского духа. Волк и сокол быстры и бесстрашны (нападают на превосходящего силой противника), преданы своим, безжалостны к

чужакам (волк, даже будучи голодным, не сожрет сородича, как собака). Воины часто себя отождествляли с волками (воин — вой волк). В каждом славянине живет Семаргл, который сражается с болезнями и злом в теле человека. Пьющий, ленивый, деградирующий человек убивает своего Семаргла, заболевает и умирает. — Прим. автора)

Предслава.

Холодна зима. Вьюгами богата, да на метели щедра без меры. Занесет, закрутит, не найти пути, все дороги, как одну снегом белым заметет. Кто не был на Руси в морозы лютые, тому не знать, как стонет ветер обледенелый, словно баба дитя потерявшая. Как хрустят по тропинке валенки, от поступи тяжелой под корку проваливаясь. Как баюкает холод, в сугроб прилечь предлагая. Сколько людей обмерзлых, да завьюженных в лесах на веки осталось? Сколько от голода умерло, весны дожидаясь? Бесчестны жертвы морозов, кровавой данью зиме принесенные, по воле холода жизнь свою Морене отдавшие.

Кто не был на Руси в морозы лютые, тому не знать, как весело время то праздное бывает. Когда уж урожай собран, а до пахоты новой еще сезон ожидать. Как гуляет люд крестьянский, зимой потешаясь, то бабу лепя, то снежками кидаясь. Как звенят бубенцы троек запряженных, за версту перезвоном оглашая. И как молодцы статные дыханьем своим пальцы девушек красных, в варежки шерстяные спрятанные, отогревают, на поцелуи надеясь.

Хорошо зимой на Руси, всем, кроме тех, кто в тереме княжеском сокрыт. В том доме, что зависть да почет вызывает, несчастны люди, каждый по своему.

Предслава у окна дни просиживает, на улицу с тоской поглядывая. Совсем тяжела уже, оттого и не пускают ее из терема, говорят, что ребеночка сморозит. Подле нее Белава суется, до сих пор за предательство не прощенная, но княжне беременной прислуживать допущенная. Нынче рабыня особо усердна, уж битый час на месте крутится, из сундука в сундук вещи перекладывая. То, вдруг, к ногам княжны кидаясь, сказать что-то хочет, но передумав, подушку пуховую под спиной хозяйки поправляет, да вновь к сундукам уходит. Предслава на нее поглядывает, понимая, что гложет что-то Белаву, но спрашивать не хочет. Коли надо будет, сама расскажет, а не пожелает, так не княжеское то дело душу слугам теревить. Белава, тем временем, видно решившись, вновь, как собака преданная, у ног Предславы присаживается, и тихонько разговор начинает:

— Не знаю, верно ли то, что рассказать тебе решила, мож лучше смолчать бы было, да только, думается мне, что лучше сейчас все узнать, чем в дураках потом остаться.

— Да, говори уж, не томи больше должного. — Предслава волноваться начинает, коль Белава на разговор решила, видно и впрямь что-то случилось.

— Говорят, что князь Святослав, больно часто подле Малуши, милостницы княгини нашей околачивается, вот и судачат, что меж ними отношения имеются. А вчера, сама видела, как князь повитуху нашу куда-то вел, поначалу решила, что о твоём здравии справиться решил, а потом увидала, что к баньке свернули. Подивилась, да обождать решила, за кадушками притаившись. И как оказалось не зря. Только Святослав с повитухой от туда вышли, в след за ними Малушка выскочила, встрёпанная, да с лицом красным, как буряк поспевший! Вот и подумалось мне, что не ладное случилось. Хотела сначала к ней подойти, да за косу потрепав, дознаться, чего она с мужем княжны моей по баням шастает, но подумав решила, что не ответит мне окающая, не указ я ей. — Сокрушенно головой Белава качает, думая, верно ли поступила, что ушла присутствия своего перед Малушкой не выдав, а

потом будто вспомнив кому рассказ бает, встрепелулась, княжну спрашивая: — Неужто пока ты наследника князю под сердцем носишь, Святослав с рабынями развлекается?

Слушает Предслава, да ушам не верит. Обида горькая комом к горлу подкатывает, слезами по щекам выливаясь. Знала женщина, что не любя мужу своему, да догадывалась, что в покоях своих Святослав других привечает, но что б так оскорбить ее! Княжну! Жену законную, под сердцем чадо его носящую! Дочь боярина великого, который не за глаза красивые, а за дела ратные прославился! Женщину, руки которой пол града просило. Кто она ныне? Жена опальная, позабыв про которую муж с другой потешается, дитятко полубовнице прижив! И поделать нечего, был бы муж ее кем другим, а не князем Киевским, за обиду жгучую его голову у отца попросила бы, а так даже слова сказать не посмеет, коли своей шеей дорожит. Смотрит Предслава на Белаву, что подле ног ее сидит, и такая ярость княжну захлестывает, будто не Малушка со Святославом гулять удумала, а прислуга верная. Звонкой пощечиной, рабыню свою на пол откидывает, опосля успокоившись, требует милостницу Ольги к себе позвать. Но Малушка на зов не является, над Белавой посмеявшись, говорит, что не указ ей больше княжна опальная, дескать, только Ольге Малфред служить обязана, да еще князю. А коль хочется супруге мужа уличить в чем, так пускай дела свои без нее решают. Свирепеет Предслава от слов тех, злость праведная обиду взлелеянную в душе вытесняет, слезы на смерть запирая. Да как смеет рабыня, из милости в тереме живущая, ей слово поперек ставить? Али думает, коль на сносях княжна, то совсем растетехой стала и ответить на слова грубые не сумеет? Или на защиту Святослава надеется? Да только глупо то, как бы не была любя князю тетёшка*эта, все одно супротив супруги не пойдет. И охваченная гневом праведным, встает женщина с места своего, да поступью тяжелой, живот придерживая, к Ольге отправляется. Коль не хочет князь желанья свои в узде держать, да жену слушать, пусть от матери своей узнает, как должно к княжне беременной относиться. За одно и девку неугодную может вышлют куда, а не то пойдет Предслава папеньке жаловаться, вот тогда и посмотрит, как без золота семьи ее, Святослав в походы ходить станет! К мечу своему, лучшими кузнецами выкованному, небось, душой то уже прикипел, а коль отец Предслavy захочет, то не хватит денег ее мужу и на палку деревянную.

Уж на подступах к покоям княгини, чувствует княжна неладное. Спину ломит, точно оглоблей по ней бил кто, да тошнота нет-нет так накатывает, что кажись еще малость и на изнанку брюхо вывернет. А на каждый десятый шаг, живот судорогой схватывает, что вдохнуть не возможно, ни выдохнуть. Но, пощады себе не давая, упрямо женщина движется, на ногах не держась почти, без стука к Ольге в светелку заходит, за стенку придерживаясь.

(*Тетёшка — гулящая баба с дородной фигурой. — прим. автора)

Святослав.

После отказа в помолвке от царевны греческой, да оскорблений, что царь византийский себе позволил, варваром Святослава назвав, затаил князь обиду лютую, и что б месть свою свершить, задумал впервые не мечом, а головой, как матушка учила, повоевать. Коли думают греки, что совсем дикари русские, то не будут удара со стороны этой ожидать, а, значит, и упредить не смогут. Покумекав, да с Добрыней посоветовавшись, решает для начала шпионов в государство Византийское отправить, что бы бреша, да места слабые в царстве греческом разведать. Там то и раньше доносчики были, но все более о делах военных докладывали али о механизмах новых, на Руси еще не используемых. Ныне же, отправляет

Святослав людей во дворец поглядеть, да послушать, что бы тайны сокровенные семьи царской разузнать. Мать частенько говорила, что у самого сильного война, слабое место в сердце находится. Каждый кого-то любит, да кем-то дорожит паче жизни, оттого и места слабые в семье сыскать проще. Ольга всегда мудростью отличалась, видать, оттого что для войны не пригодна, вся сила ее в голову утекла. Потому, от чего бы ум женский к делам мужским и не приладить?

К концу осени, прискакал доносчик, что доселе во дворце византийском окопался, то ли конюшего, то ли мальчика на побегушках изображая. Паренек, как был взмыленным да с дороги запыленным, предстал пред очами князя чтоб скорей о делах семьи царской доложить. И вести те, как ни крути, презанятнейшие. Хорошо греки тайны свои прячут, но коли есть, что скрыть, найдется и что разузнать. Права была мать, не все дела мечом решить можно, иной раз и хитрость пригодится.

Со слов шпиона прибывшего, жена императора Романа — Феофана, до того, как царицей стать, в трактире отца своего за деньги мужикам тело продавала. Видно там, царевича, что погулять на славу любит, и заметила. Уж как окрутить смогла, да к трону пробиться не ясно, но дело сделано и ныне уж не девка гулящая, но императрица византийская. То, конечно, не новость, в те года, когда Феофана на трон метила, о происхождении ее все шептались, виданное ли дело, подстилке трактирной, как царице кланяться, да только то не сказка, а лишь присказка. А сама сказка в том, что меж слугами, которые царице прислуживают, слухи разные ходят, да по большому счету не лестные. То, конечно, все домыслы больше, да в ведовстве подозрения, но есть слушок один, который послушать стоит. Кухарка, что обед царю Константину готовила, в день, когда помер император, пищей отравившись, перед казнью, рыдая, на весь двор кричала, о том что не повинна в грехе тяжком, да что на кухню окромя жены цесаревича не входил никто. Бабу несчастную, конечно, никто не слушал. Что значит слово кухарки, против слова царевны, матери детей империи? Но всем рот не заткнешь и с поры той, судачит прислуга, что царя Константина Феофана то ядом и напоила, что бы мужу своему к престолу дорогу открыть. Но и то не все. Паренек, который на конюшне дворцовой лошадей царских смотрит, рассказал, что императрица нынешняя, после смерти свекра осмелев, часто из дворца уезжать стала. А куда, да зачем, никому не ведомо. Муженек ее, в рутине дел государственных погрязнув, о жене мало заботится, оттого отлучек частых не замечает. Может, то и неважно было бы, только вот стражников верных, да рабынь, что везде за Феофаной следуют, на прогулки те царица с собой не берет. Всеми не правдами да хитростями во дворце свиту оставляя. Ясень, парнишка, что с конюхом старым дружбу завел, не развлечения ради, а для дознания тайн царских, проследил в один день за женой императора, да любопытную вещь выяснил, что рогами супруга венценосного жена одарила, с полководцем Никифором Фокой в тихую милоясь. Оттого и сбегает одна, да через поля следует, что бы, коль чего, преследователей заметить. Но Ясень смекалистый оказался, обождав, когда баба за горизонтом скроется, по следам конским за ней последовал. А в деревне, что за две версты от Царьграда раскинулась, у трактира грязного, лошадь царскую обнаружил. Больно красива, да приметна коняшка в местности этой убогой казалась, оттого и сомнений не возникло, чья она. Обождав, увидел Ясень, как часа два спустя, из заведения поганого сам полководец вышел, с лицом довольным точно тот кот, что кур хозяйских общипать успел, пока собаки спали. А следом и царица, встрёпанная, да лохматая, но тоже довольная донельзя. Вот по лицам та их разбурянным и смекнул парнишка умный, что не

дела, а любовь эту парочку связывают. Хотя, коль подумать, одно другому не помеха. Фока деятель знатный, может и переворот какой готовит, на поддержку императрицы опираясь, а что б баба помогать не передумала, по трактирам ее и ублажает.

Донесение гонца выслушав, размышлять князь засел, думая, что выгадать может с информации предоставленной. А коли мозгами пораскинуть, да взглянуть со всех сторон, горизонт возможностей то необъятный становится!

Никифора Святослав лично знает, и в уважение своем этому человеку отказать не может, ибо близок по духу воевода византийский князю. Фока также за меч крепко держится, да роскошью и благами пренебрегает, как князь киевский, оттого и ясен Святославу помыслами своими. Только так ли прост полководец, каким доселе казался? И кому связь та любовная выгодна? Императрице, что по привычке старой — межножьем зарабатывать, ныне местом этим союзников ищет? Или воеводе, что царицу окрутив, на дела государственные через нее влиять может? Не влюбились же они в друг друга, хотя коли так, вот потеха была бы! Как бы выведать, отчего люди высокопоставленные, не боясь гнева императорского, как юнцы горячие по трактирам милуются. То, что к Никифору шпионов не заплешь, сразу ясно. Этот лис хитрый быстро заметит не ладное что близ него творится. А, затем, еще быстрее дознается, чьи доносчики, да с целью какой вокруг него ошиваются. Не желает Святослав, раньше времени затеи свои открывать, оттого и решает сам в Византию отправиться, вроде как о хазарах поговорить, дела торговые по решать, а на деле выяснить, что царицу византийскую с полководцем, что государству ее служит, связывает, да за счет парочки влюбленной придумать, как с царем несговорчивым поквитаться.

Но помимо дел государственных, есть у князя еще и заботы личные. Прознал он нынче, что женщина любимая — Малушка, семя его в себе прижила, и, коли Берегиня милостива будет, в скором времени плод любви их на свете появится. Вести те и радостны и тревожны одновременно. То, что первый ребенок у него скоро появится, который в любви зачат, а не по принуждению али за ради долга, согревает сердце Святослава. А вот то, что мать его рабыне беременной при жене законной не обрадуется, уже печалит. Поразмыслив, решает Святослав у Ольги совета на счет грека испросить, а как только мать от дела любимого (ворогу козни чинить) сомлеет, так и известием о прибавление в рядах княжичей огорошить. Переживает князь, что осерчает мать на него, а расстройство свое на Малушку скинет, оттого долго с мыслями собирается, прежде, чем к княгине с повинного головой отправляться. Но, решив, что уж лучше самому сознаться, чем прихвостни Ольге донесут, быстрым шагом по коридорам в покои матери следует, но все одно не успевает немного.

Ольга.

Не задался день у Ольги ныне. С утра вести принесли, что хазары вновь города приграничные грабят, вконец осмелев, крестьян убивать начали, да селения развороченные огню придавать. Знают, гады ползучие, что не выйдут в поход войны из Киева, покуда морозы на спад не пойдут, оттого и чинят безобразия, в безнаказанность свою веруя. Да еще и греки, как назло, с желаньями русских по Дону до Белой Веже сплавить, чтоб с воды хазара погонять, объявились. Денег за то обещают не мало, не понимая, что хоть и силен батька Дон, да все одно до весны льдом покрыт будет. Но, коли Святослав узнает, то в миг в поход соберется, на конях по реке пройти готовый, лишь бы с града по быстрее сбежать. Не

мило ему в стольном городе бока отлеживать, а тут такой повод меч достать, о последствиях не думая. Ольге же вновь в дела княжества лезть, да за сына сердцем маяться. Была б Предслава по умней, что б по мимо глупостей бабьих, еще о чем-нибудь думала, тогда, ее к делам приставив, сама княгиня-мать бы в тень отошла. Но, видать, сильно богов Ольга прогневала, коли к сыну-солдафону в надбавку невесткой дурой одарили. Щебра судьба неприятностями для дочери своей не любимой.

К полудню пурга сильная поднимается, ставни в светелке с корнем вырвав, студеным ветром в покои влетает, по углам завывая, княгиню из покоев холодом гонит. Приходится Малушку в непогоду такую за кузнецом отправлять, что б петли поправил, да потом ждать, когда печь растопят, воздух студень изгоняя. А к вечеру, лишь на миг Ольга прилечь решает, так к ней без стука княжна беременная вваливается. Накричала бы княгиня на жену сыновью, но вовремя примечает, что, бела с лица Предслава больно, и губы кривит, толь от досады, толь от боли тело сковывающей, да за брюхо держится. Ольга с лавки вмиг вскакивает, к невестке подбегая. За руку потную хватает, до перин дойти помогая.

— Матушка, постойте, я к вам по делу пришла. — Предслава Ольгу остановить пытается, да разговор затеять, но боль новой судорогой в спину стреляет, да тугим комком в животе сворачивается. — Ох, что-то неладно мне ныне. Обождите, матушка, дайте воздуху глотнуть. — Только боль по притихает, княжна вспоминает, зачем к Ольге шла.

— Слухи до меня дошли, матушка, пробралась змеюкой скользкой ключница ваша в покои князя нашего. Сплетни грязные распространяет, о том, что не в милости я у князя, и, что новой женой она — Малушка Святославу станет. — Вновь боль копьем раскалённым в спину бьет. Предслава вздрагивает, на пол заваливаясь. Ольга, словами не добрыми всех баб беременных поминая, до перин невестку дотаскивает, да прислугу кличет, что б за повитухой бежали. Сама же, подле роженицы устраиваясь, отчитывать жену сыновью принимается:

— Тебе ли, княгине будущей, в слухи верить? Может, было меж ними чего, да только пока баба дитя носит, мужик всегда у другой тепла ищет. За то беспокоится — глупость большая. Вот коль и далече миловаться с ней станет, то, как уйдет Святослав в поход свой, продадим бабу боярам, аль подарим кому в знак расположения княжеского. А сейчас о ребенке думай, на свет он до срока просится, как бы не случилось чего. О Малушке забудь. Неважно то ныне.

От слов Ольги, светлеет в душе Предславы, и, с силой собравшись, готовится женщина жизнь ребенку своему дать, на мысли глупые не отвлекаясь. Раз сказала свекровь, что решит неурядицы все, так и быть тому. Не рушимо слово княгини киевской. Но прежде, чем боль до конца разум замутит, рассказывает супруга Святослава свекрови своей, об отказе Малфред на зов ее явится, да о словах, что не служит рабыня клятая Предславе, словно не княжна она, а девка дворовая. Ольга, стенания невестки выслушав, словом добрым ее успокаивает, пот холодный со лба роженицы стирая, за руку женщину, уж в потугах мающуюся, держа. Помнит еще княгиня, как сама на этой перине лежала, Святославу жизнь дать стараясь. Некому было ее поддержать тогда, может потому и жаль Ольге невестку, что свою боль хорошо помнит. Но лишь только повитуху дождавшись, в горницу княгиня спускается, Малушку найти приказав.

Ждать долго не приходится, миг спустя уж стоит милостница пред очами хозяйки своей, глаза долу пряча. Глядит Ольга на ключницу, дивясь смелости той, что пред женой Святослава явиться отказалась. Как смеет рабыня безродная, из милости до службы княгине

допущенная, перечить дочери боярской, да княжне под сердцем сына князю носящей? Более того, Малушка ведь вслед за Ольгой веру христианскую приняла, милостницей* при княгине став, а для тех, кто в Единого верует, блуд — грех смертный. Значит не только по земным законам, но и по высшим, виновна девка-бесстыдная!

Долго Ольга Малфред отчитывает, да решение приняв, палача кличет, обязуя того, пороть ключницу, покуда помыслы грязные из головы через спину не выйдут. Девушка в рыданиях на колени падает, пощады прося, да о положение своем тяжелом* рассказывая.

От вестей тех, Ольга в ярость приходит, но наказание отменяет. Негоже пороть бабу брюхатую. Рабыню то не жаль, но дитя, в чьих жилах руда Рюриковичей течет, княгиня тронуть не смеет. Подумав, решает Ольга выслать женщину не угодную, в деревню сослав, покуда дитя не родиться. Так оно правильной будет и наказание для бабы блудливой, и схорон для ребенка, что жене Святослава костью в горле станет. А уж, что удумать женщина обиженная может, княгиня по себе знает. Не одну полюбовницу Игореву в свое время извела. Оттого и выводят Малфред из горницы, под надзором стражей в ссылку собираться, что б сбежать не удумала.

Святослав Малушку, что вояки княгини под руки ведут куда-то, в коридоре встречает. Не позволив любовникам и словом обмолвиться, стражи, лишь на секунду голову склонив, да на княгиню сославшись, женщину дальше ведут. Князь, время на подчиненных матери не тратя, сразу к виновнице произвола отправляется. В покои Ольги в ярости заходит, ругаться собираясь, да милости для любовницы требовать. Виданное ли дело, мать нос свой длинный в дела его совать удумала, коли голову свою приладить некуда, лучше пусть делами княжества заботится, а с бабами своими Святослав и без нее разберется. Но непреклонна княгиня в решение своем, на просьбы да угрозы отвечая спокойно:

— Не думала я, что сын мой глупей осла, что в сеннике головой стену пробить пытается. Жена твоя, народом благословленная, среди бояр да купцов почитаемая, в родовой горячке мается, а ты за рабыню, в постель к тебе явиться не постеснявшуюся, просить пришел? Аль ума нет, что б понять, как отец Предславы к известиям отнесется, что князь, в день благой, когда ребенок явиться должен, не за чадо свое душой мается, а за бабу другую печется? А коль жена твоя расскажет батюшке своему, отчего до срока рожать начала? Известно ли тебе, сын мой с любовью возвращенный, да в пору нужную не поротый, что Малфред — девка дрянная, княгиней себя возомнив, к Предславе на зов явиться отказалась! Как смела рабыня, княжне слово поперек молвить? Али ты совсем очумел, такую волю бабам своим давая? Не забудь, что Предслава доход в казну принесла, в нашу семью попав, и ее отец за походы твои военные платит, иначе по миру уж с рукой протянутой скитались, на войне разоряясь! Молчишь? Вот и помалкивай! Не нужны нам враги среди приближенных, у нас их и без того лишком хватает. А с рабыней твоей ничего не случится, поживет в отдаление, о делах подумает, а как дитя родит, ты его признаешь. Негоже крови Рюриковичей робичем* зваться.

Громко да долго мать и сын спорят, слуг криками грозными пугая, но ссору их крик младенца прерывает. В радости такой, разногласия забывая, соглашается Святослав с доводами материнскими. Хвалы Берегине княгиня с князем слаженно возносят, забыв что миг назад убить друг друга готовы были. И вот уж богов рука об руку благодарят, за то, что жив и здоров ребенок, хоть и до срока в мир явился. Нарекает сына своего Святослав — Ярополком, для того что б на поле брани он так же яростно ратился, как в день рождения

своего за жизнь сражался.

(*Милостница — раздатчица милостыни при высокопоставленной особе. В данном случае при княгине — Прим. автора)

(* Тяжелое положение — здесь имеется ввиду беременность. — Прим. автора)

(*Робич — сын рабыни. Ольга имеет в виду, что признав сына/дочь от рабыни, Святослав даст ему статус князя/княжны, а не раба. — Прим. автора)

Глава 22. О заговорах и разговорах

Святослав.

С первым перезвоном капели апрельской, распрощавшись с женой, от родов раздобревшей, сыновьями да матерью, что как всегда рукой своей на путь легкий благословляет, отправляется Святослав в дорогу дальнюю. Как всегда налегке да с воинством малым, навестить дворец в Царьграде решает.

Острастки ради, является князь к воротам града стольного государства Византийского, хоть и со знаменем мирным, но одетым по военному, да при оружии. Тем силу да мощь свою кажа, пусть не думает грек, что слаба Русь и кто не попади ее варварской кликать может. Но открывают ворота Царьграда без разговоров лишних, да попыток оружие изъять, воинство русское пропускают не испугавшись. Видно Роман — царь византийский крепче духом оказывается, чем приписывалось ему шпионами княжескими, которые наперебой о трусливости да алчности императора докладывали. До дворца Святослава со свитой провожают войны греческие, со всех сторон в кольцо взяв, словно не чают довести русских до места, по дороге кого не потеряв. И идут они все по улице, камнем выложенной, меж домов и лачужек к дворцу продвигаясь, с лицами хмурыми да настороженными. Нет войны меж русским и греком, но и мира тоже нет, оттого и ждет каждый, когда меч вынуть можно будет.

Логофет, что у входа во дворец встречает, не подавившись словами о правилах и предписаниях, Святослава с парой воинов не под руки, как принято, а с осанкой прямой, как равных в зал к царю провожает. Видно все же боясь без рук остаться, коли попробует князя гордого, который лишь вкус побед ведает, склонить.

После встречи пустой, лишь поклонами взаимными ценной, да положенной этикетом трапезы, отпускают Святослава в покои, для него выделенные, с дороги отдохнуть, да сил набраться. Князь, времени зря не теряя, шпионов засылает, прознать, как к императрице по ближе подобраться, да внимания лишнего не привлечь.

Лишь три дня спустя шпионы, все углы дворцовые обнюхав да облазив, докладывают, что нет у Феофаны человека роднее, чем прислужница ее — Агапия. Девушка молодая и в меру ветреная. Слуги рассказывают, что в свое время она вместе с императрицей в таверне телом торговала. Ныне поручения разные для царицы выполняет, в том числе и в постель послов заморских ложится, что бы в утехах любовных, разузнать то, что в беседе деловой утаили. Служанка та хитрая, и не болтливая, оттого и ценна для Феофаны, что не выведать ничего лишнего у такой наперсницы. Но есть лазейка одна. У Агапии сестра меньшая — Гликерия. После смерти матери их, Агапия за сестрой смотрела, оттого близки они не только кровью, но и духом. Гликерии недавно пятнадцать исполнилось, ныне сестра старшая ей жениха подыскивает из торговцев по богаче и как следствие по старше. Девчонка же, как и все погодки ее, любовью бессмертной грезит, о царевиче каком-нибудь мечтая. Коли охмурить Гликерию, через нее и тайны Феофаны вызнать можно. Святослав, прознав, что хороша девчонка, сам поухаживать решается. Не зря матушка говорила, что бабам он люб, вот и повод проверить представился. Нравится женщинам стать суровая, да сила не прикрытая, оттого и льнут к нему прелестницы, за плечами широкими укрыться надеясь. Не

долго осада сердца девичьего длится, и пары седмиц минут не успевают с приезда князя, а Гликерия уже в его покоях ни раз побывать успевает. А еще дней пять спустя, меж ней и Святославом диалог важный, ради которого и затевалось все, состоялся.

— Хочешь, увезу тебя? Сбежим вместе на родню не оглядываясь? Княжество мое большое, есть, где укрыться. — Святослав, волосы девушке поглаживая, обещания несбыточные дает. — А коли захочешь, женой своей сделаю, будешь княжной моей? — И к Гликерии поворачиваясь, целует ласково в шею. Девушка, в объятьях мужчины млея, мечтами вдаль уносится, где она уже не девка, из милости при госпоже живущая, но княгиня важная, при муже своем статном. Зря Агапия говорила, что нет среди мужиков молодых достойного Гликерии. А вот же он, пред ней лежит, побег предлагая.

Святослав, тем временем, на животе девушки узоры рисуя, дальше допытывает:

— Ты прости, но разузнал про тебя немного. Должен был выведать, кого в жены звать собираюсь. Да прознал, что сестра твоя Агапия, христианка ревностная, да еще и самой императрице служит, оттого, коль захочет, Феофану супротив меня настроить сможет, отношения Руси с Византией подпортит.

— Господь с тобой, мой язычник, к чему сестре это делать? — Гликерия брови хмурит, не понимая, к чему князь клонит.

— Да за тем, что бы любви нашей помешать. Я ж для нее варвар не отесанный. Многобожник. Чего взять рабыни Иисуса от сына Велеса? Вот бы тайну какую знать с царице вашей.... Тогда, коли б стала она перепутья чинить нам с тобой, припугнули бы ее знанием своим, она бы и по отстала. — Святослав речь свою в ту сторону клонит, что ему интересней. Видит князь по глазам Гликерии, что знает та что-то, да пока сказать не решается. Оттого, что б подбодрить девушку, да на нужный лад настроить, поцелуями плечи ей покрывая, князь дальше говорить продолжает:

— Донесли мне, что царица ваша с воеводой путается, только вдруг болтовня то пустая? Кабы знать наверняка, точно бежать смогли бы....

— Правда то, Святославушка! Я сама слышала, как сестрица с Феофаной Никифором обсуждали, да о таких непотребствах судачили, что стыдно мне было то даже слушать, не то, что представить! — Не сдержавшись, Гликерия секрет мужчине рассказывает.

— Ох, неужто полководец пожилой, молодую царицу охмурить смог? — Не плохой скоморох из Святослава вышел бы, коль на поприще этом работать решил. Хоть и чуждо князю притворство и разговоры лживые, да, все одно, вранье ладно выходит. Правду в народе говорят, что коль талантливым ребенок родился, то талант тот во всем проявится.

— Да еще как! Агапия то в любовь не верит, чувство любое на злато пересчитывает и меня тому же учит. Вот и убеждает императрицу, что не с проста Никифор в покои ее заглядывает, а власть свою через ночи, с царицей проведенные, укрепляет. Только не слушает Феофана речей сестрицы моей, все твердит как заведенная, что не сыскать на свете мужчины лучше, чем полководец наш. Агапия уж грешит на то, что опоили царицу зельем любовным, а по мне так просто сердце женское оно завсегда ласки ищет, и коль воевода, с виду хмурый, приголубить Феофану смог, то и раскрыла она душу свою ему на встречу! С царем то у ней давно не ладится, тот в делах имперских погрязнув, в покоях царицы седмицами, а то и месяцами не бывает, а недавно слух пошел, что и вовсе царь наш себе полюбовницу завел. Так что нет удивительного в том, что императрица наша, женщина чувственная, себе тоже любовь нашла! А то как получается? Мужикам можно все, а нам степенными и терпеливыми быть должно?

— Ладно, хватит о них, — необходимое узнав, не видит Святослав смысла разговор продолжать. Значит, Фока на царство метит, а коли так, видать знает, как к трону пробраться. Дело за малым, если и впрямь императрица сверка неугодного отравила, то и на мужа рука подымется, коли совместное будущее с мужчиной любимым предложить. Гликерию к себе притягивая, забывает князь на сегодня дела государственные, в более приятном занятии растворяясь.

А на утро, лишь за дверь светелки своей полубовницу выставив, князь к себе службу требует, из тех, что верны ему без меры, хоть и рода женского.

Веря — девушка семье князя преданная, от того, что на службу в терем царский сама пришла, отца потеряв, а не насильно, как многие, рабыней из деревень завоеванных. Внешне мала она, да худа непомерно, оттого более на ребенка, чем на девицу молодую смахивает. Но обманчива та тонкость, так как любого война за пояс заткнет умением меч в руках держать, баба эта, а гибкостью да ловкостью, скоморохов гуттаперчевых с носом оставит. Десять лет назад до весны нынешней, пришла она к княгине на поклон, пацаненком прикинувшись, да в дружину к князю просясь, а как выяснилось, что Верес, не мальчик, но Веря, пожалели девку, покой княгини Ольги оберегать приставив. Ныне в поход вместе с князем девушка отправилась, что б поручение деликатное выполнить, коль потребуется. От Гликерии разузнав, что Никифор Феофану окручивал с целью не ясной, решает Святослав на слабости женской войну свою выиграть. Может и не должно то, мужчине козни плести, словно баба какая, но уж коли начал, то до конца идти надо. План его прост, но хитер. Знает князь, что коли случится что с императором, царица его регентом при детях малолетних станет, а так как в царстве Византийском баб всех за овец безмозглых держат, то скорей всего Феофане брак новый предстоит и коль не дурак Никифор, то вперед других на место мужа имперского подоспеет. Фоке Святослав весточку отправил, не от имени своего, а от того, кто якобы добра полководцу желает. В весточке той сообщает князь, что в скором времени император Роман почить в небытие может, оттого если хочет успеть полководец проводить царя своего в путь последний, да вдову его поддержать, пушай, не мешкая, в Константинополь выдвигается. К Феофане же Веря тенью не заметной в покои проберется, да разговор нужный проведет. Рассудив, что Никифор человек военный, да лояльный к княжеству русскому, в отличие от императора нынешнего, что с завистью на границы русов заглядывается, лучшим соседом будет, решает Святослав план свой в действие привести.

Веря, веления князя внимательно выслушав, головой кивает, да в полумраке коридоров растворяется, что б спустя два часа назад вернуться, да отчет предоставить.

— Ночи тихой, князь Святослав. По поручению вашему, к императрице Феофане отправилась, да намекнула, что известна нам связь ее с воеводой Никифором, и то, что не по своей воли старый царь в мир иной отправился, а с помощью яда из рук невестки. Даже бровью не повела царица, словно нет в ее сердце страха, лишь спросила, к чему разговоры пустые. Сказала я, что все мы смертны, цари али люди простые, и коль чего с Романом приключится, знаем, как Никифора приемником сделать, да права детей Феофаны на престол византийский при этом оставить. — Веря дух переводит, дальше продолжая. — Спросила царица, кому служу я, на что ответ получила, что земле греческой. Завтра по полудню, встретимся с ней в саду, у кустов розовых, для разговора дальнейшего.

— Спасибо, Веря, бесценна помощь твоя для княжества нашего, ныне ступай, да в одежду мужскую переоденься, что б коли столкнулась с тобой Феофана, то не узнала. —

Святослав, улыбаясь довольно, на перине растягивается, с непривычки, правда, уснуть долго не может, на постели слишком мягкой, для тела его, к сырой земле привыкшего, ворочаясь.

Лишь два дня спустя Верея является, ко времени тому, князь, изнервничавшись, надежду в сердце тешит, что не попалась девчонка в руки разведки византийский, да не болтается на дыбе в подвалах дворцовых. Не из жалости да сочувствия к телу женскому, а из-за возможного разоблачения переживая. Девушка, слегка помятая, да пропыленная, быстрый поклон, князю отвесив, одними губами шепчет, слухачей боясь:

— Следили за мной, на силу оторвалась. Феофана не дура, но жадная оказалась. Видно года, когда имя другое носила, да задом пред мужами за пять копеек крутила, в сердце ее не далече ушли. Услышав, что можно любовника своего на престол возвести, от супруга неугодного избавившись, да самой регентом при детях остаться, погубить Романа согласилась, и глазом не моргнув. Но затребовала за то, золота немерено! А когда я смеяться стала, говоря, что во благо Феофаны стараемся, да за то еще и денег платить должны, царица глаза злобно сузила, да змеюкой прошипела, что коль к порогу ее с предложениями такими прийти не забоялись, значит, не только ее цели в том преследуем. Не готова она костер своими ладошками разжигать, что б за бесплатно кто-то подле него погреться присел.

— Сколько хочет, баба алчная?

— Две сотни золотом. — Говорит Верея, голову вжимая, гнева княжеского боясь. Но не серчает Святослав, а смеется, приговаривая, что милостив Велес к нему, коль такую жену власти да денег алчущую врагу послал, что за горстку монет, своими руками в другой мир дорогу суженному выложит.

— Скажи ей, что сотню заплатим, половину сейчас, половину, как дело сделает, но коль дурить надумает, сама не проживет дольше суженного.

Спустя срок, положенный для пребывания делегации иностранной, уезжать Святослав собирается. Но осталось дело одно не оконченное с именем красивым — Гликерия. Коль оставить девчонку, в Царьграде бросив, с глупости да обиды бабьей рассказать сестрице может, что с князем путаясь, тайны государственные ему открыла. Коль прознает Феофана, что за предложениями страшными русские стоят, испугаться может, да передумать. Оттого, покумекав немного, решает князь Гликерию с собой увезти, да другу верному Добрыне по прибытию подарить. А уж, кем она ему будет, все равно, лишь бы планы Святослава до срока не раскрыла. Да и не обидит друг девчонку, не из тех мужей Добрыня, что за счет бабы величие свое тешат. Но девчонка удивляет князя знатно, когда в ночь перед отъездом в покои к нему тишком является, да глаза пряча, говорит, что не может с Царьграда уехать, сестру предав. Оттого любовь к Святославу в сердце своем беречь будет, а коли позволит Единый, то когда-нибудь вновь свидятся. Поражается князь рассудительности не детской, но более не настаивает. Коль не держит Гликерия сердца на него, то и преград чинить не станет. Подарив на прощанье девушке бусинку янтарную, с жучком красивым внутри, отпускает Святослав ее, в любви и верности вечной на прощанье поклявшийся. А на утро уезжает князь с дружиной, из града стольного Царьграда, с Романом прощаясь, да заверения в дружбе делая. Однако, подарок царю оставляет, в виде Вереи на улицах города с деньгами затерявшейся, которой приказано, смерти императорской дождавшись, с царицей расплатиться и в Киев с новостями вернуться.

А уже к середине лета, две радостные вести Святослава посещают. Одна из которых, о рождение наследника нового, что Малушка ему дала. Вторая из Царьграда о смерти

имперской. Сына, от женщины некогда любимой, Святослав как княжича равного двум своим первенцам признает, по традициям всем глашатаев отправляя, кричать о пополнении в семье княжеской, да столы за рождение наследника нового накрывать велит. Ребенка Владимиром нарекают, что б миром владел, да сильным был. Сам же Святослав в дорогу снаряжается, что б Малушку с сыном проведать, но мать рукой властной его останавливает, говоря, что не место князя подле любовницы, когда жена с ребенком малым дома сидит. Убеждает Ольга Святослава, что сама за Владимиром съездит, и что лучше от этого всем будет. Оттого, от забот рода отвлекшись, князь на вторую весть взор свой переносит. Благое лето ныне! Кто надо родился и кто надо помер! Шпионов призвав, донесения Святослав слушает, о том, что скончался Роман, злой рукой отравленный, а в лагере военном под Кесарией, полководец Никифор императором новым провозглашен, и в сторону столицы Византийской выдвигается, с целью женитьбы на Феофане, для сохранения детьми ее статуса царского. И коли никто на пути его преград чинить не станет, то уже к закату лета, от грека всему миру весть придет о смене царя в Константинополе.

Хорошо тому, чьи планы сбываются, а невзгоды да невезение стороной обходят. Да не понять человеку счастливому, того от кого счастье отворачивается. Удачлив Святослав в году этом, да победами окрыленный, о тех, кто дорог когда-то был забывает. Все смывается в суету времени, даже любовь к Малушке, что когда-то сердце сковывала.

Малфред.

Есть у судьбы свои дети, которых тешит она, в колыбели рук качая, да молоком материнским из грудей своих вскармливает. А есть пасынки, которым вместо пряничка сладкого, одни колотушки да окрики достаются. Малушка всегда для судьбы падчерицей была, о чем прознала еще в детстве раннем, когда под набегом хазар чернявых, умирала деревня родная дотла выжженная. Когда в ушах до звона крики слышались, тех, кто вчера еще соседом был, да слезы бессилия по щекам катились, в ожидание собственной кончины. Кабы не брат ее кровный — Добрыня, тоже б сгорела, с места двинуться от страха не смея, но подзатыльник рукой тяжелой от брата получив, зайцем пуганым вслед за ним поскакала.

Как сбежать смогли до сих пор не понимает, но деревню только они одни покинуть сумели. Остальные же.... Всех кого знали Малушка с Добрыней, да любили хазары коли не сожгли, так в свои города рабами угнали. Тяжелы годы те были, скитаний полные, когда бродили дети, пристанища ища, да благо минули. Сначала за милостыню жили, по домам сельским хлеба прося, только чем ближе зима подкрадывалась, тем жадней да бес сердечнее крестьянин становился. Оно и ясно, своя рубашка к телу ближе будет, тут незнамо сам перезимуешь ли, а еще попрошаек подкармливать. К морозам, в конец оголодавшие, да замерзающие, за пару кусков мяса жареного, боярину в рабство продались. Думала Малфред, что кончились страдания их, в тепле за забором каменным нет тревог тех, что на дорогах встречаются. Любо служить человеку хорошему, что не бьет, а кормит да работой больше должного не заваливает. Но не так добр господин оказался, как в начале виделось. Малушку от грязи отмытую, да в платье шерстяное ряженную увидав, возжелал боярин так крепко, что и силой взять не побрезговал. Как могла противилась девушка, плача и умоляя не трогать ее, но глух к мольбам девичьим хозяин похотливый оказался, за что и поплатился. Нельзя зверя в угол загонять, когда отступать не куда, даже мышь в атаку пойдет. Испуганная, да облапленная, схватила девушка кочергу, и огрела, что есть мочи, боярина по голове, чуть к Озему не сослав добродетеля своего. Добрыня, сестру в платье разорванном, увидав, да в

глаза шалые заглянув, без слов понял все. У кашеварки хлеба полушку да пару яблок зеленых стянув, схватил Малушку, да суетой всеобщей пользуясь из дома боярского вывел.

И снова бежали. Да в этот раз так, что в груди от бега быстрого пожар разгорался, воздух со свистом из легких выталкивая. На благо в тот день судьба видно вздремнуть прилегла, да просмотрела, как доброе небо, над сиротами сжалилось, дождем со снегом проливаясь, следы беглецов смыло. Оттого и собаки не нашли их, хоть наверняка искали, виданное ли дело рабы сбежать удумали, хозяина покалечив, за такое не просто смерть, а казнь мучительная грозит. Потом седмицу с братом в лесу в шалаше из лапника жили. Велес добр к детям своим, всегда накормит, напоит, да от погони спрячет. Да только в дни студены лапник не греет, а огонь развести боязно, вдруг увидит кто, да найдет.

Может и пропали б вовсе, зима в тот год теплом не баловала, как молодой волчонок-переляк, на путников да бездомных, холодными иглами зубов своих снежных скалясь, добычи алкала. Но недалеко от места, где сироты прятались, лагерь военный князь киевский развернул, на него то и вышли случайно брат с сестрой. С перепугу бежать пытались, но куда голодным да измученным юнцам с войнами бывальными в скорости тягаться. Поймали, как щенят слепых, да к князю на поклон за шиворот и притащили. Неизвестно, отчего Святослав столь милостив был в день тот, что живыми их оставил, да боярину назад не вернул. Допросив, пощадил, мольбам сироток внявши. Добрыню Святослав в дружину службу нести назначил, а Малушку рабыней для Ольги сделал. Так свободой своей сестра за волю брата откупилась. С той поры Добрыня-богатырь при князе поверенный, человек свободный, да друг его близкий. Указом своим высоким разрешил Святослав брату Малушкиному ни перед кем спину не гнуть, окромя как пред семьей княжеской, тем самым вознеся сироту из деревни сожженной до уровня воевод знатных. Сама же Малушка, хоть и без вольной осталась, а все одно в месте добром. Любо девке подле Ольги находиться, да слово ее слугам нести.

Ладные дни настали. Теплые, сытные, да безопасные.

Есть те, кто на первой кочке ниц падают, дорогу свою продолжать не умея, а есть те, кто по ухабам едет, а все одно песни задорные поет. Малушка из тех, кто путь трудный пройдя, озорства, да веселья юного не растеряла. Оттого, видать, и приглянулась князю. Отказать в близости, не сумев, постель не раз со Святославом делила, и не удивилась, поняв, что понесла. Как прекрасно от любимого чадо под сердцем носить! Но недолго радость длилась. Надеялась, конечно, по началу ключница, что возрадуется Ольга ребенку ее, так же как и другим своим внукам, ведь и в Малушкином ребенке кровь Рюриковичей протекает. Может и порадовалась бы княгиня прибавлению, коли не день тот дурной, когда Малфред по ее указу на мороз бегала, а вернувшись в терем, поняла, что худо ей до беспамятства. Живот в узел крутит, ноги от холода заиндевели, еще и тошнота от бега быстрого волнами подкатывает. А тут прислужница Предславы явилась, да тоном приказным стала требовать, что бы Малфред к ее княжне бежала. С приступами рвоты борясь, ответила женщина рабыне зарвавшейся, что не указ ей Белава, оттого пусть слова свои приказные для себя оставит. А коль княжне молодой чего от Малфред надо, то пусть обождет маленько, в скором времени к ее покоям явится. Не подумала милостница княгини в момент тот, что Белава, обиду тая, слова ее по иному супруге Святослава передаст. Оттого, когда под руки белые Малушку стражи к Ольге тащили, не могла понять женщина, чем гнев хозяйки вызвала.

Ныне же едет Малфред в телеге старой по ухабам дороги лесной, и не знает, что делать дальше. Куда взгляд не кинешь кругом деревья кривые да болота непроходимые и не ясно

оттого толи в деревню, богами забытую, везут, то ли в топи этой и оставят пиявкам на поругание. Лишь одно покой в сердце приносит — надежда, что не даст Святослав ей в глуши сгинуть, мать на место поставив, любовницу свою назад в Киев вернет. Ей же остается лишь ждать, да Ладе молится, что бы не забыл мужчина любовь свою, тепло в сердце сохранив.

Деревня, в которую Малушку привезли, куда не глянь беднотой да грязнотой глаз радует. Окрест ни одного поля плодородного, лишь лесом болотистым люд и кормится, а чаще меж вех и пропадает бесследно, сам добычей чащи становясь. Говорят, что батька Леший отвернулся от селения, потому и водит всех, кто без подношения должного во владения его нос сует. Меж частоколов не ошкуренных детвора босоногая бегаёт. Что странно — ребятни в деревне совсем не много, видать не приживаются чадца в селении полуголодном. Дом куда женщину привозят, от соседских выгодно отличается, бревнами крепкими, что кладкой ровной стены образуют, да по щелям кизяком утепленными, крышей гладкой, прорехами не украшенной, да окнами со ставнями резными. Коли глянуть со стороны на хоромы, которые Малушке для житья предоставлены, то подумать можно, что не совсем уж княгине на ключницу свою наплевать. Хотя скорей всего не о полубовнице сына, а о ребенке, что она под сердцем носит забота эта.

То, что не приедет князь ей на выручку, Малушке ясно только через седмицу становится, когда служанка, которая за ней приглядывать поставлена, полусловом обмолвилась, о том что никому окромя Ольги неизвестно где полубовницу Святослава прячут, а сам князь в скором времени в Византию отбывает дела княжества решать.

Горько предательство, что от любимого исходит. Нет участи хуже, чем надежду потерять, которая сердце ночами согревала. Помнит Малушка клятвы князя, что не даст он в обиду женщину свою. Где он ныне с обещаниями теми? Прав был Добрыня, когда предупреждал, что б заканчивала Малфред со Святославом миловаться, так как коли прознает жена его, несдобровать любовнице. Смеялась сестра над глупостью брата, говоря, что никому князь не позволит ее обижать. А Добрыня, лишь головой на слова эти качая, все свое гнул, что войны разные бывают, и в те, что меж бабами проходят, мужик не полезет. Оттого не стоит надежды тешить, что от матери своей иль от жены Святослав защитит Малушку сможет. Поздно женщина прозрела, правоту брата признав. Ныне сидит подле печки не топленной, с тоской в окно глядя, и понимает, что век ей куковать здесь меж торфяников.

Долго дни высылки для Малушки тянутся, будто жизнь ее в телегу старую запрягла, а она как кляча десятилетняя с подковами отбитыми, тащит ношу не подъемную до конца поля живой добраться не чая. Сменяет погода пейзаж за окном. То дождем с неба проливаясь, весна зиму посторонится просит, то солнце жаркое, лучами обжигая, уж весну попирает, начало лета предвещая. Но что бы не было за окном тем, снег, град или марево душное, сидит женщина у печки своей о воле мечтая, живот быстро растущий поглаживает.

Сегодня, в поту и крови, лежит Малфред, с душою ясной. Целую ночь в родовой горячке промаявшись, жизнь княжичу новому дала. Слуги крутятся, от грязи женщину отмывая, да ребеночка пеленая, а роженица с туманом в глазах в потолок глядит, счастьем своему улыбаясь. Неужто сбылись мечты ее, и здоровый ребенок свет увидел? Мальчик! Княжич! Опора земли русской! Сколько радости может рождение жизни новой принести? Немерено! Вот и ребенка подносят матери, протягивая. Мальчонка, глазами умными поглядывает,

словно оценивая, женщину, что на свет его родила. Затем, решив для себя что-то головкой маленькой, к груди присасывается, в блаженстве от тепла материнского засыпая. Вот оно счастье бабье — дитя в руках тешить, ради того и мученья все, что судьба щедро сыпала, стерпеть можно.

Ольга.

Получив известие, что Малфред от бремени разрешилась благополучно, княжича нового свету явив, собирается Ольга в Будятычи ехать, где опальная мать дитя нянчит.

Деревня, куда княгиня со свитой прибывает, хлебом солью встречает, да в дом небольшой, но крепкий на окраине провожает. Перешептываясь, да переглядываясь, гадают люди, зачем княгиня к ним явилась, да в избу, где недавно баба дитя народила, отправилась. То что не простая женщина на выселках живет, крестьяне давно смекнули, правда сколько не гадали, так прознать и не смогли, отчего женщина эта, так на боярыню похожая, в их глушь явилась. Но местные кумушки, с рабынями женщины беременной пообщавшись, "правду" прознали. Рассказала кашеварка из дома странного, что женщина беременная, княжескому дому дружна, но ребеночек во чреве слабо держится, вот повитуха и с советовала, в местности болотистой пожить. Вроде как дух лесной от ребеночка смерть отвести может. Крестьяне, что лесовика паче Велеса почитают, историю ту на веру приняли, а за месяцы долгие и вообще интерес к бабе странной подрастеряли. Ныне же приезд княгини, волну новую всколыхнул, и, дела свои позабыв, крестьяне вновь по углам судачат, избу на отшибе обсуждая.

Ольга, убедившись, что внук ее здоров да крепок, за Малушкой посылает. Девушка, от родов измученная, но все одно красоты своей не растерявшая, в простом домотканом платье пред очи княгини является.

— Мир тебе, княгиня-мать. — Послушно женщина склоняется, в душе надежды теша, что заберет ее Ольга из глуши этой, в Киев вернуться позволяя.

— И тебе мира, Малфред. Приехала я, на внука своего, княжича русского поглядеть. Хорош, на сына моего похож больно, за то благодарность тебе отдельная. Потешила сердце мое старое, напоминанием о том, как сама я матерью стала. Дитя Святослав Владимиром нарек, что б миром владел он.

— Спасибо, матушка. — Малфред покорно в пояс Ольге кланяется, от похвалы млея, коли слова добрые мать Святослава говорит, значит простила милостницу свою беспутную.

— То не все. Ребенок со мной в Киев отправится, чтоб Святослав пред всем народом признать его мог, и имя свое дать. Ты же тут остаешься, покуда не решу, что делать с тобой дальше. — И видя, как девушка, с лица спав, плакать начинает, чуть мягче княгиня добавляет: — За ребенком брат твой — Добрыня приглядывать будет, сын твой воспитанником дяде своему станет.

— Прощу, не губите. — Малуша на коленях к ногам Ольги бросается. — Не отбирайте дитя мое. Мал еще княжич, пусть подле матери побудет, покуда срок обучения воинского не наступил!

— Полно тебе, глупая! Как защитишь здесь княжича, коль прознают, кто ты? Аль думаешь врагов у Святослава нет, что через сына ему мстить возжелают? — Ольга злиться начинает. Не хочет она дитя с матерью разлучать, да только нельзя княжича в глуши этой оставить. Непокойно ныне. Народ на два лагеря поделился, одни во Христа веруют, другие в богов, что предками завещаны. И каждый долгом своим считает, веру истинную, по

мнению его, до соседа донести. Оттого половина земель русских Ольгу на колу за предательство веры видеть желает, вторая Святослава в петле за твердолобость и не желание в Бога истинного уверовать. Кипит Русь, бурной рекой волнений плотину спокойствия ломая, а где первая течь будет неясно. Нельзя ребенка в Будятине бросать. И мать его взять нельзя. Не только от своего гнева Ольга Малушку сослала, но и гнева дочки боярской, что волей судьбы женой Святославу стала, боясь. Предслава тиха, а отец у ней лютый, мало ль чем бабе брюхатой навредить мог, дочь свою да внука защищая. Оттого и выслала Ольга Малфред, даже Святославу не сказав, где любимую его упрятала. Ныне же, коль воротит ее в Киев, жена князя, тем оскорбиться, да козни строить будет. А на кого злоба ее изольется, на Малушку аль на Владимира не ясно. То что страшны бабы, измену учуявшие, Ольга по себе помнит. Не простит супруга законная близость любовницы с придатком. Лишь то, что Святослав дитя Малфред признал, Предславу зубами скрипеть в злобе заставило, а что будет коли с ребенком с высылки еще и мать его вернется, то вообще никому не ведомо.

— С собой меня возьми! Полы мыть стану, горшки чистить! Только не забирай сына, молю! — Рыдает женщина, слезами солеными доски половые заливая.

— Молчи! Забыла, пред кем стоишь? Кого просишь? Горшки мыть! Должно ли матери княжича полемойкой работать? И так всю жизнь тобой мальчика попрекать станут, а ты еще горше судьбы ему хочешь! Позором покрыть, что бы каждый на Руси и за пределами ее, говорил, что сын Святослава робищ? — За злостью Ольга жалость скрыть пытается. Не знает женщина, как успокоить ту, кто и матерью не побыв, дитя лишается, но и поделать ничего не может. Видит Ольга, как меняются глаза Малфред, как зажигается в них огонь безумия, как смеяться начинает женщина, смехом тем, что лишь юродивые раздражаются.

— Знаешь ли ты Ольга, как дерево гнилое выглядит? Да откуда тебе знать, дальше терема княжеского не ступавшей. А я поведаю. — Ровен голос Малушки, будто и не было истерики миг назад, лишь в глазах огонь скаженный, что о рассудке не здоровом говорит. — Стоит оно, с виду крепкое, кора тверда, да корни по земле на три локтя тянуться. А листьев нет. словно навек зима красоту зелени отобрала. Рубишь такое дерево, думаешь, дровами запасешься, я его внутри уж давно черви сожрали. И гнилью воняет так, что желудок в спазме корчит. Так и ты, Ольга, что то дерево, с виду крепка да могуча, а душой выгнила без остатка. Та, что дитя свое имея, да зная, как сильна любовь материнская, отобрать у другой ребенка может, вместо сердца навоза кусок носит! — И вновь, смехом заливаясь, между всхлипами проклятья выкрикивая.

— Ой, ли о ребенке лишь заботишься? Или надежды имела княгиней при сыне стать? Так знай, что коли и суждено Владимиру место Святослава когда-нибудь занять, то все одно, подле него не ты, а супруга сына моего будет. Ты же, как была рабыней, так ей на век и останешься. — Встает Ольга, не желая больше слушать девку безумную, слугам собираться приказывая, из избы выходит. Где за тенью сарая спрятавшись, камни в забор кидает, злость свою да жалость неуместную сбрасывая.

— Тяжело правду слушать, Олюшка? — Морена на забор вскакивает, камней летящих не боясь. — Ведь крепка девка была, и кровью сильная, такую руду не жаль в династию влить, не ослабит, но усилит род княжеский.

— Коль взяла б с собой дуру эту, беда б не миновала. Да и о какой руде ты речь ведешь? Рабыня она безмозглая, не бывать ей княгиней!

— Откуда знать о том, что не сделано? Малушка бы опорой Святославу стала. Такая женщина грудью закроет, а князя под удар не поставит. И коварства плести не станет, будет

женой послушной да матерью доброй. А что кровей простых, так ты тоже не из знати будешь. — С забора ведьма прыгивает, подле Ольги становясь, да камень поувесистей отыскивая, что б к забаве княгини присоединится. — А Предслава давно Святослава волновать перестала, рано али поздно все одно в опалу попадет, он ее и вышлет. Кровь у сына твоего горяча без меры, он дела вперед думы делает. Жену свою слушать не станет, а к Малушке бы прислушивался. Не от того, что ума в ней палата, а от того, что по сердцу ему девка. Вот и ты, через милостницу свою, ключик к Святославу подобрала бы. Знаешь, как в народе говорят, сколько б соловей не пел, а кукушка ночная все одно перекукует.

— Тем паче, не место кукушке этой в Киеве, что бы сын мой мне, а не ей послушен оставался!

— Так ты о себе печешься? Так чего заботой о близких тогда прикрываешься? Честней надо быть, княгиня, ежели не перед другими, то хоть перед собой. — Смеется Морена, словами правдивыми княгиню обвиняя.

— Скаженная она. В глаза глянуть только, сразу ясно, не в уме баба. — Ольга от слов Морены отмахивается, слушать не желая. — Оттого не место ей подле Святослава, мало ли как юродивая на сына и внука повлиять сможет.

— До встречи с тобой нормальной была. Заметила ли ты, Олюшка, кто подле тебя не окажется, коль не издохнет, так умом тронется. — Как всегда, сказав должное, исчезает ведьма, ответа не дождавшись. Лишь смех звонкий, да дыру в заборе после себя оставляя.

Сплюнув наземь, как княгине не пристало бы, идет Ольга в дорогу снаряжаться. В светелке Малушка сидит, сына к груди прижимая, рычит кошкой дикой, дитя никому не отдавая. И уговорами и угрозами челядь чадо выманить силится, но женщина, в ребенка вцепившись, кричит зверем раненым.

— Вон пошли все! — Ольга слуг прогоняет, сама подле бабы несчастной присаживаясь. — По что кричишь, как оглашенная, ребенка пугая? Делом таким пуще прежнего мне доказала, что не место крови Рюриковичей возле тебя. Ты дитя собрать в путь должна была, да, зная, что судьба ему лучшая уготована, чем та, что с тобой в деревне этой пройти может, с миром отпустить. Ты же душу терзаешь и себе и младенцу. Кто в ком больше нуждается? Дитя, что и не вспомнит тебя через седмицу или ты, что в горе своем упиваешься, с мечтами о княжестве прощаясь? Коли любишь ребенка, отдай, что бы место свое законное подле отца его занять смог. Если дурить перестанешь, как смута уляжется, сможешь видеться с сыном. А будешь и дальше блажить, сгинешь в деревне этой, всеми забытая. — Убаюкав Малушку словами своими, княгиня ребенка из рук ее забирает, прочь унося. Опомнившись, женщина следом кидается, крича и моля ребенка вернуть, но стражниками суровыми остановленная, в руках их бессильно обмякает, слезами заходясь.

Избу покидая, да ребенка увозя, слышит Ольга крик Малушки, в спину проклинаящей, и думает, что, пожалуй, уж давно проклята.

Глава 23. О войнах и решениях принятых

Смотрит Ольга на внуков, под сенью терема княжеского резвящихся. Смотрит и думает, сколь несчастны дети эти, что в годы юные тепла материнского лишились, да ранее, чем говорить научились, в руках мечи держат. Много ли им уготовано и сладка ли жизнь княжичей малых будет? Сколько лет прошло с поры той, что она сама ребенком на полу в избе родительской соломенными куклами потешалась? Думала ли мать ее тогда, как судьба дочерняя сложится? Гадала ли о том, что, быть может, случится ей смерть ребенка своего увидеть? Каждый день Ольга вести дурной ждет, что сын ее пал в сечи кровавой, али в плен попал, что еще хуже будет. Каждый раз сына в поход провожая, на сердце замок вешает, что б не трепыхалось, глупое, беду кликая.

Месяц назад Святослав за злато, что грек посулил, на болгара пошел. За пятнадцать кентинариев* голову свою под меч подставляет. Да успеет ли уклониться, раньше, чем сталь на горло надавит?

Запыхавшийся стражник вида непотребного да взволнованный не по мере, мысли малохольные, что Ольгу терзают, прибытием своим развеивает. Падает ниц пред княгиней и голосом, от бега долгого срывающимся, докладывает:

— Печенеги идут! Гонца нашего, что мы к ним отправили, из лука подбили, а голову его на знамена надели!

Ясно дело не с мирными целями печенеги в сторону Киева путь держат. В норах своих долго сидели, дань платя, ныне же про отъезд Святослава прознав, в поход двинулись. Страх ладонями липкими за горло княгиню хватает. Здесь же княжичи все, Святославовичи. Коль пройдет печенег, какова добыча будет! Мать старуха, жена красавица да трое мальчишек, крови Рюриковичей.

Ужасом охваченная, не сразу слышит княгиня, как стражник ей дальше докладывает:

— Извольте, княгиня, не продержимся долго. Градские стены крепки, да воинов на оборону мало. Всех лучших князь в поход забрал. В городе лишь старики да дети остались, и пара сотен солдат всего. Знал враг, когда в дом наш прийти, лишь хозяин за дверь вышел, так он тут как тут! Воевода к вам меня отправил, что б указания получить.

Коли не были бы дела их столь печальны, от души бы княгиня повеселилась, тому, что старый Свенельд в растерянности к ней, бабе, за советом военным ратников шлет. Но не время потешаться, да воеводу дразнить, надо думать, как весть Святославу в обход окружения отправить. Иначе ясно, как день, что если князь не вернется во время ближайшее, падет Киев, печенегам поклонившись. Коль не силой ворота вынесут, то голодом город заморят, в кольцо военном держа. Благо хоть, по указу ее дома, что близ стен градских стоят, да и терем княжеский, ныне не из бревен сложены, а камнем облицованы. Пожаришь не будет, и то хлеб. Успокоив себя, тем, что время есть еще, княгиня указы раздавать начинает:

— Под градом ходов тайных много, женщин, детей да стариков соберите и к терему приводите. Мужчинам всем, что старше двенадцати весен, оружие дать, да на стены отправить. Дюжина воинов, что меч в руках держат уверенно, с нами под землю пойдут, коль прорвется печенег, в коридорах темных и того для защиты хватит. Княжичей с няньками ко мне созовите, да найдите паренька половчее, да смелостью не обделенного и что б печенежский разумел, как язык родной.

Кивает страж, расчетливым спокойствием Ольги заражаясь, поручения выполнять убегает.

Деян, прознав, что печенеги напали, первым из сарая вилы хватает и в сторону ворот градских идет, в оборону к киевлянам проситься. Пока мужики соседские кумекают, пройдет ли враг на землю нашу, а некоторые, отчаянно трусая, слово бабы по подвалам прячутся, Деян, не робея к воинам идет помощь посильную оказывать. Знает парень, что коль волю печенегам дай пожгут все, да баб на пепелищах с сильничают. О том, кто печенеги такие, Деяну мать рассказывала, что и сама их племени была, пока отец не выкрал и в Киев не привез. Рассказывала матушка, что не любит народ этот русов, за то, что дань на них Игорем еще наложена. Смирившись с судьбой жены киевлянина, женщина сына народила, да тайком от мужа, дитя свое языку родному выучила. Но любовь к печенегам прививать не стала, знала, коль придется сыну прибежища искать, все одно не примут сородича сына девки, по мнению их, беглой.

Деян уж до ворот доходит, когда его старик воевода останавливает:

— Деян, мальчик мой, зачем вилы взял? Неужто печенегам соломки накладывать удумал? Ладно, не серчай на старика, лучше вот чего скажи, ты ж печенежский разумеешь?

Еще не понимая, к чему воевода клонит, кивает Деян, на продолжение речи надеясь.

— Здорово то как! Пошли со мной, да пошли не бойсь, помощь твоя не тут надобна. Здесь, уж коли печенеги ворота выбьют, никто не поможет, тем паче юнец, вилами вооруженный.

Все больше Деян удивляется, покуда старик со скоростью, возрасту его не свойственной, под землю туннелями спускаться начинает. Свет факелов увидав, понимает парень, что то не просто подвалы, а схороны, где бабы с детьми от войны прячутся.

Неужто старик в караул подле женщин его кинуть хочет, на то Деян не подписывался, баб с их истериками да днями праздными он на дух не выносит. Только сказать о том решает, а воевода его уже кулаком вперед подталкивает, к месту, где княгиня сидит, подгоняя.

Ольгу вблизи Деян ни разу не видал, но что она это, сразу понимает. Уж больно много о ней кумушки местные судачат, что б при встрече не узнать, кто пред тобой. Княгиня от баб других, что в комнате сидят, не только роскошью платья отлична, но и тем, как голову подымая, подбородок ровно держит. Еще глазами, что спокойны, словно и нет волнений за пределами стен этих, да руками, что хоть и белы, а все одно видать работы тяжелой не боятся. Статная. Такая, что веруешь истинно, коль надо будет и хлеб сама посеет и голову врагу рукой собственной снимет. За такую женщину мужчина на смерть пойдет, калика-странник* о ней песнь затянет, а враг склонится, ноги целуя.

— Кого привел ты ко мне, Свенельд? — Ольга провожатого спрашивает.

— Это, матушка, Деян — сын мельника, что у западных ворот промыслом занимается. — Воевода парнишку вперед подталкивает, да за рукав дергает, чтоб, значит, поклон отвесил, а не глазами хлопал. — Мне сказали, просила ты молодца найти, что б с печенегами говорить мог, словно свой, а не пришлый. Так вот его и привел. Мать паренька из их племени басурманского будет, вот и учила мальчика языку родному.

— А не захочет ли малец, тобой приведенный, вместо того, что б помощь позвать, ворота ворогу открыть? Знаешь ли ты, чему еще его мать учила? Может нас презирать, да печенегам в ноги кланяться? — На Деяна княгиня смотрит взглядом острым, словно знает,

что прячет он не ток в одежде, но и под кожей.

— Мать моя учила место любить, где на свет явился, да отца почитать, что жизнь дал. Я здесь родился, и предки мои киевлянами были, оттого печенегам кланяться не стану. — Вместо Свенельда Деян отвечает, вопросом княгини обиженный.

— Складно говоришь, да вот правду ли? Не ярись, вижу, славный ты парень, да и нет другого нынче, кто помочь сможет. Раз княгине ответить не струсил, то и перед ликом смерти, дрожать не станешь. — Умолкает Ольга, ответа парня дожидаясь.

— Не стану. — Краток Деян, но тверд в словах своих.

— Коли так, сядь да послушай. По ту сторону Днепра, воевода Претич людей собирает, в Переяславец вести на подмогу князю Святославу. Сын мой нынче вновь в поход отправился, землю родную без меча своего оставив, чем печенег и воспользовался. Коль не выдвинулся Претич пока в сторону болгар, то свезло нам. Я тебя ходом подземным за стену выведу, к лесу поближе. Ты печенегом прикинься, скажи, что конь понес, да в чашу убеги, а сам, как лагерь врага пройдешь, к воеводе через Днепр беги, да передай, коль на помощь не явится, и седмицы не пройдет, как сдам град узколицым*, на милость врага надеюсь. Так как нет в городе ни еды, ни воды вдосталь, чтоб осаду месяцами держать. А уж сможет ли Святослав потом простить тех, кто семью его не сберег, мне не ведомо, но верю я, что Претич на своей шкуре гнев сына моего ощутит, коль не поторопится.

Не обманула Ольга, и в самом деле сама по ходам сырым, в плесени подземелья испачкаться не боясь, провожатой пошла. Уверенно петляя коридорами темными, крыс факелом разгоняет, будто и не боясь вовсе грызунов этих. Другая б уж верещала почем зря. А княгиня, поступью уверенной выпшагивая, лишь шипит недовольно, когда из-под ног, в туфли кожаные обутые, комок меха выскакивает.

Из темных лабиринтов переходов подземных, выходит Деян, пыль, с сермяжных штанов стряхивая, да прихрамывая на ногу левую, будто и впрямь с коня свалился, к лагерю вражескому направляется. Тем, кто спрашивает кто таков, да откуда путь держит, байку про лошадь в чашу сбежавшую рассказывает. Лишь когда в Днепр прыгает, да плыть на берег другой начинает, понимают печенеги, что парень из мужей киевских, и вдогонку бросаются, да уж поздно. Руками мощными гребки сильные делая, сбегает Деян никем не пойманный. В след ему стрелы летят, из луков вражеских выпущенные, подбить его силясь, но шустрый парень, под стрелу не попадая, реку в целости и сохранности одолевает.

Сыро в подвалах, где волею судьбы женщинам с детьми прятаться пришлось. По серым стенам тени гуляют, да где-то крысы чуть слышно диалог свой ведут. Споря, видно, кто первый людей жрать станет, когда помрут те, выхода из-под земли не найдя. В темных углах, от бликов лучин, фигуры страшные мерещатся, да запах затхлый, что местам беззаконным свойственен, ноздри раздражает. Земля промерзлая, не смотря на время теплое, ноги сквозь тапочки тканые студит, лихорадку предвещая. У каждого своя война. У мужчин на поле брани с мечом в руках, у женщин в подвалах, с детьми, что за юбки в испуге хватаются. И каждому страшно, хоть вояке бывалому, хоть бабе, ребенка прячущей. Ольга, головы княжичам поочередно поглаживая, пальцы кусает, от неизвестности умирая. Уж три дня минуло с поры той, что парня за помощью заслала, а подмоги все не видать. Может, сгинул Деян, под стрелами печенегов. Может, предал, сродственникам матери в город войти помогая. Может Претич в помощи отказал, гнева Святослава не боясь, копыта вражеского сильнее испугался. А, может, и просто не успел парень воеводу перехватить, до того как он в

сторону Переяславца выдвинулся. Сколько этих самых "может" в голове княгини вертится, сосчитать никто не сумеет. Да и сама Ольга, коли спросить не ответит, чего сильней боится, в подвале сгннуть, али ворогу сдаться. Надежда, что спасенье придет, с часом каждым умирает все явственней, в смертельной агонии заходясь. Решает для себя княгиня, что еже ли сегодня Деян не воротится, воинство Претича с собой приводя, то выведет Ольга Предславу с внуками по туннелю подземному к реке, а потом ворота врагу и откроет, покуда радостно в Киев печенег врыватья станет, глядишь, невестка с детишками скрыться успеет. Тяжко ожидание, когда неизвестностью маешься, но лишь решение принято, на сердце сразу легче становится.

Где-то в дали слышны крики людей, да короткие бои, что на стенах проходят. Видно не хочет печенег набегом город брать, людьми своими жертвуя, но измором взять желает, дождавшись, когда в отчаянье киевляне сами ворота подымут. Пока лишь нетерпеливых юнцов в бой засылают, в бесплодных попытках по стенам в град перелезть.

Ходит княгиня, в заточение своем с ума сходя, других по мере сил успокоить пытается. В уголке, на пучке соломы примостившись, сидит Предслава, в такт завываниям собственным покачиваясь, с глазами от страха обезумевшими. Вокруг княжны молодой рабыни приближенные выются, успокоить женщину пытаясь, только жена Святослава не видит забот их, ужасом своим упиваясь, лишь горше в плаче заходится. Ольга, раздражение свое на невестку срывая, по щекам ее хлещет, приговаривая:

— Полно рыдать! Тебе легче не станет, лишь детей напугаешь! — Но Предслава, слов свекрови не слыша, щеки огненные потирает и дальше воет, словно волчица к зиме весь помет растерявшая. Понимает Ольга, чего невестка боится, ведь коль войдет печенег, сама княгиня лишь товаром меж врагом и Святославом станет, а вот Предслава трофеем военным. Ее назад мужу не вернут, для утех князя печенежского оставляя. Вот и рвет на себе волосы девка, к доле не легкой готовясь. Только должно ли княжне голосить, как бабе базарной, еще словами своими беду накличет. Без ее вытья, вздернуться хочется, а с ней и подавно скаженной станешь. За руку Ольга невестку хватает, от земли отрывая, с силой такой, будто не бабу взрослую, а щенка переярка по малолетству нашкодившего, подняла.

— Ты княжна, а горланишь как деревенщина. Примером своим, умы слабые поддерживать должна, меж врагом и сыном мечом карающим стать. А не выть, словно родных схоронила, да детей пугать больше должного. — Ольга Предславу встряхивает, умолкнуть заставляя. — О Ярополке думай, как сберечь, да смерть отвести от ребенка своего, коль печенег во врата войдет. Раз в жизни, долг свой вспомни, а не о животе собственном пекись! — От себя оттолкнув, княгиня невестку назад наземь кидает, не заботясь о том, что падая, головой женщина о стену шершавую ударяется. Видно во благо падение Предславе пришлось, наконец, умолкнув, сына своего к груди прижимает женщина, только всхлипывая время от времени, да на свекровь свою злобно поглядывая. И не добрые мысли в голове у невестки, что слова княгиней сказанные, не упреком себе, а как гнет не справедливый, рассматривает. В мечтах своих видит жена Святослава, как помирает Ольга, волнений от набега не выдержав. А сама Предслава, с головы ее венец власти иконостасом расписанный снимает, да на свой платок, вместо кики свадебной одевает, ведь с момента сего уж не Ольга, а она — Предслава княгиня Киевская! Только впусе мечтания эти, не по годам крепка княгиня, и скорей уж сама жена Святослава преставится, сердцем умаявшись, чем свекровь любимую схоронит.

Тянется время в подвалах, света солнечного лишенных, словно кисель круто заваренный, и не ясно день на дворе, али ночь уже. И лишь тогда, когда помощи не чая, решает княгиня за ворота к врагу выйти, что б торг за жизнь внуков начать, о своей судьбе не заботясь, то прибегает стражник давешний, благие новости принося. Плывут по Днепру ладьи Претича, да трубят, так, что кажется печенегам, будто князь Святослав с похода возвращается. Оттого и бегут в залесье правнуки Беча*, пятками посверкивая.

Не долго радость избавления длится, к полудню ясно становится, не ушел ворог далеко, в полесье схоронившись, словно коршун близ Киева крутиться, воинов прибывших подсчитывая, да смекая, что мала армия для той, что с князем в поход отправлялась. Коль не явится Святослав с подкреплением, вновь осаду держать будет город, да на этот раз вовсе короткую, так как воинов, в защиту града явившихся, тоже кормить надобно.

А пока, киевляне из подвалов хоть выбирают, да все одно, на конце стрелы свои жизни держат. Седмицы те Ольге на века запомнятся, когда в страхе безумном, жители города к терему княжескому рекой полноводной стекались, защиты ища. Слуги с рабами от каждого шороха вздрагивали, а люди ушлые, легкой добычи не гнушающиеся, общей смутой пользуясь, дела свои темные делали, по амбарам бояр зажиточных шерстя. И все ответа от Ольги ждут, будто лишь ее желаньем весь этот ужас продолжается. Каждый долгом считает, к ней обратится, да выпросить, когда же закончится осада эта. Коли бы знала Предслава, как тяжко бремя княжеское, глядишь, и мечтать бы о венце власти перестала.

Боятся устав, да волнением сердце растерзав на части, решается княгиня к Богу Единому обратиться, помощи прося. На колени падает, лбом досок половых касаясь, шепчет Ольга слова молитвы, с просьбами личными перемежая. Да, не обдумав, клятву дает, что коль сегодня, али завтра вернется в Киев Святослав, то удалиться Ольга от дел княжеских, детей да внуков оставляя, судьбу свою самим решать. Сама же на покой уйдет, в доме Морены не гостем, но хозяйкой став. И лишь падают слова клятвы на землю, раздается клич глашатая, о приезде князя возвещая. Не думала Ольга, что от счастья да облегчения плакать можно горше, чем от беды лютой. Устояли. Справились. И жену и детей сыну сберегла, под стрелами врагов не растеряв. А что жизнью клялась, так, как быть, а слово свое держать надобно. Колени от пыли отряхнув, подбирает Ольга подола платья домашнего, да как была простоволосой и босоногой во время молитвы, сына встречать поспешает.

Святослав, дорогой измученный, в кафтане грязью выдубленном, на коне взмыленном, вид еще более грозный имеет, чем в обыковении своем. От того и не дивиться никто, что бежал печенег полем, лошадей да провизию бросая. Страшен сын Игоря в гнев праведном, а когда еще и крови жаждет, тем паче на пути его встать мало кто решается.

— Мира, матушка! — Издали Ольгу увидав, князь коня в ее сторону правит. — Как ты? Как Святославовичи? — В волнение Святослав околицу оглядывает, детей и жены не находя, еще черней становится. Страх в сердце война бесстрашного черной змеей вползает. Неужто не успел? Но услышав слова матери, успокаивается.

— Мира, сынок. — Дружинников не стесняясь, обнимает княгиня сына, встрече искренне радуясь. Да и как тут не радоваться, коли сын в дом воротился, целым да невредимым, еще и врагов распугал, словно зайца на охоте. — Хорошо с детьми. И с Предславой, коль интересно. — И печально выдохнув, тихонько Ольга добавляет: — Со мной же не ладно, но о том за трапезой.

Еду поглощая, с жадностью человека, долго в пути проведенного, Святослав мать слушает, с каждым словом ее все смурней становясь.

Ольга, в глаза сыну не глядя, прялку крутит, которой отродясь в руках не держала, а ныне движениями неуклюжими на полу запускает, волчком крутится заставляя. И есть в движениях тех размеренных, покой колдовской, что боль от слов сказанных приглушает. Так за работой степенной, да по сути ни кому не нужной, рассказывает княгиня Святославу байку, что сама только, что выдумала. И со слов ее болезнь с ней приключилась, да такая, от которой не будет спасения. Чует Ольга нутром своим, что последний годок ей осталось своими сандалиями землю втаптывать. Об одном лишь попросит княгиня, не бросать ее в днях последних и остаться в граде Киеве, подле нее и Святославовичей.

Тяжко Ольге сыну лгать, зная, что в любое слово ее Святослав уверует, истиной считая. От того и взяла веретено в руки, к труду такому не привычные, что б за работой нудной, сердце успокоить, да трясучку унять. Дана клятва Единому, и не зря спасенье пришло, в миг тот, как решилась княгиня приглашением Морены воспользоваться. Видно хочет Господь, что б раба его, жизнь мирскую кончила, дела свои паскудные прекращая. Знает Ольга, что коль есть в мире ад, которым христиане паству свою пугают, то гореть ей в самом высоком котле, в рядах первых подле Иуды. Сколько душ загубила за годы те, что шапку княжескую на голове носит. Никого не щадила, оттого и для себя милости просить не станет. Так, самоедству целиком отдаваясь, забывает Ольга о делах благих, коими жизнь ее по более, чем грехами полнится. Не упомнит, как меру полюдья дала, тем жизнь крестьянскую облегчив. Позабыла, как величием своим ослабила власть князьков мелкопоместных, тем самым Русь единой сделав, да силу ее умножив. Стерлись с памяти размеры милостыни, да благодати, что людям розданы. А что камнем велела строить, да тем Киев от пожаров сберегла, за добро и не чтит. Крутит Ольга веретено, грехи свои подсчитывая, забывает, что никто из нас не без камня за пазухой.

Год спустя. Отец Григорий, личный духовник Ольги.

Любо Гришке на Руси оказалось. Думал, гадал, как на землях варварских, меж лесов медведями полными, жить поживать будет. Боялся, конечно, в милость Божью не веря, что убьют его тут потехи ради, аль распнут на кресте, как великомученика израильского, богам своим жертву вознося. Не так страшно на Руси оказалось, как иноземцам блазнилось. Коль приглядеться поближе, да одним воздухом с русскими подышать, ясно становится, что леса здесь хоть и дремучи, а от городов обжитых поодаль стоят. Люди, с лица хоть суровы, а на деле добры и участливы к беде чужой. Зимы, конечно, холодные, зато на забавы какие щедрые! И медведи, все больше на ярмарках скоморошьях, чем на дорогах встречаются. Любо Гришке на просторах необъятных, под крылом княгини собравшихся. Вот и к пряничкам сладким пристрастился. Знатное лакомство! В государстве византийском нет такого, да и не будет, наверно. А еще яблочки моченые, что с морозцем первым на ярмарку в бочках привозят, вкусны, так, что скулы сводит от мысли одной, как вкушать их станешь. Хорошо отцу Григорию, да спокойно так, что и позабыл, зачем явился на земли русские. А наказ ведь дан ему был императором византийским, в землях варварских слово божье нести. Дык к чему ему это слово городить, там, где и без того людям хорошо живется? Коли б и впрямь, как на родине байки сказывают, они детей своих ели, да кровью их жертвенники орошали, тогда да, а так, стоит ли внимание к себе привлекать, когда его здесь уважают, да пряником угостить не стесняются? Княгиня тоже, вниманием своим не балуя, через казначея княжеского мешочки с монетками звонкими передает, а более с него и не требует. И чувство

пожмет такое, что не за службу, а за молчанье жалование духовник получает. Вот, о чем народ мудрость сочинил, что молчанье — золото. Видать не первый здесь Гришка, кто, язык за зубами держа, с каждым годом богатеет.

Приказ в терем княжеский прибыть, Григория удивляет, немного тревожа. Что Ольге вздумалось, уж столько лет минуло, неужто решила его отослать. Не хочется Грише место хлебное покидать, от того бежит в терем, со скоростью сану его не положенной, брюхо, за годы жизни праздной наеденное, придерживая.

Княгиня отца духовного в зале ожидает, где встречи с послами заморскими проходят. Ныне же пред Ольгой лишь Григорий стоит, по сторонам подозрительно глядя. Слуги, кланяясь неустанно, горницу покидают, наедине беседующих оставляя.

— Дня доброго тебе, отец Григорий, прими почтение мое. — Ольга на поклон священника голову склоняет, в дань уважения, как равному себе. — Службой своей, да делами славными, уважения в сердце моем ты сыскал, да расположение не малое. Но помнить, что не много христиан на Руси, все более многобожники, а те за честь почтут на вилы тебя взять, коль от терема далече уходить будешь. — Хмуриться Григорий, не понимая, что сказать тем княгиня хочет. Людям до него здесь давно дела нет, каждый своими заботами занят, и к ссорам со священником не склонен. Понимает святой отец, что не зазря его Ольга пугает, о положение незавидном в стране языческой напоминая, но цель лишь одной ей ясную преследует.

— Чем прогневал тебя, княгиня-мать, что о вилах напомнить решилась? — Чем пытать голову домыслами, проще прямо спросить, на ответ надеясь. За те годы, что на землях русских Григорий живет, давно понять успел, что не любит Ольга болтовни праздной, прямогу и честность ей предпочитая.

— Полно тебе, отец Григорий, не гневил ты меня, напротив лишь радовал. А слова мои к тому, что дело к тебе будет, отказаться от которого не посмеешь. Исповедаться желаю, да опрех о тайне, что меж духовником и кающимся пристала, напомню. — Пытливо Ольга на батюшку смотрит, ответа дожидаясь. Да только что ей Григорий скажет, окромя того, что про тайну исповеди помнит?

Присаживается княгиня на колени у ног священника, тихим шепотом рассказ свой начиная:

— Давно я молодой была, уж так давно, что и не упомянуть, ни троп тех, что ног в девичестве касались, ни ручьев тех, из которых воду ладонями пила. С той поры грех мой тянется, что сама на душу взвалила, человека умного да старшего, не выслушав. Ныне уж не искупить того, что по глупости сама себе дорогой назначила. Знаешь ли, святой отец, ты о богах тех, что язычникам помогают? Верят они во Встрешника, который рукой своей каждому нити путей жизненных выдает. Ниток много, но окромя одной не видит человек, вот и цепляется за зримое, важное упуская. Я в свое время углядела тот путь, что от глаза сокрыт был, и за место явного его выбрала. Жалею ли? Не знаю, нет наверно, коли вдуматься, да и как можно жалеть о дороге той, что уж почти до конца пройдена? Много воды утекло со времен, что я девкой ходила, да вся она черна от грехов моих. Об отпущение молить не стану, ибо все, что делала, верным считаю. И, коли б сызнова решения принимать позволили, все одно так же поступила бы. Оттого неважно то, что к ногам твоим меня привело, важнее, то, зачем стою здесь, душу очищая. В день, когда печенег смерти Киеву возжелал, поклялась я Богу, что коль придет Святослав с подмогой, уйду я от дел княжества, нить, что Встрешником дана была, ему же и возвращая, да судьбу Руси в руках сына оставляя.

И лишь слова мои с губ слетели, услышала рев рога, о приходе князя возвещающего. — Затихает Ольга, слова подходящие ища, да в глазах священника отзыв речи своей разглядывая. С духом собравшись, дальше продолжает: — Как видишь, целы мы, ворогу не склонились, а значит долг за мной, такой, что оплатить надобно. Нет в княжестве нашем мест таких, где княгиня, от власти отрекшаяся, покой сыскать может, оттого и решилась я на то, о чем ныне тебе поведаю. Сегодня сын мой, Святослав, детей на охоту повезет, а пока отсутствовать они будут, я помру от болезни, что последний год тело мое терзает. Ты же меня схоронишь по обычаям христианским. — От слов тех бледнеет Гриша, думая в ужасе, что оставил разум голову княгини. Ольга же, на священника не глядя, дальше продолжает. — Знать тебе много не надо, случись чего, на дознание скажешь меньше, но кое-что показать придется. За мной пошли, да не дрожи, неужто бабы старой боишься? А как же Бог, чье сердце праведника крепит? Аль не так свят ты, отец, что страх в душе твоей отклик встретил? — Слова не почтительные произнося, Ольга к стене глухой подходит, да надавив на нее, ход тайный открывает. Светец в руки взяв, за собой Григория манит, внутрь первой заходя. Идти недалеко приходится, за стеной лишь одна комнатенка оказывается, где на лавке баба мертвая лежит, да так на Ольгу похожа, что дух захватывает. Лишь одежда простая, скромная, да цвет глаз от княгини живой отличны. В остальном, коль не знать, что подле Ольга стоит, как есть, княгиню с покойницей Гришка бы спутал.

— Кто она? — Голосом хриплым, будто и не певчим ранее был, Григорий спрашивает.

— Не знаю, да и не желаю то ведать. Год искала, того, кто меня заменить сможет. Много их девок гулящих по дорогам помирает, да не одна на меня не похожа толком. Этой и то, волос травами красили, да лицо белилами мазали, что б сродни стала. Глаза прикрой несчастной, да слушай, что скажу. Видел ты более, чем следует, оттого нынче два пути осталось. Первым пойдешь на площадь с головой прощаться, вторым — с мешочком золота, что на дорогу тебе выдам, землю нашу покидать, да о деле, что сделать придется, помалкивать.

— Злато то я по более, чем палачей люблю. — Шею нервно потирая, Григорий отвечает, глаз с бабы мертвой не сводя. Как похожи-то! Ажно оторопь берет! Не договаривает Ольга чего-то. Не мрут такие сами, видать, не свезло покойнице на княгиню похожей уродиться, за то и погубили.

— Рада, что путь твой верным оказался. — Ольга довольно выдыхает, радуясь, что не ошиблась в святом отце, когда купить его по дорожке решилась. — Запоминай. В место это еще один ход есть, из покоев моих открывающийся, я к закату позвать тебя велю, ты придешь, чтоб девку эту обмыть, одеть, да на перины мои уложить. Я со дня вчерашнего на здоровье жалуюсь, лекаря звала, пред ним болезной прикидывалась, а сегодня скажу, что конец свой чую, да велю по мне тризны не справлять, но схоронить по обряду христианскому, коль чего приключится. Об обряде том никто не ведает, потому зарой меня ранее, чем кто подмену заметит. Я за то тебе злато оставлю, столько, что в странах заморским на жизнь пригожую хватит.

Григорий, бороду поглаживая, о словах княгини думает. Опасное то дело, конечно. Не дай Бог прознает кто, не сносить тогда головы отцу святому, что из алчности да сребролюбия на ложь решается. Да только кто болтать то станет, коль из трех людей, что о заговоре знают, одна уж часов пять как мертва, вторая к вечеру такой же для всех стать желает, а третий — он, кто голову свою под топор класть не торопится. А коль откажет, то с палачом встречи точно миновать не сумеет. Уж княгиня милостью не радуется, тех, кто

приказов ее не слушает. Не любо Григорию на площади без головы, как куренку, бегать, а вот с монетками звонкими в страны теплые утечь — уже дело!

Кивает священник Ольге, из терема княжеского уходя, не долго думая, отправляется, по ярмарке последний разок погулять, яблочек моченых напоследок накушаться, да коли повезет петушков сахарных в дорогу дальнюю прикупить. А, что путь его не близок будет, со слов княгини Григорий явно понимает.

Ольга.

Муторно на сердце у Ольги. Тянет душу рука не видимая, болью в груди отдавая. Уйти решила, сына с детьми покидая, в час не легкий. Да когда он легким то будет? Пора. Все конец свой имеет, у любой жизни закат быть должен, и так уж заметно, как отлична княгиня внешне от баб, что годами с ней равны. Более того, не любо народу языческому правление княгини христианской, от того трясет Русь, что не знает народ кому служить, да в какого Бога веровать. Коль уйдет сейчас безвозвратно, Святослав покой на земли вернет, да правителем полноправным станет. Хватит уж, за юбку материнскую руками цепляться, пора своим умом жить начинать. Мысли то верные, а сердце — предатель, тянет, отсрочить смерть липовую упрасывая, да годок другой близ сына побыть, внуков по нянчить. Да кого обманывает то княгиня? Люба Ольге жизнь прожитая, сколь страданий дала, столько и радости щедро отсыпала, и еже ли бы не клятва в страхе данная, осталась бы женщина подле сына княжить. Нельзя слово не сдержать, то, что Всевышнему дано было, оттого и страдает женщина, лазейки ища, да с совестью сладить пытаюсь. Эх, еще б годок себе выторговать, да только сможет ли наново девку сыскать, что схожа с ней будет? Ох, цветочек аленький, и впрямь проклятьем стал ты, а не благостью. Жизнь хоть и длинную, да от власти хмельную прожила, а со счастьем бабьем так и не свиделись. Были мгновенья, из тех, о чем вспомнить радостно, да прошли, лишь осадок в сердце оставив. Пора. Не думала, Ольга, что о смерти мечтать станет, да когда в подвалах с внуками сидела, от печенег прячась, и знала, что коль войдет враг в город, казнят Святославовичей пред глазами ее, поняла, что не должно старикам смерть потомков своих видеть. Все должно чередом своим двигаться. Уж лучше уйти, о судьбе не справляясь, да думать, что вечно живы те, кто сердцу дорог, чем каждый день ждать, что свое дитя хоронить придется. Пора. В последний раз, терем княжеский сверху донизу обойдя, поднимается Ольга в покои свои, да на лавку ложась, священника звать велит. Сама же глаза прикрывает, вроде как от усталости, а на самом деле, что бы слез ее никто разглядеть не сумел.

(*Пятнадцать кентинариев — это почти четыреста пятьдесят пять килограмм золота, которого византийский царь посулил русским за захват Болгарии. — Прим. автора).

(*Калика — странники на Руси, поющие духовные стихи и былины собственного сочинения. — прим. автора)

(*По сохранившимся описаниям печенег характеризуются как узколикие брюнеты с маленькими глазами. — Прим. автора).

(*Беча — по одной из версий, первый князь печенег, от которого, вероятней всего, они и взяли свое название. В некоторых первоисточниках печенег называют

беченегами. — Прим. автора).

Глава 24. Последний путь

Прекрасен день ныне. Погож! Солнце ласково землю пригревает, последнему цветку перед зимой долгой на теплится позволяя. Трава, местами жухлая, а кое-где еще по-летнему зеленая, голову запахами дурманит, так, что волей али нет, а подле поля остановишься, что б носом аромат втянуть, да помечтать маленько о днях грядущих. В лесах, к осени в золото приодетых, ягода перезревает, тяжелые ветви кустарников плодовых к земле клоня, на землю горстями ссыпается. Чуден да покоен день ныне, везде, окромя терема княжеского, где уж с утра раннего никто на месте усидеть не может. Ольга, что седмицу последнюю каждый день лекаря к себе призывала, ныне отъезда князя с сыновьями дождавшись, духовника своего звать велит. О чем за дверьми закрытыми матушка русская со священником беседует, никому не ведомо, да только выходит отец Григорий из залы переговорной бледный, аки снег по зиме. Сама княгиня в задумчивости по терему бродит, на слуг, что с вопросами лезут, грозно шикая, али и вовсе в молчанье рукой отмахивается, словно не люди близ нее, а мухи надоедливые. А к обедне, от трапезы отказавшись, в покои свои удаляется Ольга, вновь за Гришкой послать приказывая. Всполошились рабы, неизвестностью томясь, к Предславе за советом кинулись.

— Помоги, княжна, не ладное с княгиней творится, а что нам не ведомо. — В поклоне раболепном склоняясь, Ждана — ключница, что после высылки Малушки место хлебное заняла, распоряжений ждет. Но, не услышав от Предславы ни словечка, дальше продолжает: — Ольга ныне дважды священника призывала, а сама на лавке лежит, не поднимаясь, да глаза постоянно прикрыты, будто помирать собралась! Может, за князем гонца отправить? Али лекаря вызвать, хоть и не дала княгиня на то согласия?

— Коли звать знахаря не велела, то и нечего за матушку решать! — Радость сокрыть стараясь, Предслава рабыне отвечает. Неужто представится сегодня свекровь "любимая"? Неужто Озем с Сумерлой по душу ее явились, или кто там христиан в путь последний провожать приходит? О, как же улыбку сдержать, да не выдать торжества того, что сердце девичье из груди рвет! Сколько вытерплено, да выплакано Предславой было, неужто сегодня награда ей подоспела? Торжество не уместное, строгостью прикрыв, княжна рабыне приказывает: — И князя не тревожь, сама я к Ольге схожу, о здравии справлюсь.

В покои к княгине жена Святослава долго собирается. Пока платье рядное нашла, да рубаху под него, с рукавами золотом вышитыми, одела. Пока косу тяжелую заплела да под платок белый спрятала, повязав его так, как Ольга обычно носит — вокруг шеи обматывая. Пока поверх платка кичку рогатую одела, надеясь, что в скором времени сменит ее, венцом власти подменяя. К кичке позатыльник самоцветами расшитый да сороку кумачовую одевает, величия и стати себе прибавляя. Немного подумав, достает Предслава из сундучка бусы деревянные, да наручи из серебра черненого. Оглядев себя, убеждается вновь, что хороша, как и ранее. И в наряде том праздничном, выходит княжна из светелки своей, в покои к княгине направляясь. Походкой величавой, идет по коридорам, на слуг не глядя, да наново с теремом знакомится, уже ни как прихлебательница при правительнице великой, а как княгиня полноправная.

К Ольге в покои Предслава без стука заходит, движеньем руки служанку за дверь выгоняя.

— Добрый день, матушка, как здоровье твое ныне? — Жена Святослава свекровь спрашивает, подле перины ее присаживаясь.

— Худо мне, Предслава, слышу голоса, что зовут землю покинуть, к предкам уходя. Чую не встречу уже рассвета более, сердце последние удары отсчитывает....

— Послать ли гонца за мужем моим — князем киевским? — Словами теми, княжна сказать хочет, кем в доме этом является. Не прислужой, которую Ольга шпынять может, но княгиней следующей.

— Не тревожь сына моего — князя киевского, да внуков моих — отраду русскую. — Не спускает Ольга Предславе слов не обдуманных. Злится невестка, что даже на смертном одре лежа, не желает свекровь власть ее признать, оттого, к лицу княгини склоняясь, шепчет зло матери мужниной, страх перед умирающей растеряв:

— Сколько лет ты мне душу ела, место, как шавке подзаборной, указывая, ныне же, наконец, я займу то кресло, что по праву рода мне, а не тебе полагалось! Ты же безродная! Деревенщина! Мне отец о тебе все сказывал, как Олег тебя в Киев притащил, потехи ради воспитанника своего женится заставив. Я же, дочь боярская, тебе — девке грязной, в ноги кланяться должна была! Теперь ты часы до смерти считаешь, я же, гляди, молода да прекрасна, место твое займу, княгиней по праву мужа став! А могилу, где лежать по обряду христианскому будешь, в прах сотру, прокляну, как вероотступницу, что ради блага собственного, богов, которые сызмальства оберегали, предала! И внукам твоим свое слово донесу, когда о твоей правде они уже и не упомнят! — И в конец обезумев от безнаказанности кажущейся, хватает Предслава подушку пуховую, Ольге лицо накрывая, смерть свекрови ускорить желая. В жесте этом бессмысленном и отчаянном, всю злость, что как крест на себе носила, выплескивая. Может и вышла бы дочь боярская из схватки с деревенщиной псковской победителем, да священник без стука входит, правом духовника пользуясь. Как во сне для Предславы дальнейшее видится, будто со стороны на себя глядит, отмечая, что волосы из под платка выбились, кичка набекрень съехала, да рукав на рубахе подрался так, что более надеть ее нельзя будет. Вот снимают ее с тела княгини, пока еще дышащей, да в гневе откашливающейся. Вот по лицу бьют, из покоев под руки выводя, а она вместо того что б пощады просит, кричит, что есть мочи, что б венец Ольгин ей — Предславе отдали. Так как ее он теперь, а не покойницы! Вот, опять оплеуху получив, успокаивается, безнадежно понимая, не видать ей ни власти, ни шапки, ни головы своей, как видимо. Вот ведут коридорами сырыми, из теплоты терема в промозглость темницы, шагать заставляя. В себя же приходит жена Святослава, когда за спиной дверь кованная хлопает, наедине с крысами в подземелье темном женщину оставляя. И смехом сказанным дочь боярская заливается, слезами захлебываясь, лишь одно повторяет:

— Сдохни! Сдохни, проклятая!

В покоях княгини суматоха стоит, кто-то лекаря кличет, а он минуту спустя уж под дверью топчется, словно и не уходил никуда от светелки Ольги. Кто-то подушки под головой вдовы Игоревой поправляет, кто-то воды студеной несет. И богомолем среди муравьев заполошных, стоит отец Григорий слугами позабытый, на Ольгу испытующе глядя.

— Вон все! — Заботы неумной не выдержав, княгиня кричит, степенность да выдержку обыкновенную растеряв. — Святой отец, ты останься, остальным не входить вели.

И вот, миг спустя, опустела светелка женщины болезной, со священником Ольгу наедине оставляя.

— Вот окаянная, дня прождать не смогла, чуть затею мне не загубила. — С досадой княгиня о невестке вспоминает. — Теперь из-за глупости, не владычицей, но изменницей станет, да в мешке каменном сгниет. Дура баба! Неужто умом повредила? Видно роды тяжелые на голове сказались, я слыхала с бабами такое случается.

— Не о том печалишься Ольга, подумай лучше, что затеей своей богомерзкой, чуть беду на свою голову не накликала. Коль пришел бы я часом позже, то не девку придорожную, а тебя саму отпевать пришлось. — Отец Григорий на женщину строго смотрит, подумывая над тем, не божий ли знак, то был, что мертвой прикидываясь, чуть взаправду таковой не стала княгиня.

— Хотел бы Господь смерти моей, давно бы к себе прибрал. Верно братья мои по вере говорить любят, что Бог рано тех забирает, кто нужен ему, а обо мне отец небесный давно позабыл. К чему ему душа моя грешная? Разве что котелок свободный без меня томится. Вот ты как думаешь, Григорий, меня подле Иуды варить будут, или сразу в огонь к Люциферу кинут?

— Судачить меня звала или дела делать? Али, может, передумала? — Гришка Ольгу прерывает, покончить с делом грязным желая, да и не любы ему разговоры про муки адовы, о таком рассуждать, лишь беде к себе путь показывать.

Ныне, покуда бродил меж рядов ярмарочных, да пряники сахарные жевал, объесться ими до тошноты пытаюсь, задумался святой отец о том, что не дурно бы было на запад двинутся, туда, где тихо и войны нет. Хотя где там тишь? Может, и на восток лучше было бы. Коль гуннов диких с их женами тунгусками обойти удастся, глядишь, до Китая дойдет. Там, говорят, чудно/ люди живут, вот поглядеть бы! Хотя боязно, вдруг народ дикий, да к вежеству не приученный? Наверно, за благо будет в Византию вернуться, вроде как службу верную отслужил, можно и домой воротаться. Да только не дадут ведь покоя, про Русь выпытывая. Глядишь, дознаниями до костра доведут, решив, что вера в нем слаба стала. Размышляя о житие своем, да о том, что в ближайшее время покровительницы своей лишится, решает Григорий никуда не ехать, а в княжестве русском затеряться. Большая Русь, найдется, где человеку маленькому схорониться. К концу путешествия своего по рядам торговым, истово мужчина уверовал, что Господь специально его на земли языческие ниспослал, что бы мог святой отец слово божье варварам неотесанным нести.... Ну и прянички, конечно, кушать, куда ж воистину без пряников?

Сейчас между делом благим — о Боге народу ведать, и Григорием стоит проблема не решенная, в лице Ольги, что кашу заварив, да в печь горшок поставив, теперь вынимать его боится. словно мысли священника угадав, решается княгиня дело затеянное выполнить. С постели рывком поднимаясь, духовнику мешочек со златом кидает, да в последний раз светелку свою оглядев, дверь потайную отворяет. Поступью мягкой, решительности обыкновенной лишенной, ступает Ольга не смело в ход секретный, что к комнате выведет, где лежит баба мертвая, по воли судьбы после смерти княгиней ставшая. Чудны пути у Встрешника бывают, казалось бы, жила была женщина простая, в землянке своей покошенной мужей чужих за медяшку ублажала, а тут, глядь, померла и в смерти то счастье встретила, что при жизни не имела. Впервые платье из шелка византийского одела, правда не чувствуя мягкости и прохлады ткани. Примерила бусы янтарные, что отродясь в глаза не видела, да только не ощутит уж тепла, что от камня чудесного исходит. И в путь свой последней язычницей будучи, как христианка отправится. Да чужие дети у могилы ее рыдать станут, тогда, как свои даже не ведают, что мать непутевая сгинула. Века пройдут, а девка

блудливая с почестями княжескими схороненная, лежать будет в месте, где лишь владычицам покоится должно. Воистину чудные нити Встрешник раздает, только ухватить успей нужную.

С холодным равнодушием смотрит Ольга на то, как Григорий умело тело мертвое крутит, омывая руки покойницы, да ворот платья ее поправляя. С душой каменной помогает нести усопшую в светелку, что еще день назад княгине принадлежала. С сердцем онемевшим кладет женщину бездыханную, так на нее саму похожую, на перины мягкие, что годы долгие одинокую постель княгини грели. И с головой пустой, мыслей лишенной, в подземелья возвращается Ольга, что бы уйти тропкой лесной, вдоль болот не осушенных к избушке, где Морена ее дожидается. И с каждым шагом проделанным, понимает княгиня, что верен путь, который сегодня выбран был.

Отец Григорий, женщину, что еще вчера судьбы человеческие вершила, взглядом проводя, встает на колени пред периной с покойницей, короткую молитву за душу усопшей вознося. Поднимается, с одышкой, возрасту его свойственной, справляясь, и вон выходит, что бы минуту спустя огласить на весь Киев, весть о кончине Княгини Великой — Ольги Мудрой.

Святослав.

Редки дни те, когда Святослав с детьми время проводит, то в походах пропадая, то дела княжеские решая. Оттого и ценны минуты вместе с ребятей проведенные, особенностью своей и долгожданностью. Снисходительно князь наблюдает за тем, как детские пальчики Ярополка тетиву тянут, стрелу выпустить стараясь. Смеясь, глядит, как Олежка, возрастом страшим пред братьями кичась, гордо голову вскинув, плечо лука оглаживает, пристреливаться в пустоту не спеша. С улыбкой отеческой следит за малым Владимиром, что от усердия язык высунув, тянет тетиву жилную в петлю попасть рассчитывая. Гордость Святослава пробирает за детей своих, что хоть годами и молоды, а духом сильны. Работу не посильную для рук детских выполняя, помощи не просят, пристреляться до охоты, надеясь.

Лес, где князь с детьми своими дичь ищет, богат грибами и ягодами, да дремуч так, что ни каждый охотник в нем тропы тайные сыскать может. Оттого и зверь здесь себя спокойно чувствует, к людям не привычный, да зла от человека не ожидающий. Белки в любопытстве своим, к нижним веткам льнут, носами черными вода, запахи не знакомые втягивают, понять, кто явился не звано, надеясь. Тетерев, ухаю глухо, недалеко от лагеря охотничьего присаживается, голову по птичьи склоняя, охотников пришлых разглядывает, да решив, судьбу не пытаться, с места срывается, подальше от людей оказаться стараясь. Где-то версты за пол, косолапый, в берлогу возвращаясь, незнакомцев чует, да по запаху припоминает, что не с добром в лес его дети человеческие заглядывали. Ревет медведь, гласом своим собратьев предупреждая, что бы по дальше от места, где люди привал устроили, держались.

Святослав, приказав дружинникам костры разводить, да ночлег готовить, берет с собой княжичей и вояк верных парочку для подмоги, за собой в чащу их уводя. Отойдя от соратников на два перестрела*, так что бы гомон солдатский не слышен был, князь детей поучать премудростям охотничьим берется:

— Опреж лов любой начинать, зверя успокоить надо, коль пыхтеть как кабан, да топать, как лось, то всякая тварь, если, конечно, умом не слаба, разбежится за три версты, кабы не

далее. Оттого в тишине и покое по пути ловчему идти следует, по земле мягко ступая, следить, что бы ветка сухая под ногу не попала, али камушек от сапог не отскочил. Но и то не все. Коль учует зверь, как смердит духом твоим, убежит без оглядки, подстрелить себя не давая.

— А как вонь свою перебить то, коли бани в лесу нет? — Олег отца спрашивает, за всех братьев разом вопрос задавая.

— Баню перед выездом оттого и принимают, но есть еще тайны, которые ныне поведаю вам. Коль в засидку собрались, всю одёжу, что нарядите, заранее в сундуках своих поlying, аль какими другими травами лесными перекладывайте, а когда на лов выезжать будете, от костров да дыма берегите, что бы запах только леса при вас оставался. Если же, как мы ныне с луками дичь выслеживаете, то держитесь стороны подветренной, тогда воня ваша вся в сторону другую уйдет, нюх зверя не потревожив.

Идут охотники путями ловчими, по веткам ломаным, да следам свежим, тварь лесную выслеживая. На две версты к югу от лагеря уходят, прежде чем вепря встречают. Святослав, знаком к тишине призывая, по твари лесной прицеливается. Коли спугнуть сейчас, еще долго бродить в пустую придется, так как от охотников убегая, дичь перепуганная и собратьев своих распугает. Тетива, напряженно дзинькнув, стрелу выпускает, смертоносный удар в око вепря нанося. Смотрит князь изумленно, на стрелу свою, что из колчана только вынуть успел, гадая, кто зверя сдюжил. Да оторопело застывает, поняв, что сын его младший — Владимир, что и лук то пол года как в руках держит, меткий выстрел нанес. С удивлением справившись, по плечу дитя свое хлопает, слова похвалы говоря.

В лагерь конными возвращаются, дождавшись, когда подавала за скакунами сбегает. Гордо добычу у костра сгрузив, Святослав умением сына пред друзьями бахвалится, то, что в прикрасе не нуждается, все одно приукрашивая. Долго еще меж дружинников байки ходят о том, как Владимир малолетний в глаз вепрю с сорока шагов попал! Видно знатный князь у земли русской подрастает!

К вечеру ближе, на земле близ костра трескучего сидя, да тушу вепря свежую, братья Святославовичи впечатлениями ловчими делятся, друг друга подтрунивая, кто следующий зверя свалит, да с какого расстояния.

— Да ты и с трех локтей медведю в пузо попасть не сможешь! — Олег Ярополка дразнит, очи в кучу собирая, вроде как кос тот на оба глаза.

— Сам ты Олеже кривой, а Ярополк лучше всех клинки метает, значит и с луком сладит, только время дай! — Владимир за брата заступает, обидой чужой огорченный.

— А ты молчал бы, робич, когда князя беседуют. — Слова скорбные брату младшему Олег кидает. Не от сердца злого, а от досады, что не его, а Ярополка сторону в споре Владимир принял.

Не выдерживают братья младшие трепы обидного, на старшего кидаясь, кулаками его мутузят. Святослав, увидав безобразие то, с места встает, да брови грозно сдвинув, к детям направляется. Как цыплят не смышленных по сторонам рассадив, спрашивает:

— Кто драку затеял?

Тычут пальцем в друг друга братья, вину свою спихнуть стараются, гнева отцовского боясь. С каждым словом винительным, что из уст детей вылетает, князь суровой становится, в недовольстве на чад своих глядя.

— А ну, цыц, семя проклятое! — Святослав сыновей грозно окрикивает. — Как вы можете скверну лить, друг друга обвиняя! Вы же братья кровные, отцом единым

повенчаннные, а ведете себя, хуже ворогов! Должно вам вместе быть, против мира всего меч сдерживая, а не порознь камнями в кровь свою кидаться. — И сменив гнев праведный на милость, подле княжичей присаживается, вместо нотаций должных, байки военные сыновьям рассказывает. И в рассказах тех, оживают картины пред братьями: земель заморских, что чудовищами полнятся, воинов иноземных, что смешны слабостью своей пред богатырями русскими, да битв бравых, что каждый раз победу приносят. Всю любовь свою, которую лишь к одной войне испытывает, Святослав в рассказы эти вкладывает, в души детские дух ратный поселяя.

Покой ленный, что на привале стоит близ троп звериных, где князь с княжичами беседы ведут, конский топот разрывает. Вскакивают войны с мест насиженных, будто и не предавались безделью миг назад. Мечи оголяя, всадников скачущих, во всеоружии ратники Святослава ждут. Сам князь, знак умолкнуть детям дав, встает с бревна поваленного, да к тропе выходит, встретить желая, того, кто закон призрев, по княжьим тропам ловчим скачет. Каждый охотник, свои угоды охраняет ревностно, ведь если будет засидки устраивать всяк кто не попади, разбежится зверь, места глухие ища. Но не бояре наглые, как ожидалось, а гонцы из терема княжеского на горизонте появляются. Добрыня, на коня запрыгивая, на встречу воинам прибывшим скачет, послание быстрее перехватить надеясь. Мужчины, с вестями дурными с коней взмыленных на землю падают, гнева князя боясь. Ведь и с лютовать Святослав может, как прознает, с чем явились.

Получив приказ говорить, коль явились, сообщают гонцы князю о смерти матушки его — княгини Ольги.

Может ли плакать воин суровый, слез своих не таясь? Может ли слабость свою правитель людям показывать? Может ли выть от тоски, тот, кто кличи победные кричать привычный? Сможет ли понять тот, кто опору крепкую под ногами всю жизнь имел, каково ее лишиться?

Словно в тумане хмельном Святослав на гонцов смотрит, решая, не происки ли врагов то, что клеветают ему, паршивцы, в смерти матушки убедить надеясь? Не могла ведь Ольга, стержень каменный вместо тела имея, погибнуть так просто? Не в бою, не в походе, не от зелья вражеского, а от старости, что к каждому явится! Та ли княгиня, что в походы народ поднимала, да воинов за собой вела, таких, что не каждый мужчина подле себя удержит, ныне лежит бездыханная, встречи с Оземом дожидаясь?

Вскакивает Святослав на коня своего, с места в галоп скакуна отправляя, на хрип животного внимания не обращая, лишь сильнее его прищипоривает. Ветер-брат, что всегда поддерживал, порывами своими разум чистя, ныне ключьями рванными в лицо кидается, песок с земли поднимая, иглами кожу жалит. Не успокоить, но отдых мыслям дать, болью телесной от тоски душевной отвлечь надеясь.

Уж близ терема князю ясно становится, что не ложь то, что гонцы рассказывали. Тишина подле дома отчего такая, от которой кричать хочется, лишь бы на миг разорвать молчанье скорбное. Слуги по двору снуют бессловесно, глаз на хозяина прибывшего не поднимая, будто их головы повинны в том, что ныне случилось. Собаки, неладное чуя, под лестницу забились, Святослава не встречая, только скалятся нервно из убежища своего. По ступеням резным, что еще мальцом будучи разукрашивал, поднимается князь, к покоям княгини направляясь, но у входа с духовником матушкиным столкнувшись, останавливается. Ничего не спросил Святослав у священника, ничего не ответил отец святой сыну Ольгиному, но без слов, в отражение глаз собеседника, каждый встретил ответ на вопрос не заданный. И

прикрыв очи черные, слезами полные, князь заходит в светёлку, с матерью прощаться.

Никого смерть не красит. Будто вместе с душой, что тело наполняет, уходит и то, что скрывает человек от всех окромя себя самого. Та серая сущность, что в каждом живет изначально, выходит наружу, кожу выбеливая, цвета жизни себе забирая. Как камень, в речку брошенный, с годами гладкий становится, так человек за век свой, себя обтачивает, форму желаемую принимая. Смерть же огранку стирает, сущность миру являя, ту, что от рожденья дана была, а не временем выгравирована.

Глядит Святослав на мать мертвую, что в одеяниях белых, да с веками закрытыми на лавке лежит, узнать в ней женщину родную, надеясь. Кричит ему сердце, что не похожа Ольга, что не она то, а баба другая, но разум осаживает, что не кому более тут окромя матушки быть.

Ольга.

Из подземелья выйдя, отряхивает Ольга платье шерстяное, платок головной на манер крестьянский завязывая. Плечи накидкой овчинной прикрыв, по сторонам оглядывается, замеченной быть боясь, да в лес уходит, не оборачиваясь, что б чувствам не уместным волю не дать. Там, меж пологих склонов, да деревьев поваленных петляя, птичку приметную выискивает, что бы с вороном старым восточку передать, той, кто и без того знает, где Ольга ныне оказалась, но из вредности в жизни без клича не явится. Проклятья под нос бубня, перепрыгивает женщина через кочки, да о камни, будто специально под ноги кидающиеся, спотыкается.

Уж тьма надвигается, что в леса завсегда раньше города приходит, а ворона все нет, как и не было. Проблуждав вдоль ключа звонкого, злая от голода, да до костей продрогшая, решает княгиня кричать, Морену призывая. Но ведьма треклятая лишь тогда на зов отзывается, когда, голос сорвав, Ольга на брань перешла, да такую, что не каждый кузнец знает.

— Чего орешь скаженная? — Как всегда ведьма смеется, на Ольгу глядя, что в грязи по колена увязнув, вылезти пытается.

— Руку дай что ли? Аль не видишь, что вылезти не могу! — Княгиня ярится, от голода, да дороги долгой уставшая. На ведьму, которая потехи ради над ней издевается, снизу вверх глядит, но с превосходством таким, будто не в грязи валяется, а на приеме в Царьграде за столом восседает.

— Так ты попроси по-людски, тогда и подам. — Не спешит Морена руки подать подруге закадычной, все веселится, ситуацией глупой забавляясь.

— Пусть люди и просят, а я княгиня, мне требовать должно. Отродясь не молила, и ныне не стану! — Ольга зло подол платья рвет, что грязью облепленный стреножит пуще пут любых. Да руками за землю цепляется, ногтей не жалея, сама выбраться хочет.

— Дело твое, коль желанье в грязи поваляться, то не мне тебе препоны чинить. — Морена потешается, словами княгини не обиженная.

Но не сломлен дух женщины, просить не привыкшей, ни дорогой длинной, ни преградами, что на пути встречались, ногти обломав, да платье изорвав в тряпки, выбирается Ольга с места болотистого, что б отдышавшись, пред Мореной с гордой головой предстать. И вот в чем странность вся, не смешит больше ведьму вид женщины упрямой, так как даже в вещи старые ряженная, да перепачканная не по мере, все одно вид такой имеет, что даже

дурак поймет — княгиня пред ним, а не баба деревенская.

— Знаешь, почему не каждый править может? — Как не в чем не бывало Ольга у Морены спрашивает. — Потому что, на помощь чужую рассчитывает, потому что просит, когда сам выбратся не может, да потому что ношу свою на чужих плечах донести старается. Князь, тот что богами целован, в силу свою верит, и спину не гнет, ни пред другом, ни пред врагом кровным. Решения принимая, сам ответ за них несет и, в беду попадая, сам из нее выбирается, еще и другим помогая. Так что коли тебе рука моя нужна будет, я подам, обиды прежние не помня.

— Страшны слова твои. Как же жить, коль в других не веровать? Еже ли сам все нести пупок-то не развяжется? — В любопытстве ведьма голову на бок склоняет.

— Отчего же не веровать? Верить можно, да надеяться не стоит. И помощь принять не стыдно, коли ее от чистого сердца предлагают, прошений не дожидаясь. Ты ж руки мне сама не дала, в желанье мольбы мои послушать. — Говорит Ольга, да на Морену поглядывает, скажет ли, что не права княгиня в суждениях своих, что не ждала ведьма упрасивание. Но молчит подруга старая, молчаньем своим верность слов Ольги подтверждая.

— Ладно. Коли выбралась, пошли, тут изба моя недалече. Ни хоромы княжеские, конечно, но тебе все равно по нраву придется. — Жестом ведьма в сторону показывает, спорить дальше не желая. И уходят женщины, друг-друга под локти поддерживая, о чем-то своем тихо шепчутся. И коль встретил бы их путник заплутавший, то, пожалуй подивился бы тому, что княгиня киевская с богиней морозов и голода лютого, словно бабы простые спешат куда-то.

Удаляясь от жизни мирской, да от имени отрекаясь, уходит Ольга тропами нехоженными, что б никогда не прознать боль утраты близких. Ей хвалу бы Единому молвить, за то, что в неведение осталась, да не увидала, как три года спустя от событий только что поведенных, под мечами печенежскими сгинул сын ее единственный. После боя изнурительного, на который грек Святослава вызвал, возвращался князь в Киев, да случилось так, что своими же соратниками преданный, на переправе в засаду к печенегам попал. Может к счастью, что никто не расскажет княгине, как князь вражеский — Куря из черепа сына ее любимого кубок сделал, упиваясь победой своей, да бахвалясь пред правителями другими, что чарка его из кости сделана воина бравого, который на земли врагов ужас смерти мечом своим нес. И то славно, наверно, что никогда не увидит Ольга, как внуки ее драгоценные, забыв, что все они одного отца дети, друг на друга мечи поднимут. Да как обагрится Русь от боев бесконечных, кровью братской землю напитава. Несомненно, бы удивилась княгиня, Расскажи ей кто, что в бойне этой за города и веси, которые некогда сын ее отвоевывал, младший Владимир победу вырвал. Может, узнав, согласилась бы с Мореной, что действительно кровь Малушкина сильнее руды дочки боярской оказалась. А внучок, которого она на руках качала, хитрость бабки своей унаследовав, правителем великим стал.

Тем и приятней слепота, что лишь хорошее в сердце уносишь, в грязной правде ноги не запачкав.

Святослав. Киев. Похороны княгини.

Когда-то давно, уж в какой стороне и не упомянуть, старец один, что больше мудростью сед, чем годами, сказал Святославу слова странные:

— Коли б знала птица, что в небе парит, лишь крыльям благодаря, то берегла бы их как

сокровище самое ценное. Но не думает птаха об этом, оттого как не ведает, что жизнь и другой бывает. А вот коль потеряет крылья, в драке коту отдав, не станет уж прежней голубка, неба лишенная, так как тот, кто с высока на всех глядеть привык, не сможет в ногах ползать.

Не понял тогда князь, о чем старец молвит, для себя решив, что с возрастом и почтенные мужи разум теряют, но ныне прозрел, когда сам свои крылья потеряв, подле матери их в гроб положил. И нет теперь более опоры той, что в небе парить позволяла, утехам своим предаваться давая. Теперь же, на землю спустившись, придется Святославу ногами идти, жизнь по другому налаживая.

Смотрит князь на то, как тело матери его вместо прощанья должного, в ящик деревянный укладывают, и хочет кричать, что неверно это, что не примут боги в царство свое, ту, кого гвоздями в короб заколотили. Но молчит Святослав, не вмешиваясь, зная, что воля матушки в таком погребении. Станный молебен для бога Единого выслушав, подходит князь к гробу Ольги, пальцами шершавыми крышки касаясь, тихим шепотом слова произносит, Озему и Роду адресованные. Чтоб коль не услышит Единый молитв отца Григория, может Озем с Сумерлой по душу матери явятся, сгнить в черном ящике не позволив.

Чувствует князь, как локтя его чьи-то пальцы касаются, отойти от гроба вынуждая. Видит Святослав, как опускается в землю последняя память, что с предками его связывала. Слышит сын Ольги, как куски земли в яму летят, об крышку короба погребального стучаясь. Понимает мужчина, что закричит от боли такой, которая сердце из груди вырывает, коль не найдет выхода ярость эта, что в душе зарождаясь, мишень себе ищет. Окончания обряда не дождавшись, уходит Святослав, поступью быстрой в подземелья спускаясь. И в голове, от горя туманной, мысли не добрые вертятся. Собственными руками задушить желает, ту, что мать его убить пыталась, скорбный час действиями своими приблизив. Может и сделал бы то, что задумывал сын Ольги, коли бы на пути своем не встретил воеводу старого, что в смертном параде участвовать не желая, тоже под землю спустился, уединения ища.

— Куда бежишь князь Игоревич? Аль приключилось чего? — Подслеповато щурясь, старик Свенельд, хитро на Святослава смотрит, телом своим путь дальнейший князю преграждая.

— Не случилось, но скоро случится. Отойди, не до тебя ныне. — Обойти воеводу сын Ольги пытается, да только Свенельд лишь с виду стар и немощен, на деле же дух боевой не растеряв, то один бок, то другой, князю в проходе подставляет.

— Эх, никому до меня дела нет, все спешат и бегут куда-то, нет бы присесть, отдохнуть, да с дедом побеседовать. Знаю я, куда ты путь держишь, в темницу ту, где княжна вероломная томится. А коль присел бы со мной, да совет внял, то б узнал, что негоже мать сына своего руками голыми душить. То, что баба глупая свершить хотела, не удалось ей, и не она причиной смерти Ольги стала. А вот если ты руку на жену поднимешь, то вовек не отмоешься ни пред Ярополком, что мать тебе не простит, ни пред боярами, к чьему роду Предслава относится. Оттого остановись, отдохни, да чарку меда со мной испей, Олюшку поминая.

Успокаивается Святослав, голосом Свенельда убаюканный, правду слов воеводы признавая. Горячность свою в узду смирив, садится подле друга старого, из рук его чарку принимая.

— И откуда знаешь ты все, Свенельд? Сколько помню себя, ты всю жизнь мою волосом

сед, да мудростью простой знатен. Еще отец мой тебе тайны вверял, да Олег плечом о плечо с тобой в походы ходил. Сколько ж весен тебе, старче?

— Сколько есть, все мои, ни одной чужой не прихватывал. — Воевода смеется, от ответа уходя. А увидев, что спокоен князь теперь, да о мести гнусной запомнил, поднимается с места, под нос бухтя, что сырость казематов прикончат его когда-нибудь, да на палку опираясь уходит.

И пока Святослав на ступенях каменных, что в подземелья сырые ведут, хмелю придается, Свенельд поступью старческой из ворот терема выходит, что б минуту спустя, распрямится, палку откинув, да бороду окладистую поглаживая, по сторонам оглянутся, ища кого-то. Улыбается воевода старый, увидав женщину телесами полную, да с лицом мягким, что с забора, который дом княжеский ограждает, к нему спрыгивает. Плавнo бедрами покачивая, как лисица хитрая, баба к Свенельду приближается, голосом переливчатым мурлыкая:

— Не натешился ли судьбами людскими, Род-батюшка? Не устал ли ты, личинами прикрываясь, мысли правильные в головы человеческие вкладывать? — Коль случилось бы путнику случайному пройти близ терема в час тот, то после слов женщиной сказанных, увидел бы он, как воевода старый, минуту назад ногами шаркающий, в бога всеильного превратился, которого и стариком-то назвать язык не повернется.

— Чуешь, Макошь, уходит вера с земель этих. — Носом Род воздух втягивает, будто взаправду перемены жизненные свой запах имеют. — Канем все мы скоро, как идола праотцов, место Единому уступив. Ольга лишь первую птичкой стала, но и она, не желая того, стаи собрала, что не нам с тобой, а Иисусу кланяются. — Ветру лицо подставляя, бог могущества да продолжения рода бороду поглаживает, о чем-то думая. Жена его — Макошь, косу русую поправляя, волнений мужниных не разделяет:

— Полно тебе, батюшка, глупости то, не быть воли чужой на земле русской, не забудут дети наши заветов отцов своих. Да и как проживет на Руси человек, Каляде не кланясь, да Ладе венки по воде, не сплавляя? Разве ж удержится душа славянская чучело Хорса весне на радость не поднять, али Сварогу дань не принести, что б жизнь семейная слаще стала? — Фыркает женщина прекрасная, дыханьем своим бабочек в небо пуская, не верит она, что забыть ее смогут, те, кому в помощи никогда не отказывала.

— Век бы слова твои слушал, милая, только боязно мне, что все в годах сотрется и, столетия спустя, не вспомнят дети имен наших. — Мнение свое, от жены отличное Род имеет, но все же верует, что ошибается он и за супругой правда будет.

Святослав чарку пятую, а, может, седьмую допив, с места насиженного встает, и поступью не твердой на верх поднимается. Сколь не сидел, так и не решился до низу дойти, что б на жену вероломную глянуть. Побоялся, что не хватит выдержки уйти спокойно, вреда ей не причинив. Но на выходе с казематов холодных, солдата поймав, приказывает князь, тиуна* кликнуть.

Управляющий быстро является и, спину гнуть не забывая, указания выслушивает, которые, языком заплетающимся, Святослав дает:

"Жену мою, богами одобренную, за измену дому княжескому, да попытку удушить мать Руси — княгиню Ольгу, приказываю выслать из Киева, в деревню любую, которая не ближе, чем за сто верст находится. Состояние ее, что супружеством нажито, казначею передать. Из

дома моего уйдет ровно с тем, с чем приходила".

Возвращается в покои свои князь, только что мать схоронивший, да жену изгнавший, не думая о том, как высылкой Предславы врага себе в лице отца ее нажил. И что, трех лет минут не успеет, как продаст Святослава тесть обиженный печенегам за копейку ломанную.

(*Перестрел — мера расстояния, равная полету выпущенной стрелы. — Прим. автора).

(*Тиун — здесь имеется ввиду управляющий княжеским теремом — распорядитель. — Прим. автора).

Рассказы о странных женщинах на Руси.

Как-то знахарка, что близ Сурожа врачеванием занимается, кумушкам местным сказки сказывала, о том, как годков этак десять назад, посреди ночи темной, к ней в избу кто-то громко стучался. Что не местные это, сразу было ясно, так как, смелостью не одаренные, они и днем к ней домой не заглядывали, боясь больно знахарки старой, что от природы крива и неказиста, за глаза ее ведьмой считая. Причитая по старчески, да Лихо поминая на каждом шагу, пошла лекарка отворять, человеку бесстрашному, который сон ее праведный потревожить рискнул. Распахнув дверь, от сырости рассохшуюся, да петлями жалобно от толчка такого всхлипнувшую, обомлела женщина пожитая, на пороге девку брюхатую увидав. Руку к знахарке роженица с силой такой тянула, помощи прося, что на миг показалось женщине, что не о родовспоможении ее молят, а о последнем желании пред смертью тяжкой. Пальцами, судорогой сведенными, живот свой чадом отяжелевший болезная так придерживала, в плоть ногтями впиваясь, словно боясь, что коль отпустит брюхо, то тут же дитя потеряет. От боли, что тело беременной рвет, уж говорить не могла пришедшая, все хрипя больше, и меж всхлипов и выдохов тяжких, слова шептала, что помирает, от бремени избавиться не умея. Пожалев девчонку молодую, да боясь, что сгинет та вместе с дитем не рожденным, хватает знахарка женщину под руки в избу втаскивая. В доме, на лавку близ печи уложив роженицу, лекарка хлопотать начинает, воду на огонь ставя, до холстины чистые по всей избе отыскивая. Покуда крутилась старуха, вещи нужные отыскивая, лежала баба тяжелая молча, в калач близ тепла от печи свернувшись. Лишь по дыханию тяжелому, да судорогам, что нет-нет тело роженицы пробирали, понимала знахарка, что жива пока девка. Пять часов в горячке родовой металась пришедшая, смерти как избавления прося, да под конец бредить от жара начав, разрешилась, таки, от бремени, жизнь сыну дав. Мальчонка крепкий родился, но мать искалечил, ногами вперед к свету являясь, за место того, что б с головы путь свой начинать. Но девка молодая, коли Макошь и Берегиня к ней милостивы будут, оправится, а коли нет, то ребенка старосте снести придется. Только писк новорожденного услышав, сразу в сон женщина провалилась, даже слов благодарных знахарки не сказав. Но не обиделась старушка, в колыбели рук своих, не смотря на возраст солидный все еще крепких, ребеночка новорожденного качая, удивлялась только, что не померла девчонка в родах, а лишь сомлела.

Восемь дней отварами разными отпаивала знахарка бабу заблудшую, ответы на вопросы не заданные получить надеясь, а как только решилась прямо спросить, исчезла женщина дитя с собой прихватив. И вот же в чем странность, ни как упомнить не может знахарка, доселе на память не сетовавшая, как выглядела роженица, да как назвалась. И коли бы не постель грязная, что от нее да чадца осталась, то решила б старуха, что примерещилась ей седмица минувшая.

Услыхав эти сказы, рыбак старый, что в порту Корсуна промышляет, припомнил, как в то же самое время бабу с дитем повстречал. Больно женщина плакала, умоляя старика на лодке своей по Днепру ее в Переяславль сплавить. И как рыбак не убеждал бабу дурную, что до реки еще по морю день пути идти надо, а суденышко его на такое не способно вовсе, не успокаивалась скаженная, все свое твердя. А вот дальше, как брешь в памяти старческой,

толи сам повез, безопасностью пренебрегая, толи с капитаном каким сговорился, что б на борт юродивую взяли, не упомнит никак. Только знает отчего-то рыбак, что добилась, таки, баба желаемого, советами его пренебрегши!

А вот лет эдак восемь спустя опосля событий тех странных, в деревеньки близ славного города Новгорода, объявилась вдова молодая. Не одна, а с дитятей вместе. Мальчугану по виду весен десять не больше. Долговяз по ребячьи, с глазами огромными, как у телят подращенных, да с макушкой растрепанной, он забавно смотрелся бы, коль ни взгляд не по детски суровый, такой что насквозь пробирая, кажись все нутро человека встречного видит. Мать под локоть мальчишка учтиво придерживал, за плечами котомку таща, что видать по всему, весом больше самого ребенка. Местным кумушкам, что к заборам по выскакивали на пришлых поглядеть, баба та Горяной представилась, рассказав, что дома лишилась при налете хазар окаянных. Мужа любимого в набеге том потеряла, да глядишь и сама бы сгинула, коль не караван торговый, что не далече проходил. Там купец добрый, пожалел бабу с детенышем, да сбежать помог. Ныне ищет женщина селение Ивняки, что под Новгородом окопалось, там когда-то тетка ее прожила, да, небось, уже сгинула, но, коли свезет дом от нее остался, иначе некуда вдове осиротевшей больше податься. На веру слова женщины несчастной принимая, ей и дом заброшенный деревенские сыскали и с работой тяжелой по началу управиться подсобили. Та же, скупую слезу передником белым утирая, благодарностями сыпала неустанно. Но были и те, кто слова женщины пришедшей под сомненья ставили, но на тех бессовестных, уже соседи шикали, мол, и так горя девке выпало, хватит душу трепать бабе попусту. В Ивняках по обжившись маленько, вдова сына в кузню отправила, подмастерьем Стужу старому прислуживать, да уму набираться, науку принимая. Никто этому не дивился, так как каждому в селение известно было, что ушли сыновья кузнецкие, войной грезя, в ратники подались. А у Стужа кузня с поры той простаивает, так как нет уж сил у наковальни стоять старику больному. На погоду суставы ломит, да хандра по осени подкатывает. Оттого помощнику дельному кузнец искренни радовался, как родного внука привечая, нахваливать пред деревенскими не уставая. Но вот, что приметно вдруг стало, это то, как похож подмастерье на мастера своего с каждым днем становится. Тут и слухи поползли змеями по деревне Ивняки, что Горяна сыну Стужевскому полубовницей, али может даже супругой законной приходится, оттого то и не натешится никак старик с дитем ее. Может, кто и припомнил бы, что и дочь еще у кузнеца была некогда, и звалась та — Усладою, да только сплетни новые кумушки прознали, о том, что Манька — дочка мельника не мужней забрюхатила. И кому теперь интересно Сурожа с учеником его обсуждать, когда есть что любопытнее?

Еще одна история странная, в деревне Будятычи, что близ Волынца пролегает, произошла. Жила там в избушке, что на отшибе стоит, баба блаженная, Малушкой себя именующая. А уж так то ее в мальстве нарекли или сама она себе прозвище выдумала, никто не ведает. Местные помнили, как лет пятнадцать назад, привезли женщину эту с животом огромным, откуда взялась, да куда дитяtko потом дела, никто уж не упомнит, хотя, и поговаривают, что сама княгиня Ольга за ребенком Малушкиным приезжала. Вот с поры той, как чадце у ней забрали, ходит юродивая по деревне, предсказаниями своими народ пугая. Бывало, идешь по дороге проселочной, песню бравую под нос насвистывая, а навстречу Малашка скаженная прет, глазами горящими, как огонь Чернобога лупая, да мимо пройдя словом обмолвится, что супружница твоя давеча понесла и к весне жди прибавок. А

порой, в том же месте повстречавшись, смерть родного какого предскажет, и страшна блаженная тем, что хоть горе, хоть радость с одинаковой улыбкой на лице предрекает. Пуще гнева богов всех вместе взятых Малушку будятычи боятся, лишний раз с ней встречаться не желая, стороной обходят, но и, прогневать страшась, в избу ее нищую подношения носят. И уж так к ней привыкли сельчане, что, наверно, представить не смогут Будятину родную без предсказательницы их. А пятнадцать весен спустя от времени того, как Малушка в деревне появилась, к ней впервые гости пожаловали, да ни кто-нибудь, а сам князь Владимир. Увидав, земель русских владетеля, на колени юродивая упала, руки распластав, сыном князя кликать стала, да хвалы богам возносить, за то, что дитя ей вернули. Деревенские тут же с надеждой руки потирать начали, вдруг казнит Владимир блаженную за такое панибратство, Будятину от ведьмы избавляя. Но не тронул Рюрикович женщину, а напротив, склонив пред ней голову, такую же рыжую, как у бабки его не безызвестной, руки Малушке целовать стал, ногтями ее нечищеными не побрезговав. А потом, на глазах у всего селения, от удивления ополоумевшего, подняться женщине помог, да в избу провожая, ей дорогу уступил.

Ох, как старались местные кумушки, подглядеть, аль подслушать хотя бы, о чем князь Руси с бабой скаженной беседовал, за дверьми запертыми, но к избе, где юродивая живет, никого не пускали войны бравые, что вместе с князем прибыли, плечами своими вход во двор перекрывая.

Ночь в избе проведя, уехал князь, в Киев вернуться поспешая, да Малушку с собой увез, всей Будятине радость тем принеся. Избавленье от ведьмы празднуя, гуляла деревня до самой посевной, хмелем упиваясь, да пляски устраивая. А, опомнившись, в поля кинулись, но вот же пакость какая, словно по отъезду Малушки горя, земля в году том хлеб так и не родила.

С той поры, говорят, в Киеве вещунья поселилась. При Владимире вольной барыней живет, в шелках византийских расхаживает, золотом поблескивает да предсказания делает. Сам князь женщину ласково матушкой кличет и без разговора да дозволения ее никаких решений важных не принимает. Иноземцы считают, что самого дьявола властитель русский привечает, так как все предсказания, что из уст вещуньи выходят, завсегда сбываются!

А третья женщина, что когда-то княжной была, да супругой законной Святославу Игоревичу, к князю в немилость попав, в деревню Ливинку, без сопровожденья из слуг верных сослана.

В день, когда Предслава, к месту изгнания прибыв, в избу заселялась, люди завистливо перешептывались, глядя на сундуки, что возничий с телеги выгружает. Это ж надо, боярыня какая, в селение их скромное явилась. Княжна, взглядом надменным мужиков деревенских наградив, да голову горделиво вскинув, мимо баб с осанкой прямой прошла, в дом свой новый поспешая. Да у порога таки запнулась, увидав где жить отныне ей придется. Изба, размером на столько малая, что в два шага от двери до стены крайней дойти можно, бревнами трухлявыми глаз пугает. Крыша, что как есть, в первый дождь ведром воды на голову выльется, соломой прелой воняет. Частокол же, уж почитай весен двадцать как не правился, оттого и названия такого носить не может, ибо дыры в нем чаще, чем колья встречаются. С изумлением справившись, на порог дома нового княжна с достоинством должным входит, слез на радость деревенским не пуская. Коли б знали ливинцы, сколь силы в жест этот женщина вложила, да сколько воли ее потребовалось, что б не кинуться на шею к извозчику, при всем честном народе позорясь, умолять его назад в Киев ее отвезти, глядишь,

посочувствовали б бабе несчастной. Но, пренебрежение свое выказав, добила Предслава того, что с дня первого всю Ливенку супротив себя настроила. Ныне шепчутся кумушки, любовников богатых ей приписывая, да говорят, что баба она падшая, за три копейки без полтины пред любым задом крутить будет. А мужики то, о чем бабы треплются, слушая, на изгородь дома Предславы плюются, как случится мимо пройти. И седмицы не прошло, как деревенские, может с завести, а может с обиды горькой, заслали в дом к бабе строптивой петуха красного. Хорошо занялась изба лубяная, знатно горела, и не скажешь, что плесенью подъедена была. На силу потушить успели, покуда по всей деревни огонь не пошел. За рыданиями Предславы, добра своего, и без того не значительного, лишенной, наблюдая, злорадствовали ливенцы, но не от сердца злого, а по глупости, да незнанию судьбы женщины.

И никто, пожалуй, коли вдуматься, не желал смерти бабе горделивой, лишь поучить да строптивость сбить надеясь, но к утру нашли Предславу на пеньковой веревке удушенной. Между ивой плакучей и березой белой, на суку высоком, в последний путь отправилась та, что когда-то рукой, перстнями украшенной, указания людям раздавала, да грезила, что когда-нибудь и сама власти венец примерит.

Послесловие. Столетия спустя

На горе аль на пригорке, меж раскидистых лап вековых елей, а может за осинами стройными, в листву золотую укутанных, стоит изба добротная, усталого путника дымком из трубы подманивая. Но кто ближе подойти решится, да взглянуть за забор осмелится, окаменеет убранством двора пораженный. Там на травке вечно зеленой, да в любую погоду росой поблескивающей, грабли сами собой в пляс идут, листву опавшую с земли сгребая. Вслед за ними, метла скачет, дорожки камнем выложенные подметая, да тяпку к огороду подгоняя, где на ветках малины, откуда не возмись арбуз прорасти может. Ну а коли такого дива не побоятся, да во двор таки зайти попробовать, то за смелость награду получить можно, в виде зрелища еще более странного. То глазам та не сразу веруешь, когда изба лесная, будто тварь, душу имеющая, на тебя глазницами окон со ставнями расписными хлопает, а потом с ленцой, старикам присущей, на курячи ноги поднимается, досками деревянными крякая. Уж тогда наверняка, любой смельчак стрекача задаст, подальше от места проклятого оказаться надеясь, чего, собственно, хозяева не гостеприимные и добиваются, дураков, приключений ищущих, навсегда от дома своего отвадить надеясь. Говорят порой лесовик над путниками не угодными пошутить так любит, к избушке этой выводя, да потом посмеиваясь, когда охотники те, али ягодники, бегут сломя голову, корзины да луки свои бросая.

А в избушке той две женщины поживают, чай с вареньем попивая, о том, что близ дома их твориться не думают.

— А знала ли, ты Олюшка, что сан святой тебе дали, к лику бессмертных пред Богом причислив? — Морена, смешно глаза желтые щуря, на подругу свою смотрит, реакции должной ожидая. Ольга, насмешки ведьмы, как всегда, мимо сердца пропуская, лишь в чашку с чаем беззлобно фыркает, горячие капли фонтаном поднимая. Руки, кипятком подпаленные, об платье домашнее вытирает женщина, что когда-то княгиней земель русских была, да мнение свое о новости принесенной высказывает:

— Да какая же из меня святая? Что я дитятей чужих нянчила, али хлеб свой от живота отрывала, поселкам голодающим жертвуя? Что жила по совести, за слова свои ответ держа — то верно, но за это нимб к голове не прикручивают. А коль вспомнить о заповедях, кои горстями я нарушала, так по мне не крылья ангельские, а рога и копыта плачут. Это ж надо! Было время людей на смерть отправляла, не жалея, правом своим их жизни отнять считая. А древляне, которых если не живьем закопала, так в деревне пожгла, да не за ради дел добродетельных, а во имя спасенья своего. А то, что веру поменяла, богов наших предав, только выгоду от того учуяв? Хотя видать за то и сан дают. Коль первой в повозку к Единому впряглась, да крест на шею одела, то с души все грехи и сняла деянием тем. Верно ль сужу я, подруга? — Речь свою, чувствами негодующими полную, окончив, Ольга на ведьму смотрит, ответа дожидаясь.

— Чего распаляешься? Знаешь ведь, что сейчас уже все в Бога единого веруют. Так что не предатель ты, а птичка первая. — Морена, в свою чашку варенья по больше накладывая, запал подруги словами спокойными потушить пытается. — А может и к добру вера эта? Чего плохого в учениях библейских? Не убей, не укради, почитай мать и отца своего.... Нет ни блуда, ни погани.... К свету народ темный тянут, так может во благо то?

— Тянут, то тянут, а ради чего? Властью второй во всем мире священники стали, им почитай пуще князей уже кланяются, да слова их оспаривать боятся. А так ли святы отцы, что в храмах песни поют, Бога славя? Сами то следуют заповедям своим? Не воруют, да идолов не творят? Аль за медяшку лишнюю в путь последний убийца проводить откажутся? Сколько уже войн за Бога этого провели? Сколько людей, его именем прикрываясь, на смерть отправили? И все крестом грехи покрывают! Тьфу, мерзко прям. В наше время люди честнее были, и бесы их не путали, а сами за свои поступки ответ держали! А сейчас? Ханжество сплошное. — Ольга в гневе раскраснелась вся, словно от слов ее измениться что может. Скучно бабе, которая раньше деятельностью свой славилась, у печи сидеть, чай попивая, а тут новость такая, как не поспорить, да словами пустыми воздух не потрясти? Оттого продолжает женщина речь свою пламенную, с каждым словом сильней распаляясь: — Я сама власть имела, людьми управляла, и знаю, что не выйдет править, в крови не искупавшись. Так чего деяния свои высшей силой прикрывать? Нельзя удержат поводья, если лошадь жалеешь. Так и они, создали свою власть, поперек монаршей, и гляди, уж и Рюриковичи в историю ушли, а эти держаться. А разве ж удержались бы, коль еретикам существовать позволяли? Ведь те, своей ересью умы людские, порой на простые и верные мысли наталкивали, видать, за то и горели огнем очищающим. Так, что знай, мое слово, Морена, не нужен мне этот сан святой, ибо никто не свят, но бог с каждым, кто душу имеет.

Долго еще спорили девушки о том, о чем и знаний, быть может, не имеют, доводы приводя, да порой в мелочах соглашаясь друг с другом, не замечая как за окошком уж темнеть начало. Солнце, в лесу и без того не шибко яркое, за горизонт закатилось, в ветвях деревьев утопая, красными всполохами на прощанье небо окрасив. Месяц красавец, из-за тучки выглядывая, звезды на небосвод созывает, танцы волшебные танцевать. Где-то в дали старый филин довольно ухает, добычу хорошую увидав. И тихим журчаньем ручеек баюкает, тех, кто на покой ночной отправиться собрался. Спорить устав, да слова до дна вычерпав, умолкают женщины, к звукам леса прислушиваясь. Но ночной покой, карканье нарушает, и вот, секунду спустя у окна избушки ворон приземляется, клювом по ставням занятную дробь выстукивая, в щель между ними глазом черным заглядывает.

— Чего тебе, друг мой, верный? — Пуская в дом птицу, Морена спрашивает.

— Кар, кар.

— Неужто время пришло? — Видит Ольга, что подруга ее нервничает, но так как сама ворона не понимает, ждет, что ведьма ей ответит.

— Пришло, Олюшка, собирайся. Расцвел на опушке цветочек аленький. Торопись, не то не поспеем. — Метлу заливчато свистнув, Морена на нее на ходу запрыгивает, в не терпенье Ольгу дожидаясь. Подруга, платок на голову накинув, тоже на древко полезла, за ведьму руками крепко хватаясь.

Летят бесовки, торопятся, сухой ветер июньский их волосы лохматит и кожу сушит, но нет у них ни время, ни желанья, внимания на мелочи такие обращать. Уж сколько лет ожидания прошло, и вот в эту ночь, наконец-то, дивным цветом распустился папоротник. И коли успеют сорвать, да желанье заветное загадать, то будет конец у страданий их, жизнью вечной навязанных.

Уже на подлете к месту, о котором ворон сказывал, видят женщины, что не одни они к цветочку торопятся. Бежит меж деревьев столетних, юбками за коряги цепляясь, девушка юная, да босоногая, первой к цветку прийти надеясь. Кричат ей ведьмы, улюлюкают, но словно не слыша призывов их, селянка лишь сильнее к цели припускает. И вот, по велению

Божьему, али проказе Велеса, уже в руках девицы босоногой цветок аленький от стебля оторванный. И губами мягкими шепчет девушка:

— Я, Лисовская Александра, дочь священника Гаврила, хочу миром править! Что бы боялись и уважали меня все, а выше меня лишь муж мой законный был!

И смеются ведьмы смехом не истовым, желанью глупому не удивляясь. Каждая из них у цветка того же просила, судьбу обхитрить надеясь. Но злодейка, потехи ради, не желает забаву свою прекращать, вместо освобождения желанного, все новых подруг подкидывая. Что поделать, скоро трое их значит, будет, веками жить, да ожидать, когда вновь распуститься папоротник.

Может, в этом и есть загадка истинная, что, раз от раза расцветая, цветок аленький, душу чью-то сгубить старается, прежде, чем та, кто желаньем глупым пересытившись, успеет сорвать его, да назад свою жизнь вернуть.

P.S. Много бессмертных по земле ступают не заметно. Ведь покуда помним мы о том кем был человек и в какое время путь свой шел, бережем в своем сердце любовь или ненависть к нему, будет вечно жить он памятью нашей обессмерченный.

Больше книг на сайте - Knigolub.net